

ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Орхан Памук

# ЧУМ- НЬЕ НОЧИ

Книги Памука  
написаны столь изящно,  
с таким глубоким вниманием  
и уважением к героям,  
что чтение их походит на сон,  
полный любви и веры.

*People*

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!



Большой роман

Орхан Памук  
**Чумные ночи**

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.512.161  
ББК 84(5Туц)-44

**Памук О.**

Чумные ночи / О. Памук — «Азбука-Аттикус»,  
2021 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-20691-5

Орхан Памук – самый известный турецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе. Его новая книга «Чумные ночи» – это историко-детективный роман, пронизанный атмосферой восточной сказки; это роман, сочетающий в себе самые противоречивые темы: любовь и политику, религию и чуму, Восток и Запад. «Чумные ночи» не только погружают читателя в далекое прошлое, но и беспощадно освещают день сегодняшний. Место действия книги – небольшой средиземноморский остров, на котором проживает как греческое (православное), так и турецкое (исламское) население. Спокойная жизнь райского уголка нарушается с приходом страшной болезни – чумы. Для ее подавления, а также с иной, секретной миссией на остров прибывает врач-эпидемиолог со своей женой, племянницей султана Абдул-Хамида Второго. Однако далеко не все на острове готовы следовать предписаниям врача и карантинным мерам, ведь на все воля Аллаха и противиться этой воле может быть смертельно опасно... Впервые на русском!

УДК 821.512.161

ББК 84(5Туц)-44

ISBN 978-5-389-20691-5

© Памук О., 2021  
© Азбука-Аттикус, 2021

## Содержание

Предисловие	8
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	55
Глава 11	61
Глава 12	65
Глава 13	68
Глава 14	74
Глава 15	78
Глава 16	82
Глава 17	84
Глава 18	87
Глава 19	91
Глава 20	96
Глава 21	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

# Орхан Памук

## Чумные ночи

Orhan Pamuk  
VEBA GECELERI  
Copyright © 2021, Orhan Pamuk  
All rights reserved

БОЛЬШОЙ  
РОМАН

Серия «Большой роман»  
Перевод с турецкого Михаила Шарова  
Оформление обложки Вадима Пожидаева  
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© М. С. Шаров, перевод, 2021  
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021  
Издательство ИНОСТРАНКА®

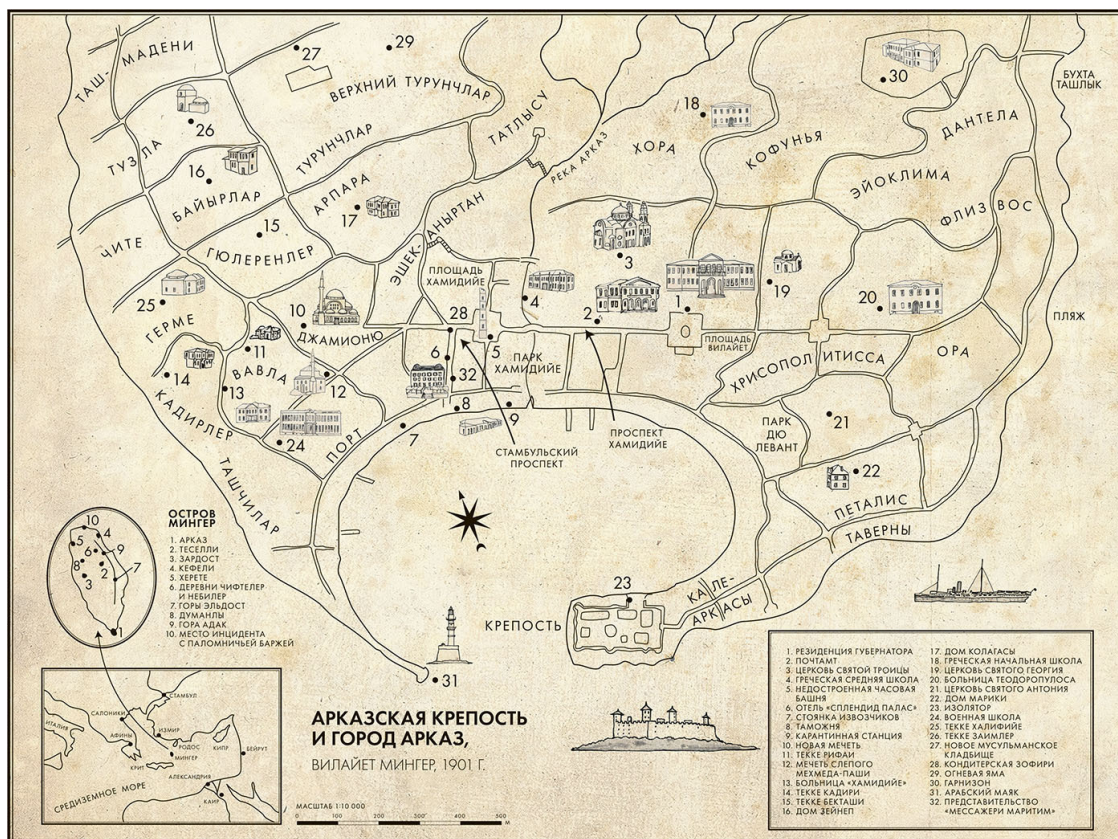
\* \* \*

*При приближении опасности всегда два голоса одинаково сильно говорят в душе человека: один весьма разумно говорит о том, чтобы человек обдумал самое свойство опасности и средства для избавления от нее; другой еще разумнее говорит, что слишком тяжело и мучительно думать об опасности, тогда как предвидеть все и спастись от общего хода дела не во власти человека, и потому лучше отвернуться от тяжелого, до тех пор пока оно не наступило, и думать о приятном.*  
**Лев Толстой. Война и мир**

*Ни один писатель последующей эпохи не ставил себе задачей изучить и сравнить эти мемуары, чтобы составить из них непрерывную цепь событий, последовательную историю этой чумы.*  
**Алессандро Мандзони. Обрученные<sup>1</sup>**

---

<sup>1</sup> Перевод Н. К. Георгиевской и А. М. Эфроса. – Здесь и далее примечания перев.



Хочу выразить благодарность моему другу-историку Эдхему Эльдему, чьи советы и поправки немало помогли мне на последнем этапе работы над книгой.

О. Памук

## Предисловие

Эта книга – исторический роман, но одновременно и написанное в форме романа историческое исследование. Повествуя о самых тревожных и насыщенных событиями шести месяцев, которые когда-либо случалось переживать жителям острова Мингер, этой жемчужины Восточного Средиземноморья, я присовокупила к рассказу и некоторые сведения об истории моей родины, которую я так люблю.

Я занималась исследованием эпидемии чумы 1901 года и в какой-то момент почувствовала, что, для того чтобы понять мотивы поступков некоторых людей в тот короткий, но полный драматических событий период, сухой исторической науки недостаточно – необходимо воспользоваться средствами художественной литературы. Так я и сделала – попыталась соединить историю с литературой.

Но пусть читатель не думает, будто к работе меня подвигли мысли о высокой литературе. Началось все с того, что в руки мои попали письма – письма, настолько замечательные, что мной овладело желание написать о них. Мне поручили подготовить к печати и прокомментировать 113 писем Пакизе-султан, третьей дочери Мурада V<sup>2</sup>, отправленных ею в 1901–1913 годах старшей сестре Хатидже-султан. Роман, к чтению которого вы приступаете, изначально замышлялся как предисловие научного редактора.

Предисловие разрасталось, наполнялось подробностями, почерпнутыми мною за время моих штудий, и в конце концов превратилось в книгу, которую вы держите в руках. Должна признаться, что прежде всего я была очарована личностью милой и необычайно чувствительной Пакизе-султан, ее стилем и умом. Она обладала столь редким – как среди историков, так и среди романистов – талантом рассказчика, интересом к подробностям и желанием поделиться с читателем тем, что знает и чувствует. Я провела немало лет, изучая в английских и французских архивах донесения консулов, работавших в портовых городах Османской империи, написала на этом материале докторскую диссертацию и несколько монографий. Ни один из этих людей не передал схожие события, дни чумы или холеры, с такой глубиной и блеском, как это сделала Пакизе-султан; ни в одном из их донесений не чувствуется столь явственно атмосфера османского порта, заставляя читателя узреть воочию краски восточного базара, услышать крики чаек и скрип тележных колес. Должно быть, именно полный жизни рассказ дочери султана, удивительно восприимчивой к людям, явлениям и событиям, навел меня на мысль превратить предисловие в роман.

Читая ее письма, я задавалась вопросом: не потому ли Пакизе-султан описала события ярче и подробнее всех историков и иностранных консулов, что была женщиной? Не будем забывать, что в дни чумы она почти не выходила из своей комнаты в гостевых покоях резиденции губернатора и о происходящем в городе знала из рассказов мужа-доктора. Пакизе-султан не только воссоздала в письмах мир мужчин, политиков, чиновников и врачей, но и смогла представить себя на их месте. Вот и я, работая над своим романом-хроникой, старалась воскресить для читателя этот мир. Разумеется, быть такой же открытой, яркой и жадной до жизни, как Пакизе-султан, очень непросто.

Замечательные ее послания, которые, будучи опубликованы, составят том не менее чем в шестьсот страниц, увлекли меня, конечно, и потому еще, что сама я провела детство на острове Мингер. Девочкой я встречала имя Пакизе-султан в школьных учебниках, газетных статьях и горячо любимых еженедельных журналах для детей («Наш остров» и «Увлекательная история»), где печатались героические сказки и комиксы, и чувствовала к ней какое-то особенное расположение. И если многим Мингер представляется таинственным островом из сказок и

---

<sup>2</sup> Мурад V (1840–1904) – 33-й султан Османской империи, правивший несколько месяцев в 1876 году.



легенд, то для меня таким же сказочным ореолом всегда была окружена Пакизе-султан. И когда в руки мои неожиданно попали ее письма, открыв мне повседневные заботы и подлинные чувства моей сказочной героини, я была очарована силой ее личности и искренностью. Добравшись до конца книги, терпеливый читатель увидит, что мне суждено было познакомиться с ней и по-настоящему.

В реальности мира из писем я уверилась, еще когда работала в стамбульских, мингерских, английских архивах, читала документы и мемуары того времени. Однако, взявшись за написание исторического романа, я не могла отделаться от ощущения, что порой отождествляю себя с Пакизе-султан и словно бы рассказываю историю своей собственной жизни.

Мастерство писателя определяется тем, насколько он способен рассказывать о пережитом как о случившемся с кем-то другим, а чужой опыт описывать как собственный. Поэтому мне легко было поверить, что, представляя себя дочерью султана, я поступаю так, как положено писателю. Куда сложнее было представить себя на месте облеченных властью мужчин, пашей и врачей, руководивших борьбой с эпидемией.

Поскольку роман и формой своей, и духом похож скорее на историю, в которой действует множество людей, нежели на рассказ об одном человеке, происходящие в нем события должны быть показаны с самых разных точек зрения. С другой стороны, великий романист Генри Джеймс, в котором женского было больше, чем во всех других писателях, полагал – и я с ним согласна, – что для пущей убедительности все события во всех их подробностях читатель должен видеть глазами одного героя.

Однако я писала не просто роман, но роман-исследование и потому частенько не то что не следовала этому правилу, а шла вопреки ему. То в самых драматических местах принималась знакомить читателя с цифрами, историческими фактами и сведениями. То, описывая сложные переживания одного героя, перескакивала на мысли другого, о которых первый не знал и знать не мог. А то пускалась в рассуждения о том, будто свергнутый с трона султан Абдул-Азиз<sup>3</sup>, по убеждению многих, покончил жизнь самоубийством, хотя нисколько не сомневаюсь, что это было убийство. Словом, я старалась взглянуть на яркий мир, изображенный в письмах Пакизе-султан, глазами некоторых других его обитателей, чтобы придать книге исторической объективности.

Как попали ко мне эти письма? Почему я не опубликовала их, прежде чем браться за роман? Насколько серьезно воспринимаю я детективную линию сюжета? Эти вопросы мне задавали очень часто, но здесь я отвечу лишь на последний из них. Надо сказать, что идею романа поддержали мои коллеги-историки, которым я рассказывала об убийствах, упоминавшихся в письмах, и о страсти султана Абдул-Хамида<sup>4</sup> к романам. Ободрил меня также интерес, который проявило к идее детектива и к истории маленького острова Мингер такое уважаемое издательство, как «Кембридж юниверсити пресс». Разумеется, тайны и значение чудесного мира, который я много лет с великим наслаждением старалась воссоздать, куда глубже и важнее, чем ответ на вопрос о том, кто убийца. Этот ответ может быть, самое большее, знаком, подсказкой. Интерес к детективной линии превратит всю книгу, начиная со слов величайшего исторического романиста Толстого в эпиграфе и этого предисловия, в целое море подсказок.

Некоторые критиковали меня за то, что я слишком много полемизирую с популярными и официально признанными историками (хотя и не упоминаю их имен). Возможно, эти упреки справедливы. Но сделала я это потому, что отношусь к популярным и любимым читателями историческим книгам очень серьезно.

---

<sup>3</sup> *Абдул-Азиз* (1830–1876) – 32-й султан Османской империи, правивший в 1861–1876 годах.

<sup>4</sup> *Абдул-Хамид II* (1842–1918) – 34-й султан Османской империи, правивший в 1876–1909 годах.

В предисловии к каждой книге, посвященной истории Востока, Леванта<sup>5</sup> и Восточного Средиземноморья, затрагиваются вопросы передачи букв древних алфавитов с помощью латиницы. Я рада, что мой роман не пополнил ряды этих скучных сочинений. Впрочем, мингерский язык и мингерский алфавит не похожи ни на какие другие! Некоторые местные топонимы я передавала по буквам, как они пишутся, другие – по звукам, как они слышатся. То обстоятельство, что один из мингерских городов называется совсем как город в Грузии, объясняется простым совпадением. Однако если многое в моей книге покажется вам смутно знакомым, словно давние, полузабытые воспоминания, – знайте, что это не случайность. Так и было задумано.

*Мина Мингерли*  
*Стамбул, 2017*

---

<sup>5</sup> *Левант* – общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирии, Ливана, Палестины, Израиля, Иордании, Египта, Турции и др.).

## Глава 1

В 1901 году пароходу, отправляющемуся из Стамбула, нужно было четыре дня, пыхая черным угольным дымом, идти на юг, а затем, миновав Родос, еще полдня продвигаться по опасным и бурным южным водам в сторону Александрии, и только тогда взору пассажиров являлись стройные башни Арказской крепости на острове Мингер. Поскольку остров лежал на линии, соединяющей Стамбул и Александрию, таинственный силуэт крепости могли с восхищением и любопытством наблюдать издалека пассажиры многих пароходов. Порой какой-нибудь капитан, натура утонченная, приметив на горизонте волшебное зрелище, «алмаз зеленый в розовой оправе» (Гомер, «Илиада»), приглашал пассажиров на палубу насладиться видом Мингера, и художник, отправляющийся в путешествие по Востоку, торопился запечатлеть романтический пейзаж, украсив его грозowymi тучами.

Но лишь немногие корабли приставали к острову. В те времена только три парохода совершали еженедельные рейсы на Мингер: «Сахалин», чей пронзительный гудок был знаком каждому жителю острова, «Экватор», обладающий голосом более басовитым (оба принадлежали компании «Мессажери маритим»<sup>6</sup>), и «Зевс», изящное судно критской компании «Пантелеймон», подававшее сигнал очень редко и коротко. Поэтому прибытие 22 апреля 1901 года, когда начинается наш рассказ, за два часа до полуночи, парохода, не предусмотренного расписанием, было чем-то из ряда вон выходящим.

Остроносый корабль с тонкой белой трубой, который тихо, словно соглядатай, приближался к Мингеру с севера, носил название «Азизийе» и плыл под флагом Османской империи. На его борту находилась делегация высокопоставленных сановников, которую султан Абдул-Хамид II отправил в Китай с весьма важной миссией. Семнадцать человек в фесках, кавуках<sup>7</sup> и шляпах, религиозные деятели, военные, чиновники и переводчики. В последний момент Абдул-Хамид повелел включить в делегацию свою племянницу Пакизе-султан, которую недавно выдал замуж, и ее супруга, дамат<sup>8</sup> доктора Нури. Счастливые, взволнованные и немного растерянные новобрачные так и не смогли понять, зачем их отправляют в Китай, хотя много об этом говорили друг с другом.

Пакизе-султан, как и ее старшие сестры, не любила своего дядю и была уверена, что Абдул-Хамид включил их с мужем в делегацию с какой-то тайной, дурной целью. Но в чем состояла эта цель, ей пока было невдомек. В те дни некоторые дворцовые сплетники утверждали, будто султан отправляет новобрачных подальше из Стамбула, чтобы они сгинули где-нибудь на просторах Азии или в аравийских пустынях от желтой лихорадки либо холеры. Другие же напоминали, что целей Абдул-Хамида нипочем не уяснишь до завершения затеянной им игры. Дамат Нури был настроен более благодушно. К своим тридцати восьми годам он успел прославиться как блестящий врач-эпидемиолог. Ему не раз случалось представлять Османскую империю на международных медицинских конференциях. Благодаря успехам, достигнутым им в своей области врачебного дела, его имя стало известно Абдул-Хамиду, и тот пожелал познакомиться с доктором. Пообщавшись с султаном, Нури-бей удостоверился в том, что знали многие его коллеги: интерес повелителя Османской империи к успехам европейской медицины не уступал его любви к детективным романам. Султан внимательно следил за последними достижениями в области микробиологии и вакцинации и желал применять новшества на практике в Стамбуле и на всех подвластных ему землях. Кроме того, узнал доктор

---

<sup>6</sup> «Мессажери маритим» – французская пароходная компания, основанная в 1851 году императором Наполеоном III.

<sup>7</sup> Кавук – традиционный головной убор, на который наматывалась чалма.

<sup>8</sup> Дамат (букв. зять) – титул, присваивавшийся в Османской империи мужчинам, женившимся на родственницах султана.

Нури, Абдул-Хамид осведомлен, что из Азии, из Китая на Запад проникают новые заразные болезни, и весьма этим обеспокоен.

В Восточном Средиземноморье царил штиль, и «Азизийе», прогулочный пароход султана, продвигался на юг быстрее, чем ожидалось. По пути он зашел в Измир<sup>9</sup>, хотя эта остановка и не значилась в заранее объявленном маршруте. Пока пароход приближался к окутанной легким туманом пристани, члены делегации один за другим поспешили по узкому трапу на капитанский мостик, желая узнать причину задержки, и выяснилось, что «Азизийе» должен принять на борт таинственного пассажира. Капитан, русский моряк на службе у османского султана, утверждал, будто и сам не знает, что за человека должен забрать в Измире.

А загадочным пассажиром был главный санитарный инспектор империи, знаменитый химик и фармацевт Бонковский-паша. Этот уже утомленный жизнью, но все еще подвижный шестидесятилетний человек, главный фармацевт султана, заложил основы современного аптекарского дела в Османской империи. В прошлом он с переменным успехом занимался коммерцией: изготавливал розовую воду и духи, продавал минеральную воду в бутылках, владел несколькими фармацевтическими компаниями. В последние же десять лет сосредоточился на государственной службе: возглавлял санитарную инспекцию империи, готовил для Абдул-Хамида доклады о распространении холеры и чумы и неустанно ездил из города в город, из порта в порт, от одного очага эпидемии к другому, чтобы от имени султана надзирать за соблюдением необходимых карантинных и санитарных мер.

Бонковский-паша много раз участвовал в международных эпидемиологических конгрессах. За четыре года до описываемых событий он подал султану Абдул-Хамиду «записку» о мерах, которые надлежит принять империи для искоренения пришедшей с Востока чумы. Затем был отправлен в Измир, дабы погасить вспышку чумы в греческих кварталах города. Да, в Османскую империю, измученную эпидемиями холеры, уже занесли с Востока новую заразу – чумную палочку, свирепость которой («вирулентность», как говорили ученые доктора) то усиливалась, то слабела.

Бонковский-паша покончил с эпидемией чумы в Измире, самом большом османском порту Восточного Средиземноморья, за шесть недель. Сделать это удалось потому, что горожане подчинились требованию не покидать дома, не нарушали санитарных кордонов, охотно соблюдали все запреты и помогали городским властям и полиции уничтожать крыс. Весь город пропах дезинфектантами, которыми пожарные поливали улицы из шлангов. Газеты – не только местные «Ахенк» и «Амальтея» и стамбульские «Терджуман-и Хакикат» и «Икдам», но также французские и английские, – следившие за шествием чумы из одного портового города в другой, посвящали успехам карантинной службы Османской империи хвалебные статьи. Доктор Бонковский, поляк, родившийся в Стамбуле, был известен в Европе и пользовался там уважением. Унеся жизни семнадцати человек, чума отступила. В Измире вновь открылись причалы, набережные, таможни, лавки и базары, возобновились занятия в школах.

Высокопоставленные пассажиры парохода «Азизийе», наблюдавшие с палубы и из иллюминаторов своих кают, как паша (это звание султан Абдул-Хамид присвоил главному фармацевту пять лет назад) и его помощник поднимаются на борт, знали об успехах карантинных и санитарных мер, принятых в Измире. Станислав Бонковский был одет в дождевик неразличимого по ночному времени цвета и пиджак, не совсем удачно сидящий на высокой сутулой фигуре, а в руке держал знакомый всем его ученикам светло-серый портфель, который вот уже тридцать лет всюду таскал с собой. Его помощник, доктор Илиас, тащил сундук с переносной лабораторией, позволявшей везде, куда бы ни отправился Бонковский-паша, распознавать холерные эмбрионы и чумные палочки, отличать загрязненную воду от питьевой

<sup>9</sup> Измир – крупный порт на западном побережье полуострова Малая Азия.



в любом уголке империи. Не поздоровавшись с любопытными пассажирами «Азизийе», их новые попутчики прошли в свои каюты.

Необщительность и отстраненность вновь прибывших еще сильнее разожгли любопытство членов делегации. В чем причина такой скрытности? Зачем султан отправил в Китай на одном корабле сразу двух лучших в Османской империи специалистов по чуме и эпидемиям? (Вторым был дамат Нури.) Однако вскоре любопытные пассажиры узнали, что Бонковский-паша и его помощник не едут в Китай, а по пути к Александрии сойдут на острове Мингер, и вернулись к своим делам. За предстоящие три недели им надлежало обсудить, как именно следует толковать об исламе с китайскими мусульманами.

О том, что в Измире на пароход сел Бонковский-паша, который держит путь на Мингер, дамат Нури узнал от жены. Оба они были знакомы с пашой, хотя познакомились с ним в разное время и при разных обстоятельствах, оба любили его и потому были рады его соседству. В последний раз доктор Нури виделся с коллегой, который был двадцатью с лишним годами старше его, на Венецианской санитарной конференции. Но дороги их пересеклись еще в те времена, когда юный Нури учился в Военно-медицинской школе, а Бонковский преподавал ему химию. Подобно многим другим студентам, Нури благоговел перед учителем, получившим образование в Париже, и с величайшей охотой посещал его занятия в химической лаборатории, а позже – лекции по органической и неорганической химии. Все студенты-медики восхищались разносторонностью Бонковского, который своим интересом к великому множеству предметов напоминал человека Возрождения, его чувством юмора и тем, что помимо разговорного турецкого он в совершенстве знал еще три европейских языка. Происхождения он был, как уже упоминалось, польского, хотя и родился в Стамбуле: его отец, как многие другие офицеры, принимавшие участие в разгромленном восстании поляков против Российской империи, отправился в изгнание и поступил на службу в османскую армию.

Что же до Пакизе-султан, то ей радостно было вспомнить, как она виделась с Бонковским в детстве и юности. Одиннадцать лет назад во дворце, где жила, как в тюрьме, ее семья, распространилась болезнь, от которой слегли в мучительном жару и мать Пакизе, и другие обитательницы гарема. Султан Абдул-Хамид, решив, что причиной повальной хвори стал какой-то микроб, отправил во дворец своего главного фармацевта – взять у больных анализы. В другой раз Бонковский-паша посетил дворец Чыраган, когда ему было поручено проверить воду, которую каждый день пили Пакизе-султан и ее семья. Абдул-Хамид держал своего старшего брата, свергнутого султана Мурада V, под стражей во дворце Чыраган, следил за каждым его шагом, но, стоило тому заболеть, посылал к нему лучших врачей. В детстве Пакизе-султан не раз видела в покоях дворца, в том числе и в гареме, чернобородого грека Марко-пашу, главного врача отцовского дяди, убитого заговорщиками султана Абдул-Азиза, и лейб-медика самого Абдул-Хамида, Маврояни-пашу.

– Несколько лет спустя я встретила доктора Бонковского во дворце Йылдыз<sup>10</sup>, – сказала Пакизе-султан. – Он брал там пробы воды и писал об этом доклад. Увы, он лишь издали улыбнулся нам с сестрами и не стал рассказывать увлекательные истории и мило шутить, как бывало в нашем детстве.

Встречи дамат Нури с главным фармацевтом султана носили куда более официальный характер. На Венецианской конференции трудолюбие и опыт Нури-бея произвели впечатление на его старшего коллегу.

– Возможно, именно Бонковский-паша был одним из тех, кто хвалил меня как хорошего эпидемиолога в разговорах с султаном, – взволнованно сказал доктор Нури жене и напомнил ей, что их с пашой пути сходились и после того, как он, Нури, окончил Военно-медицинскую школу и стал врачом.

<sup>10</sup> Дворец Йылдыз – резиденция султана Абдул-Хаида II.

Однажды по поручению Блака-бея<sup>11</sup> они проверяли санитарное состояние скотобоев, размещавшихся прямо на стамбульских улицах. В другой раз Нури-бей с несколькими врачами и студентами помогал Бонковскому подготовить доклад о топографических и геологических особенностях озера Теркос<sup>12</sup>, для чего, в частности, требовалось провести микробиологический анализ озерной воды, и снова был восхищен умом, работоспособностью и трудолюбием масти-того ученого. Обменявшись приятными воспоминаниями, супруги поняли, что им хочется снова увидеться со старым знакомым.

---

<sup>11</sup> *Эдуар Блак* (1824–1895) – османский дипломат французского происхождения. В конце жизни был главой муниципалитета стамбульского района Пера (современный Бейоглу).

<sup>12</sup> *Теркос* (Дурусу) – озеро в 45 километрах к северо-западу от Стамбула.

## Глава 2

Через стюарда дамат Нури передал паше записку, и вечером капитан устроил для них ужин в каюте, которую на «Азизийе» называли салоном. Ни вина, ни иных спиртных напитков не подавали. Присоединилась к трапезе и Пакизе-султан, которая обычно не показывалась на глаза пассажирам и ела у себя в каюте. Напомним, что в те времена женщина, будь она даже дочерью султана, чрезвычайно редко садилась за один стол с мужчинами. Все увиденное и услышанное в тот вечер Пакизе-султан позже изложила в письме старшей сестре, благодаря чему сегодня мы знаем все детали исторического ужина.

Бонковский, бледный, с небольшим, аккуратным носом и огромными голубыми глазами, навсегда запоминавшимися всем, кто хоть раз с ним встречался, при виде доктора Нури поспешил заключить в объятия бывшего студента. Затем он церемонно, словно принцессе, принимающей его в каком-нибудь европейском дворце, поклонился Пакизе-султан, но, не желая смутить, даже не прикоснулся к ее руке. Одеваясь к ужину, главный санитарный инспектор, верный европейскому этикету, надел орден Святого Станислава второй степени, полученный от русского царя, и любимую османскую награду, золотую медаль «За отличие».

– Дорогой учитель, – заговорил доктор Нури, – позвольте мне выразить свое восхищение вашими успехами в Измире.

С тех пор как газеты стали писать, что вспышка чумы в Измире затухает, Бонковский-паша слышал немало поздравлений, которые, как и сейчас, неизменно встречал застенчивой улыбкой.

– Примите и вы мои поздравления! – сказал он, взглянув прямо в глаза доктору Нури.

И тот тоже улыбнулся, сообразив, что паша поздравляет ученика, много лет боровшегося с эпидемиями в Хиджазе<sup>13</sup>, а затем представлявшего Османскую империю на международных конференциях, не с успехами в этих его трудах, а с тем, что тот взял в жены представительницу Османской династии, дочь султана. Абдул-Хамид выдал племянницу за выдающегося, прославленного своими свершениями врача, однако после свадьбы эти заслуги Нури-бея отошли на второй план, в нем стали видеть в первую очередь человека, породнившегося с султаном.

Впрочем, дамат Нури очень скоро свыкся с подобным положением дел. Он был слишком счастлив, чтобы его задевали такие мелочи. К тому же он очень уважал учителя, умеющего трудиться по-европейски, дисциплинированно и методично (эти два слова, заимствованные из французского языка, были очень любимы просвещенными людьми Османской империи). Ему захотелось сказать Бонковскому что-нибудь приятное:

– Покончив с эпидемией в Измире, вы показали всему миру, как хорошо работает османская карантинная служба! Замечательный ответ всем тем, кто называет нашу империю «больным человеком Европы». Холеру мы еще не искоренили, однако вот уже восемьдесят лет в османских владениях не бывало серьезной эпидемии чумы. Раньше говорили, что Османскую империю отделяет от ушедшей на двести лет вперед цивилизованной Европы не Дунай, а именно чума. А теперь благодаря вам карантин и медицинская наука покончили с этим разделением!

– К сожалению, чума замечена на Мингере, – сказал Бонковский-паша. – И вирулентность у нее чрезвычайно высокая.

– Что?!

– Да, паша, чума проникла в мусульманские кварталы на Мингере. Не удивляйтесь, что вы ничего такого не слышали, пока готовились к свадьбе, – вести об этом скрывают. Кстати, о

---

<sup>13</sup> Хиджаз – территория на западе Аравийского полуострова, где находятся священные для мусульман города Мекка и Медина.

свадьбе. Мне очень жаль, что я не сумел откликнуться на ваше приглашение, но у меня есть оправдание. Я не мог уехать из Измира.

– Я слежу за тем, как свирепствует эпидемия в Гонконге и Бомбее, читаю все, что об этом сейчас пишут.

– Положение еще хуже, чем пишут, – уверенно заявил Бонковский-паша. – И в Китае, и в Индии тысячи людей убивает один и тот же микроб. Это одна и та же болезнь. И в Измир пришла именно она.

– Но в Индии эпидемия уносит огромное количество жизней... А в Измире вы ее остановили.

– Дело в том, что в Измире нам помогало местное население и газеты, – проговорил Бонковский-паша и немного помолчал, давая понять, что собирается сообщить нечто важное. – В Измире болезнь затронула греческие кварталы. К тому же измирцы – люди весьма просвещенные и цивилизованные. А на острове Мингер чума замечена главным образом в мусульманских кварталах, и уже погибло пятнадцать человек! Там нам будет куда тяжелее.

Доктор Нури по собственному опыту знал, что мусульман сложнее заставить соблюдать карантинные ограничения, чем христиан. С другой стороны, он уже устал от преувеличений, которые допускали медики-христиане, такие как Бонковский-паша, рассуждая об этой проблеме. Спорить он не стал. Неловкое молчание затянулось, и, чтобы нарушить его, Пакизе-султан произнесла, обращаясь будто бы к капитану:

– Споры на эту тему не утихают.

– Вам, конечно, известна история бедняги доктора Жан-Пьера! – произнес Бонковский-паша с улыбкой желающего пошутить учителя. – Поскольку его величество считает вопрос об эпидемии чумы на Мингере политическим, я должен скрывать от всех, с какой целью еду на остров. Об этом меня несколько раз предупреждали и его приближенные, и губернатор Мингера Сами-паша. Кстати, я знаю его с давних пор, когда он еще руководил каза, а позже – санджаком<sup>14</sup>.

– Пятнадцать смертей – большая цифра для маленького острова! – сказал доктор Нури.

– На эту тему я не могу беседовать даже с вами, паша. Запрещено! – развел руками Бонковский и с улыбкой кивнул в сторону Пакизе-султан, словно предупреждая: «Осторожно, шпион!», а затем заговорил с ней тоном доброго дядюшки, тоном, которого придерживался много лет назад при встрече с воспитанными на европейский манер османскими принцессами в театре дворца Йылдыз или же на приеме по случаю визита кайзера Вильгельма, пусть и сохраняя известную дистанцию. – Впервые в жизни вижу, чтобы дочери султана позволили выехать за пределы Стамбула, – сказал он с преувеличенным удивлением. – Представительницы Османской династии пользуются все большей свободой и европеизируются!

Когда письма Пакизе-султан будут опубликованы, читатели увидят, что она уловила скрытую в этих словах иронию, даже насмешку. Умом и тонкостью восприятия она не уступала своему отцу Мураду V.

– Паша, – ответила она Бонковскому, – я предпочла бы скорее отправиться в Венецию, нежели в Китай.

И разговор перешел на Венецию, где бывали и Бонковский-паша, и доктор Нури.

– Я слышала, что там, как и у нас на Босфоре, из одного здания в другое переправляются на лодках и можно даже вплыть в дом на лодке, так ли это? – осведомилась Пакизе-султан.

Потом потолковали про «Азизийе»: до чего же это быстрое и мощное судно, какие комфортабельные на нем каюты. Этот роскошный корабль тридцать лет тому назад повелел построить для себя позапрошлый султан, Абдул-Азиз (в честь которого и назвали пароход), хотя империя тогда пребывала в долгах как в шелках. В противоположность своему племян-

---

<sup>14</sup> Каза и санджак – административные единицы в Османской империи.



нику Абдул-Хамиду он не жалел денег на укрепление османского флота. На пароходе имелась султанская каюта, обшитая панелями из красного дерева, блиставшая позолотой и зеркалами в роскошных рамах, такая же как на броненосце «Махмудийе». Русский капитан похвалился превосходными характеристиками своего корабля: он может принять на борт сто пятьдесят человек, а скорость развивает до четырнадцати миль в час. Как жаль, что его величество, обремененный множеством дел, уже который год все не изыщет времени, чтобы совершить на «Азизийе» хотя бы прогулку по Босфору! Все сидящие за столом знали, конечно, что султан Абдул-Хамид, опасаясь покушений на свою жизнь, старается держаться подальше от пароходов и прочих плавательных средств, но эту тему затрагивать остереглись.

Когда капитан сообщил, что до острова осталось всего шесть часов пути, Бонковский-паша поинтересовался у доктора Нури, доводилось ли тому когда-нибудь бывать на Мингере.

– Нет, ни разу, – ответил доктор. – Там ведь не случилось ни холеры, ни желтой лихорадки.

– Вот и я, к сожалению, там прежде не бывал. Однако в свое время из любопытства навел справки об этом острове. Плиний в своей «Естественной истории» пространно повествует о его уникальной флоре, о деревьях и цветах, об отвесных вулканических склонах и окруженных скалами бухтах на северном побережье. Климат там тоже удивительный. Много лет назад я подал его величеству записку о том, что на Мингере можно было бы выращивать розы, хотя ни разу там не бывал.

– И что же? – полюбопытствовала Пакизе-султан.

Бонковский-паша задумчиво улыбнулся. Пакизе-султан подумала, что даже ему, должно быть, пришлось пострадать от подозрений мнительного султана, и перевела разговор на предмет, который уже несколько раз успела обсудить с мужем: случайно ли два лучших в Османской империи эпидемиолога однажды в полночь встретились близ Крита на личном корабле султана?

– Уверяю вас, это просто совпадение, – сказал Бонковский-паша. – Никто, даже сам губернатор Измира Кыбрыслы Камиль-паша<sup>15</sup>, не знал, что «Азизийе» окажется ближайшим кораблем, способным доставить меня на Мингер. Разумеется, я был бы не прочь отправиться с вами, чтобы убедить китайских мусульман в необходимости повиноваться карантинным ограничениям и следовать другим современным мерам. Согласиться соблюдать карантин – значит смириться с европеизацией, и на Востоке достичь этого становится все сложнее. Но пусть ваше высочество не расстраивается. Уверяю вас, в Китае тоже есть каналы, и даже более длинные и широкие, чем в Венеции, и там тоже, как на Босфоре, имеются изящные лодки, на которых можно заплыть прямо в дом.

Молодожены восхищенно смотрели на Бонковского, который, оказывается, много знает о Китае, хотя и там не бывал.

Когда ужин, не слишком долгий, подошел к концу, супруги вернулись в свою каюту, которая больше напоминала дворцовые покои. Все украшавшие ее столики, часы, зеркала и светильники были привезены из Франции и Италии.

– Вас что-то расстроило, – произнесла Пакизе-султан. – Вижу по лицу.

Как оказалось, доктору Нури почудилась некая издевка в том, что Бонковский то и дело называл его пашой. Этим титулом по традиции Абдул-Хамид пожаловал новоиспеченного супруга своей родственницы сразу после бракосочетания, однако тот еще ни разу так не представлялся, не чувствуя в сем необходимости. Теперь же, когда его подобным образом именовал настоящий паша, да еще и в солидных летах и чинах, человек почтенный, доктору становилось

---

<sup>15</sup> Кыбрыслы [Мехмед] Камиль-паша (Мехмед Камиль-паша с Кипра, 1833–1913) – государственный деятель Османской империи, четырежды занимавший пост великого визиря.

не по себе. Он чувствовал, что не заслужил такого обращения. Впрочем, решив, что Бонковский не из тех, кто стал бы вкладывать в него издевку, супруги оставили щекотливую тему.

Они были женаты тридцать дней. Оба долго мечтали о том, чтобы найти себе подходящую пару, но, не найдя, давно оставили надежду на семейное счастье. И вот благодаря внезапному решению Абдул-Хамида (от знакомства до свадьбы прошло всего два месяца) они оказались мужем и женой – и были необыкновенно счастливы. Потому, несомненно, что оба, неожиданно для самих себя, получали огромное наслаждение от физической близости. С тех пор как пароход вышел из Стамбула, большую часть времени супруги проводили в своей каюте, в постели, и это казалось им вполне естественным.

Под утро они проснулись от корабельного гудка, похожего на стон. За окном было еще темным-темно. Ночью «Азизийе» прошел вдоль горного хребта Эльдост, чьи острые вершины тянутся с севера на юг острова, и, когда бледный огонек Арабского маяка уже можно было различить невооруженным взглядом, повернул на запад, к Арказу, самому крупному городу и столице Мингера. В небе сияла огромная луна, серебристо блестело море, и потому было достаточно светло, чтобы пассажиры из своих кают могли разглядеть в сумраке за крепостью силуэт Белой горы, самого загадочного вулкана Средиземноморья.

При виде островерхих башен величественной Арказской крепости Пакизе-султан захотела получше рассмотреть залитый лунным светом пейзаж, и молодожены вышли на палубу. Воздух был влажным, но теплым. От моря приятно пахло йодом, водорослями и миндалем. Поскольку в Арказе, как и во многих других небольших приморских городках Османской империи, не было подходящего по размерам причала, капитан дал задний ход в виду крепости и стал ждать.

Воцарилась странная, глубокая тишина. Пакизе-султан и доктор Нури заворуженно смотрели на открывшийся им волшебный мир. Таинственный пейзаж, осиянные лунным светом горы, безмолвие – во всем этом была какая-то восхитительная значительность. Казалось, что к серебристому мерцанию луны примешивается иной свет и они, будто околдованные, ищут его источник. Некоторое время супруги созерцали удивительный сияющий пейзаж, словно именно в нем заключалась причина их счастья. Затем показалась лодка – сначала они увидели фонарь на ее носу, потом гребцов, медленно поднимающих весла. На нижней палубе у трапа появились Бонковский-паша и его помощник. Эти двое были очень далеко, как во сне. Большая черная лодка, посланная губернатором, подошла вплотную к «Азизийе». Послышались звуки греческой и мингерской речи, топот ног. Забрав Бонковского с помощником, лодка снова растворилась во тьме.

Супруги и несколько других пассажиров, вышедших на палубу или поднявшихся на капитанский мостик, еще долго любовались Арказской крепостью и величественными сказочными горами, которые всегда так волновали романтически настроенных авторов путевых заметок. Если бы они получше присмотрелись к окну в одном из юго-западных бастионов крепости, этой поэмы из камня, которую слагали крестоносцы, венецианцы, византийцы, арабы и турки-османы, то заметили бы, что в нем горит светильник. Этот бастион много столетий служил тюрьмой. Один из тюремщиков (или, по-современному говоря, охранников), Байрам-эфенди, лежал сейчас в пустой камере на два этажа ниже того окна, в котором горел светильник, и прощался с жизнью.

## Глава 3

Пятью днями ранее, когда у Байрама-эфенди появились первые признаки болезни, он не принял их всерьез. Его кинуло в жар, сердце забилося чаще, потом он почувствовал озноб. Должно быть, утром слишком много ходил по продуваемым всеми ветрами бастиянам и дворам крепости, вот и простудился. На следующий день после полудня к жару присоединилась слабость, совсем не хотелось есть. Проходя по вымощенному булыжником двору, он вдруг сел, потом лег и, глядя в небо, подумал, что может умереть. В лоб ему словно вколачивали гвоздь.

Вот уже двадцать пять лет Байрам-эфенди служил стражником в знаменитой тюрьме Арказской крепости. Кого он только не перевидал там за эти годы! Состарившихся и давным-давно всеми позабытых узников, прикованных к стенам своих камер, преступников, гуськом выходивших на прогулку под звон собственных кандалов, политических заключенных, отправленных сюда пятнадцать лет назад султаном Абдул-Хамидом. Зная, какой была тюрьма в своем изначальном состоянии (не очень-то, впрочем, изменившемся), он от всей души одобрял попытки ее модернизировать, превратить из узилища в современное пенитенциарное учреждение. Когда из Стамбула подолгу не приходили деньги и Байрам-эфенди месяцами не получал жалованья, он все равно каждый вечер приходил на перекличку, иначе не мог потом спокойно спать.

На следующий день он почувствовал ту же смертельную слабость, проходя узким тюремным коридором, и решил не возвращаться домой. Сердце в этот раз колотилось совсем уж отчаянно. Байрам-эфенди зашел в пустую камеру, улегся на кучу соломы в углу и скорчился от муки. Его била дрожь, невыносимо болела голова. Боль пульсировала в передней ее части, во лбу. Хотелось кричать, но он убедил себя, что его страдания кончатся, если сжать зубы и не проронить ни звука. Голову сдавливало словно тисками.

В ту ночь Байрам-эфенди остался в крепости. Его жена и дочь Зейнеп не встревожились: он и раньше, бывало, не возвращался ночевать домой, в десяти минутах езды на извозчике, когда возникала служебная надобность или выходила ссора с домашними. Дочь собирались выдавать замуж, а подготовка к свадьбе – дело хлопотное, так что каждый вечер возникали обиды и вспыхивали ссоры, оканчивавшиеся слезами то жены, то Зейнеп.

Проснувшись утром, Байрам-эфенди осмотрел себя и в промежности слева увидел белый чирей размером с мизинец, формой похожий на огурец. Когда стражник тронул его своим толстым указательным пальцем, чирей заныл, словно был наполнен гноем. Байрам-эфенди убрал палец, и боль прошла, но стражник почему-то ощутил непонятное чувство вины и хладнокровно подумал, что этот чирей связан с его слабостью, ознобом и горячкой.

Что же теперь делать? Христианин, чиновник, военный, паша при таком раскладе пошел бы к врачу или в больницу, будь она поблизости. Время от времени у заключенных в какой-нибудь из тюремных камер открывался понос или обнаруживалась другая какая-то хворь, и тогда всю камеру сажали на карантин. Посмевавшихся жаловаться на карантинные строгости наказывали. За четверть века, что Байрам-эфенди провел в крепости, кое-какие из обращенных к морю старинных венецианских строений не раз и не два использовались не только в качестве тюрьмы, но также таможни, а порой и карантинной станции, так что он немного разбирался в этих делах. Однако ему ясно было, что карантин его уже не спасет. Он понимал, что угодил в когти неведомого, могущественного врага. Объятый страхом, он то проваливался в долгий бредовый сон, то просыпался, разбуженный накатывающей волнами болью, и с тоской осознавал, что этот враг куда сильнее его.

На следующий день Байрам-эфенди немного ожил и пошел на полуденный намаз в мечеть Слепого Мехмеда-паши. При входе повстречал двух знакомых чиновников, обнялся с ними. Прилагая огромные усилия, слушал проповедь, но почти ничего не понимал. Голова кру-

жила, живот сжимали спазмы, он еле стоял на ногах. Имам ни слова не сказал о болезнях, но то и дело повторял, что всё в жизни от Аллаха. Когда народ начал расходиться, Байраму-эфенди захотелось полежать на устилавших пол коврах, и вдруг он понял, что теряет сознание. Подошли какие-то люди, потормошили его. Превозмогая дурноту, Байрам-эфенди постарался казаться здоровым (хотя, может быть, они всё поняли).

Теперь он уже догадывался, что умирает. Это казалось ему несправедливым, хотелось спросить, почему именно он. По щекам текли слезы. Выйдя из мечети, он побрел в квартал Герме, к шейху, у которого можно было купить бумажки с молитвами и амулеты. Этот шейх (толстый такой, а как его зовут, Байрам-эфенди не мог вспомнить) всех страшил чумой и смертью. На месте его не оказалось, но улыбочивый юноша в помятой феске выдал Байраму-эфенди и двум другим людям, тоже пришедшим с полуденного намаза, по заговоренному амулету и бумажке с молитвой. Байрам-эфенди попытался прочесть надпись на бумажке, но не смог ничего разобрать. Тогда ему стало стыдно, и он понял, что умрет по своей собственной вине.

Пришел дородный шейх с длинными седыми волосами и бородой, и Байрам-эфенди вспомнил, что только что видел его в мечети. Ласково улыбнувшись, шейх стал рассказывать, как надо читать молитвы, написанные на бумажках. Ночью, когда из темноты явится демон чумы, нужно тридцать три раза произнести три из имен Аллаха: Реджеб, Муктедик и Баки<sup>16</sup>. Если направить на демона амулет и бумажку с молитвой, достаточно и девятнадцати раз, чтобы беда отступила. Заметив, что собеседник еле держится на ногах от слабости, шейх слегка отодвинулся от него (это не укрылось от внимания Байрама-эфенди) и прибавил, что не имеющий времени произносить имена Аллаха положенное число раз должен просто повесить амулет на шею и дотронуться до него указательным пальцем вот так (шейх показал), это тоже поможет. К чумному бубону на левой стороне тела прикасаться нужно пальцем правой руки, а на правой стороне – пальцем левой руки. Если начнешь заикаться, берись за амулет обеими руками и... Но тут Байрам-эфенди понял, что все эти мудреные правила уже спутались у него в голове, и побрел к своему дому, который находился неподалеку. Дочери, красавицы Зейнеп, не было дома. Жена Эмине, увидев, в каком состоянии муж, заплакала. Потом достала из шкафа постель, развернула ее<sup>17</sup>, и Байрам-эфенди улегся. Его тряс озноб; он хотел что-то сказать, но во рту так пересохло, что не получалось произнести ни слова.

В голове у Байрама-эфенди бушевала буря. Он дергал ногами и руками, словно за ним кто-то гнался, словно ему было страшно или что-то его раздражало. Видя это, жена принималась плакать громче, и плач ее убеждал Байрама-эфенди, что он умирает.

Когда под вечер вернулась Зейнеп, он ненадолго, казалось, пришел в себя, сказал, что амулет на шее его спасет, и снова впал в тревожное забытие. Ему снились странные и кошмарные сны: волны бурного моря, бросающие его то вверх, то вниз; летающие львы, говорящие рыбы и бегущие сквозь языки пламени бесчисленные орды собак. Потом из пламени прыснули крысы и вышли огненные шайтаны, пожирающие прекрасные розы. Крутится ворот колодца, вертится мельница, хлопает и хлопает незапертая дверь, и мир становится все теснее. По лицу катились капли пота, словно от жаркого солнца. Внутри все сжималось, ему хотелось убежать, спрятаться, мысли то неслись кубарем, то замирали. Но страшнее всего было то, что полчища крыс, две недели назад заполонившие тюрьму, крепость и весь остров, врывавшиеся на кухни и пожиравшие циновки, ткани и доски, теперь гнались за ним по тюремным коридорам. Байрам-эфенди убегал от них, потому что боялся прочесть неверные молитвы. Желая, чтобы его услышали в последние часы жизни, он изо всех сил кричал на тварей, являвшихся ему во сне,

<sup>16</sup> *Реджеб* (искаж. Раджаб) – название седьмого месяца арабского лунного календаря (на самом деле не является одним из имен Аллаха). *Муктедик* (искаж. Муктадир) – могущественный (араб.). *Баки* – вечный (араб.).

<sup>17</sup> В традиционных османских домах не было кроватей, постель раскладывали на полу.



но голос его был еле слышен. Теперь рядом с ним стояла на коленях Зейнеп и смотрела на отца, стараясь подавить рыдания.

Потом, как это часто бывает с больными чумой, он на какое-то время пришел в себя. Жена подала ему миску с обжигающе-горячей ароматной похлебкой из тарханы<sup>18</sup> с красным перцем, какую любят готовить в мингерских деревнях. (Байрам-эфенди за всю свою жизнь лишь один раз уезжал с острова.) Он медленно, ложка за ложкой, словно волшебное снадобье, съел похлебку, прочитал полученные от толстого шейха молитвы и почувствовал себя почти здоровым.

Ему не хотелось, чтобы на вечерней переключке в тюрьме допустили какую-нибудь ошибку. Нужно было скорее туда пойти. Он пробормотал это сам себе вслух и, даже не попрощавшись напоследок с женой и дочерью, вышел из дому, сделав вид, будто идет в уборную во дворе. Едва дверь за ним затворилась, Эмине и Зейнеп заплакали, потому как не верили, что он выздоровел.

Было время вечернего намаза. Сначала Байрам-эфенди спустился к морю. Перед отелями «Сплendid палас» и «Мажестик» ждали извозчики, стояли швейцары, расхаживали господа в шляпах. Он прошел мимо представительств пароходных компаний, продающих билеты в Измир, Ханью<sup>19</sup> и Стамбул, обогнул сзади здание таможни. Силы оставили его у моста Хамидийе. В какой-то миг ему показалось, что сейчас он рухнет на землю и умрет. А жизнь была так прекрасна в этот самый яркий, самый красочный час, среди пальм и чинар, на солнечных улицах, заполненных дружелюбными людьми! Под мостом текла речка Арказ – такого зеленого цвета, какой бывает еще разве что в раю, подальше виднелся старинный крытый рынок, а напротив него – крепость, в которой он прослужил тюремщиком всю свою жизнь. Байрам-эфенди тихо заплакал, но вскоре перестал – слишком слаб он был, чтобы плакать. В оранжевых лучах солнца стены крепости розовели сильнее обычного.

Собрав последние силы, он проковылял по пыльной улице мимо почтамта и, держась тени пальм и чинар, снова вышел на берег. Осталось миновать здания венецианской постройки, пройти по извилистым улочкам старого города – и вот она, крепость.

Позже люди рассказывали, что видели, как в тот вечер Байрам-эфенди присутствовал на переключке во второй камере, а потом выпил в караульном помещении стакан липового чая. После наступления темноты его никто уже не видел. В час, когда к острову подошел пароход «Азизийе», один молодой тюремщик слышал крики и рыдания, доносившиеся из камеры этажом ниже, но потом наступила глубокая тишина, и он забыл об этом.

---

<sup>18</sup> Тархана – сухой продукт из ферментированной смеси зерна и кислого молока.

<sup>19</sup> Ханья – город на острове Крит.

## Глава 4

Высадив у острова Мингер Бонковского-пашу с помощником, врачом Илиасом, пароход его величества «Азизийе» продолжил свой путь к Александрии. Делегация, которую он вез, должна была убедить воинственных китайских мусульман не присоединяться к быстро набирающему силу народному восстанию против европейцев.

В 1894 году Япония вторглась в Китай, и ее армия, реформированная по европейскому образцу, быстро разгромила китайскую, которая воевала по старинке. Китайская императрица, бессильная противостоять японцам, поступила так же, как примерно за двадцать лет до того султан Абдул-Хамид II, потерпевший тяжелое поражение от более современной русской армии: она попросила помощи у западных держав. Англичане, французы и немцы защитили Китай от японцев, однако, получив большие торговые и юридические привилегии, принялись делить страну на зоны колонизации (французы обосновались на юге, англичане – в Гонконге и на Тибете, немцы – на севере) и с помощью миссионеров усиливать свое политическое и культурное влияние.

Это побудило нищий китайский народ, в особенности традиционалистов и религиозных фанатиков, взбунтоваться. Заполыхали восстания против правивших страной маньчжуров и «чужаков», в первую очередь христиан и европейцев. Принадлежащие пришельцам с Запада предприятия, банки, почты, клубы, рестораны, магазины и церкви сжигали. Миссионеров и обращенных в христианство китайцев стали убивать прямо на улицах. За быстро разгоравшимся народным восстанием стояла секта, хранившая секреты традиционных боевых и магических искусств. Европейцы называли этих бойцов «боксерами». Императорское правительство, расколовшееся на традиционалистов и веротерпимых либералов, не могло справиться с мятежниками – мало того, армия понемногу переходила на их сторону. Наконец к восстанию против чужаков присоединилась сама императрица. В 1900 году европейские посольства в Пекине были осаждены китайской армией, а рассвирепевший народ принялся расправляться с христианами и иностранцами. И еще до того, как западные державы успели отправить на помощь свою объединенную армию, в уличной стычке был убит немецкий посол фон Кеттелер, сторонник самой агрессивной политики в отношении Китая.

Германский император Вильгельм II отреагировал чрезвычайно жестко. В Бремерхафене<sup>20</sup>, провожая немецкие войска на подавление пекинского восстания, он велел солдатам быть беспощадными, как гуннский вождь Аттила, и не брать пленных. Европейские газеты полнились репортажами о варварстве, жестокости и кровожадности повстанцев, к которым примкнули и местные мусульмане.

В те же самые дни кайзер Вильгельм отправил в Стамбул телеграмму, прося султана Абдул-Хамида оказать ему помощь в Китае. Дело в том, что солдаты, напавшие на немецкого посла, прибыли в Пекин из провинции Ганьсу и были мусульманами. По мнению кайзера, османский султан, являющийся одновременно халифом мусульман всего мира, должен был сделать что-нибудь, чтобы привести в чувство обезумевших фанатиков и положить конец убийству христиан, например отправить войска в Китай и помочь европейцам подавить восстание.

Абдул-Хамид не мог так просто отказать ни англичанам, спасшим его от русских армий, ни их союзникам-французам, ни кайзеру Вильгельму, который посещал его в Стамбуле и всегда проявлял к нему дружеское расположение. Султан отлично понимал, что, если великим европейским державам понадобится, они, объединившись, могут в один присест проглотить Османскую империю, разделить земли этого, по выражению русского царя Николая I, «боль-

---

<sup>20</sup> Бремерхафен – портовый город на северо-западе Германии.

ного человека Европы» и создать на них множество маленьких государств, говорящих каждое на своем языке.

Борьба мусульман против великих держав вызвала у Абдул-Хамида противоречивые чувства. Его весьма интересовали и многочисленные, судя по донесениям, мусульманские восстания в Китае, и движение Мирзы Гулама Ахмада<sup>21</sup>, призывавшего мусульман Индии восстать против англичан. С сочувствием следил он за восстанием Безумного Муллы<sup>22</sup> в Сомали и за другими возмущениями против европейцев в Африке и Азии. Для наблюдения за некоторыми из них он посылал особых военных атташе, а иногда, втайне даже от своего собственного правительства и чиновничьего аппарата (везде шпионы!), пытался оказывать повстанцам помощь. Порой он верил, что, сделав ставку на ислам (а к этому его подталкивало и то, что с отпадением от империи балканских территорий и средиземноморских островов христианского населения в ней становилось все меньше), он, султан Абдул-Хамид, сможет объединить вокруг себя и против Запада мусульманские общины и государства всего мира, – тогда ему хотя бы будет чем грозить великим державам. Как видим, Абдул-Хамид изобрел то, что мы сегодня называем политическим исламом или исламизмом.

Однако султан, большой любитель оперы и детективных романов, вовсе не был искренним и последовательным исламистом, сторонником джихада. Когда в Египте вспыхнуло восстание Ораби-паши<sup>23</sup>, Абдул-Хамид сразу понял, что оно по сути своей националистическое и направлено не только против англичан, но против всех иностранцев, в том числе и турок. Паша-исламист вызывал у Абдул-Хамида отвращение, и султан искренне желал англичанам скорейшей победы. Что же до восстания Махди<sup>24</sup>, которое доставило англичанам столько неприятностей в Судане и стоило жизни генералу Чарльзу Гордону, прозванному любившими его местными мусульманами Гордоном-пашой, то под давлением английского посла Абдул-Хамид назвал его «бунтом голодранцев» и заявил, что поддерживает Великобританию в этом конфликте.

Раздираемый двумя противоречивыми желаниями (не вызвать гнев великих держав и при этом показать миру, что он является халифом и вождем всех мусульман мира), Абдул-Хамид нашел замечательный выход из положения: он не будет посылать в Китай солдат для расправы с местными мусульманами; он отправит к ним делегацию, которая именем халифа убедит их не воевать с европейцами.

Главу этой делегации, многоопытного генерал-майора (который сейчас никак не мог уснуть в своей каюте), Абдул-Хамид выбрал сам, а в помощники ему дал двух опять-таки лично ему знакомых и высоко им ценимых ученых мужей. Один был специалистом по истории ислама, другой – знаменитым знатоком шариата, у одного борода была черная, у другого – седая. Оба ходжи<sup>25</sup> целыми днями сидели в большой кают-компании «Азизийе», напротив висевшей на стене огромной карты Османской империи, и беседовали о том, к каким доводам прибегнуть в разговорах с китайскими мусульманами. Один из них, историк, утверждал, что главная их цель состоит не в том, чтобы умиротворить восставших единоверцев, а в том, чтобы внушить им представление о могуществе ислама и главы всех мусульман – халифа Абдул-

<sup>21</sup> *Мирза Гулам Ахмад* (1835–1908) – индийский религиозный деятель, основатель ахмадийского движения в исламе. Объявил себя новым пророком.

<sup>22</sup> *Безумный Мулла* – прозвище, данное англичанами Саиду Мохаммеду Абдилле Хасану (1856–1920), сомалийскому религиозному деятелю, более 20 лет возглавлявшему борьбу с английскими и итальянскими колонизаторами.

<sup>23</sup> *Ахмад Ораби-паша* (1841–1911) – государственный и военный деятель Египта. Летом 1882 года командовал египетской армией в Англо-египетской войне, в сентябре его войска были разбиты, а сам он попал в плен и был отправлен в пожизненную ссылку на Цейлон.

<sup>24</sup> Речь идет о *Мухаммаде Ахмаде аль-Махди* (1844–1885), вожде антиколониального восстания в Судане, объявившего себя Махди (мусульманским мессией). В результате восстания европейцы были на 13 лет вытеснены из Судана.

<sup>25</sup> *Ходжа* – учитель, наставник. Слово также имеет более узкое значение – духовное лицо, получившее образование в медресе.

Хамида. Седобородый знаток шариата, человек более осмотрительный, втолковывал собеседнику, что джихад может считаться таковым лишь в том случае, если к нему примкнет правитель страны, король или падишах, а между тем китайская императрица уже перестала поддерживать повстанцев. Иногда в беседах участвовали и другие члены делегации – военные и переводчики.

В полночь, когда «Азизийе» под полной луной на всех парах шел в направлении Александрии, доктор Нури заметил, что в кают-компании горит свет, отвел туда свою жену и показал ей висящую на стене карту империи – той, которую шесть столетий назад создавали далекие предки Пакизе-султан. Абдул-Хамид приказал изготовить эту карту через четыре года после восшествия на престол, весной 1880 года, после того как на Берлинском конгрессе ему с помощью англичан удалось вернуть часть земель, потерянных в войне с Россией. В той войне, начавшейся, едва Абдул-Хамид, которому тогда было тридцать четыре года, сел на трон, от Османской империи были отторгнуты обширные земли: Сербия, Черногория, Фессалия, Румыния, Болгария, Карс, Ардаган. Абдул-Хамид всем сердцем верил, что эти потери будут последними, что империя больше не лишится ни клочка земли, и, воодушевленный такими надеждами, повелел разослать экземпляры карты – поездами, пароходами, на лошадях и на верблюдах – по всем, даже самым дальним уголкам своего государства, чтобы она висела во всех казармах, управах и посольствах. Члены делегации многожды видели ее в самых разных городах и городках Османской империи, раскинувшейся от Дамаска до Янины, от Мосула до Салоник, от Стамбула до Хиджаза, и каждый раз с почтительным удивлением задумывались о том, до чего же велика их страна, а затем с грустью вспоминали, что империя-то, увы, на самом деле уменьшается, да все быстрее и быстрее.

Замечу, что тут Пакизе-султан вспомнился один слух, который ходил во дворце Йылдыз, и она поделилась им с мужем, а потом (в письме) и с сестрой. Будто бы Абдул-Хамид, очень любивший своего сына Селима, однажды, когда мальчику было лет десять-одиннадцать, без предупреждения зашел в его комнату и увидел, что шехзаде<sup>26</sup> рассматривает уменьшенную копию той самой, изготовленной по его, Абдул-Хамина, повелению карты. Султан очень обрадовался, но, подойдя поближе, заметил, что некоторые земли закрашены, как в детской книжке-раскраске, черным цветом. Присмотревшись внимательнее, он понял, что шехзаде закрасил земли, которые империя утратила (или формально не утратила, но без борьбы передала под управление врагов) за годы правления отца. И тогда Абдул-Хамид в одночасье возненавидел недостойного сына, который винит отца в том, что Османская империя уменьшается и исчезает. Далее Пакизе-султан, не питающая к дяде никаких добрых чувств, пишет, что ненависть султана разгорелась еще сильнее десять лет спустя, когда в шехзаде Селима влюбилась кузина гаремной наложницы, на которую Абдул-Хамид положил глаз.

В детстве Пакизе-султан часто слышала разговоры о катастрофических территориальных потерях, которые Османская империя понесла сразу после низложения ее отца, Мурада V. В те дни, когда русские войска в сине-зеленых мундирах заняли Сан-Стефано, откуда до дворца Абдул-Хамина было всего четыре часа пути, стамбульские площади, сады и пожарища заполнились армейскими палатками, которые власти раздавали беженцам – светлокожим, зеленоглазым балканским мусульманам, обращенным в бегство русской армией и в одночасье потерявшим все, что у них было. Османская же империя за четыре месяца утратила большую часть балканских земель, которыми владела четыре сотни лет.

Супруги напомнили друг другу и об иных потерях, про которые слышали от взрослых в детские годы. Кипр, лежащий к востоку от острова Мингер, который «Азизийе» недавно оставил за кормой, в 1878 году (не успел еще закончиться Берлинский конгресс) перешел под контроль англичан, со всеми своими благоуханными апельсиновыми садами, густыми оливковыми рощами и медными рудниками. Египет, в противоположность тому, что говорила карта,

<sup>26</sup> *Шехзаде* – титул сына султана.

уже давным-давно не принадлежал Османской империи. В 1882 году, во время восстания Ораби-паши, англичане под предлогом защиты христианского населения Александрии подвергли город обстрелу из корабельных орудий, а затем оккупировали всю страну. (В моменты, когда подозрительность Абдул-Хамида достигала степени паранойи, хитроумный султан начал думать, что исламистское восстание в Египте устроили сами англичане, чтобы был предлог для вторжения.) В 1881 году французы прибрали к рукам Тунис. Как и предрек русский царь сорок семь лет назад, великим державам достаточно было просто сговориться между собой, чтобы начать делить наследство «больного человека».

А больше всего членов делегации, дни напролет сидевших у карты Абдул-Хамида, беспокоило то, что на ней рассмотреть было невозможно: западные державы, поддерживающие национально-освободительные мятежи вечно недовольных османским правительством христианских подданных империи, были могущественнее ее не только в военном плане. Они были сильнее экономически, они лучше управлялись и располагали более многочисленным населением. В 1901 году на огромных пространствах Османской империи проживало девятнадцать миллионов человек. Пять миллионов из них не были мусульманами. Несмотря на то что немусульмане платили больше налогов, их считали людьми второго сорта, и потому они жаждали справедливости, равенства и реформ, ожидая защиты от Европы. Население северного соседа – России, с которой Османская империя постоянно воевала, – составляло семьдесят миллионов, а Германии, с которой были установлены дружеские отношения, – почти пятьдесят пять миллионов. Экономическое производство европейских стран, включая Великобританию, превышало слабое производство Османской империи в двадцать пять раз. К тому же мусульмане, поставлявшие империи административные и военные кадры, в экономическом плане всё менее и менее могли конкурировать с греческими и армянскими коммерсантами, набиравшими силу уже и в провинции. Власти османских вилайетов<sup>27</sup> не могли удовлетворить требования, предъявляемые этой крепнущей немусульманской буржуазией. На недовольство христиан, желающих самостоятельно управлять своими землями и платить, самое большее, столько же налогов, сколько платят мусульмане, губернаторы могли ответить лишь насилием, казнями, пытками и ссылками.

Когда супруги вернулись в свою каюту, Пакизе-султан сказала мужу:

– Вас снова что-то гнетет. О чем вы думаете?

– Очень хорошо, что мы едем в Китай и можем хотя бы на время забыть обо всем! – ответил доктор Нури.

Но Пакизе-султан поняла по выражению его лица, что мысли мужа заняты эпидемией на Мингере и тем, как будет с ней бороться Бонковский-паша.

<sup>27</sup> *Вилайет* – самая крупная административно-территориальная единица Османской империи.



## Глава 5

Сосновая лодка с заостренным, как это принято на Мингере, носом приблизилась к скалистому берегу и пошла вдоль высоких крепостных стен. Не было слышно ни звука, кроме скрипа уключин и плеска волн, легонько ударяющихся о величественные скалы, над которыми вот уже около семи столетий высилась крепость. Фонарей не было, только кое-где в окнах теплился свет, но в небе сияла луна, и в ее волшебном мерцании Арказ, столица и самый большой город вилайета Мингер, казался розовато-белым миражом. Бонковскому, хоть он и был позитивистом, совершенно не склонным к суевериям, все же почудилось в этой картине нечто злое. На остров он приехал впервые, хотя когда-то давно султан и предоставил ему концессию на выращивание здесь роз. Много лет ему представлялось, что этот первый приезд будет торжественным, радостным и веселым. Ему и в голову не приходило, что он явится на остров, прячась, словно вор, в полночной темноте.

Лодка вошла в небольшую бухточку, взмахи весел замедлились. С берега дул влажный ветер, пахнувший липовым цветом и водорослями. Причалили они не к большой пристани, где была таможня, а к маленькому рыбацкому причалу, притулившемуся рядом с Арабским маяком (такое название он носил потому, что был построен, когда островом владели арабы). Здесь было темно и укромно. Губернатор Сами-паша, получивший от султана приказ не афишировать приезд главного санитарного инспектора, выбрал этот причал не только потому, что местность вокруг лежала совершенно безлюдная, но и потому еще, что отсюда было далеко до его резиденции.

Бонковский-паша и его помощник Илиас сначала передали встречающим, двум субъектам в черных сюртуках, свои чемоданы и прочие вещи, а потом, схватившись за протянутые с причала руки, выбрались из лодки сами. На набережной ждал присланный губернатором экипаж, в который они и сели, никем не замеченные. Сами-паша предоставил своим тайным гостям специальное бронированное ландо, которым пользовался во время официальных церемоний и в тех случаях, когда не хотел близкого общения с народом. Досталось оно ему от предшественника, чья мнительность не уступала дородности: тот всерьез принял угрозы греческих анархистов-романтиков, желавших отторгнуть остров от Османской империи (угрозы тем более убедительные, что в тот момент анархисты основательно заинтересовались бомбометанием), и заказал металлические пластины лучшему кузнецу Арказа, а деньги на это выудил из местного, хронически дефицитного бюджета.

Лошади, повинаясь кучеру Зекерии, тронулись с места, и бронированное ландо покатило по набережной, мимо погруженных во мрак отелей и зданий таможни, а затем, не доехав немного до Стамбульского проспекта, свернуло налево, к взбегающим по склону переулкам. Бонковский-паша и его помощник смотрели в окошки на облитые лунным светом старые, замшелые каменные стены, деревянные двери, закрытые окна и фасады из розового кирпича, вдыхая аромат жимолости и сосен. Когда ландо выкатило на площадь Хамидийе, они увидели часовую башню, которую местные власти намеревались достроить к двадцать пятой годовщине правления его величества, то есть к последнему августовскому дню, но, увы, не успели. Перед греческой средней школой и почтамтом, который раньше называли телеграфной станцией, горели фонари, и свет их выхватывал из мрака фигуры часовых, которых губернатор Сами-паша расставил на всех перекрестках после того, как поползли слухи о чуме.

– Его превосходительство губернатор – своеобразная личность, – заметил Бонковский-паша своему помощнику, когда они остались одни в выделенной им комнате гостевого дома. – Но я не ожидал увидеть город таким тихим, мирным, благополучным. Это его большой успех, если, конечно, нас не ввела в заблуждение темнота.

Доктор Илиас, грек, уроженец Стамбула, уже девять лет был помощником главного султанского фармацевта. Вместе они немало поездили по империи, борясь с эпидемиями, ночуя то в отелях, то в губернаторских или больничных гостевых домах, то в гарнизонных казармах. Пять лет назад эти двое доставили в Трабзон<sup>28</sup> целое судно с дезинфектантами, обработали ими весь город и спасли его от холеры. В другой раз, в 1894 году, когда холера распространилась в окрестностях Измита и Бурсы<sup>29</sup>, они обошли чуть не все тамошние деревни, ночуя в армейских палатках. Бонковский-паша проникся доверием к Илиасу, который помощником его стал, в общем-то, случайно (прислали из Стамбула), и привык делиться с ним всем, что было на душе. Власти и коллеги-медики благодаря многочисленным успехам и глубоким знаниям Бонковского и его соратника считали их едва ли не всемогущими «учеными-спасителями».

– Двадцать лет назад, когда Сами-паша был мутасаррыфом<sup>30</sup> в Дедеагаче<sup>31</sup>, его величество отправил меня туда ликвидировать вспышку холеры. Тогда паша хоть и не сразу, но понял, что если будет проявлять неуважение ко мне и моим молодым помощникам, которых я взял с собой из Стамбула, ставить нам палки в колеса, то я не умолчу об этом в донесении султану, ибо всякое промедление будет стоить жизни многим и многим людям. Так что сейчас он может оказать нам холодный прием. – Это Бонковский сказал по-турецки. О делах государственных он предпочитал говорить на этом языке. Однако, поскольку оба учились в Париже (один – химии, другой – медицине), между собой они иногда объяснялись и по-французски. Вот и сейчас, пытаясь осмотреться в темной комнате, сообразить, где тут окно, где шкаф, а где просто тень, Бонковский пробормотал, словно сквозь сон, на галльском наречии: – Дурные у меня предчувствия.

Они уснули, но вскоре были разбужены странными звуками, похожими на крысиную возню. В Измире важнейшей частью борьбы с чумой была война с крысами, и теперь их очень удивило, что на Мингере, в гостевом доме, подведомственном губернатору, не расставлены крысиные ловушки. О том, что крысы и живущие на них блохи разносят чуму, множество раз телеграфировали из столицы во все вилайеты и санитарные управления на местах.

Впрочем, утром они решили, что в ночи их побеспокоили чайки, гнездившиеся на крыше ветхого деревянного дома. Губернатор Сами-паша, желая укрыть знаменитого ученого и его помощника от глаз любопытных газетчиков, торговцев-сплетников и злокозненных европейских консулов, распорядился поселить приезжих не в гостевых покоях новой губернаторской резиденции, а в этом заброшенном особняке, который за день до их приезда успели привести в порядок и снабдить охраной и слугами.

Попутру губернатор без церемоний явился навестить гостей и первым делом принес извинения за ветхость особняка. Бонковский-паша, снова увидевший Сами-пашу после долгого перерыва, поначалу решил было, что на того можно положиться. Весь облик губернатора, его крупная, величественная фигура, еще не поседевшая борода, густые брови и массивный нос говорили о силе и уверенности в себе.

Однако вскоре Бонковский и Илиас поняли, что рано обрадовались, ибо Сами-паша вел себя ровно так же, как и любой губернатор в любой части света, когда на подведомственной ему территории начинается мор.

– Никакой эпидемии в нашем городе нет! – с места в карьер заявил Сами-паша. – Никакой чумы, да хранит нас Аллах! И все же я распорядился, чтобы завтрак вам привезли из гарнизона. Они там даже свежее испеченный хлеб прежде продезинфицируют, а потом уж едят.

<sup>28</sup> *Трабзон* – портовый город на Черном море.

<sup>29</sup> *Измит* и *Бурса* – города в северо-западной части Анатолии.

<sup>30</sup> *Мутасаррыф* – глава санджака.

<sup>31</sup> *Дедеагач* (ныне Александруполис) – город на северо-востоке Греции.

Увидев, что в соседнюю комнату принесли на подносе оливки, гранаты, грецкие орехи, козий сыр и хлеб, Бонковский улыбнулся губернатору. Пока слуга в феске разливал по чашкам только что снятый с огня кофе, Сами-паша заговорил снова:

– Здесь у нас все – что мусульмане, что греки – очень любят посплетничать. Готовы разносить любые ложные слухи. Нет эпидемии – говорят, что есть, начнется – станут говорить, что нет ее. А потом напечатают в газетах: мол, Бонковский-паша сказал то-то и то-то, и поставят вас в неудобное положение. И все для того, разумеется, чтобы рассорить мусульман и христиан, взбаламутить наш тихий остров и отторгнуть его от Османской империи, как сделали с Критом.

Напомним, что за четыре года до описываемых событий расположенный неподалеку от Мингера Крит был занят войсками европейских держав – под тем предлогом, что на острове вспыхнул конфликт между мусульманами и христианами, который необходимо прекратить.

– Жители Мингера – люди мирные, так что здесь предлогом хотят сделать чуму! – прояснил свою точку зрения господин губернатор.

– В Измире, ваше превосходительство, во время чумы никого не интересовало, кто грек, кто мусульманин, кто христианин, – сказал Бонковский-паша. – И греческая газета «Амальтея», и османская «Ахенк», и даже торговцы, ведущие дела с Грецией, со всей серьезностью отнеслись к принятым нами мерам и строго соблюдали правила карантина. Именно это и принесло успех!

– Мы здесь хоть и с запозданием, но получаем газеты и новости из Измира, пароход «Мессажери» привозит, – ответил губернатор. – Позволю себе заметить, паша, что дело было не совсем так. Все консулы, в том числе греческий и французский, каждый день жаловались на введенные в Измире карантинные меры, писали в свои газеты и сеяли панику. Но здесь такого не будет. Я не позволю мингерским газетам публиковать подобные панические сообщения.

– Уверяю вас, как только население Измира осознало необходимость и пользу принятых мер, оно весьма охотно стало сотрудничать с властями вилайета и Карантинным комитетом. Губернатор Кыбырслы Камиль-паша просил передать вашему превосходительству свой поклон и уверения в самых добрых к вам чувствах. Он, разумеется, осведомлен о моем визите сюда.

– Пятнадцать лет назад, когда Кыбырслы Камиль-паша был великим визирем, я состоял у него в подчинении, возглавлял Управление вакуфов<sup>32</sup>, – произнес Сами-паша, с легкой грустью вспоминая необычайные карьерные успехи своей молодости. – Его превосходительство Камиль-паша – чрезвычайно умный, достойный высочайшего почтения и, в полном соответствии со своим именем<sup>33</sup>, безупречный человек.

– Его превосходительство Камиль-паша разрешил свободно публиковать сведения об эпидемии, и правильно сделал, – вернул Бонковский. – Не лучше ли было бы, если бы и мингерские газеты сообщили о том, что на острове чума? Нужно, чтобы люди забеспокоились, чтобы лавочники хорошенько испугались за свою жизнь, тогда им в голову не придет противиться карантинным ограничениям.

– Об этом не беспокойтесь. Я здесь уже пять лет губернатором и заверяю вас, что здешние жители – и католики, и православные, и даже мусульмане – люди вполне цивилизованные, уж никак не хуже измирцев. Всем распоряжениям властей они повинуются. Однако сейчас, когда официально эпидемия еще не установлена, публикация такого рода сообщений привела бы к совершенно излишней тревоге.

– В таком случае распорядитесь, чтобы в газетах рассказывали про чуму, эпидемии, карантин, – не сдавался Бонковский-паша. – Тогда в случае необходимости местные жители

---

<sup>32</sup> *Вакуф* (вакф) – в мусульманском праве: имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели.

<sup>33</sup> Имя Камиль переводится как «совершенный», «безукоризненный», «безупречный».

будут охотнее слушаться. Вы же знаете, ваше превосходительство, что без помощи газет османскими землями управлять непросто.

– Мингер не Измир! – отрезал губернатор. – Здесь чумы нет. Именно поэтому его величество изволил распорядиться, чтобы ваш приезд держали в тайне. Однако, если чума все-таки есть, вам высочайше предписано ввести карантин, как в Измире, и остановить эпидемию. Члены Карантинного комитета, сообщившие о чуме, – греки и сторонники объединения с Грецией. Это навело его величество на определенные подозрения. Враждебные намерения могут вынашивать также иностранные консулы. Так что встречаться с членами Карантинного комитета вам запрещено.

– Это мне известно, ваше превосходительство.

– Слухи распускают пожилые врачи-греки из комитета. Они сразу раззвонят обо всем стамбульским газетам. Многим хотелось бы, по наущению иностранных консулов, проверить здесь то же, что и на Крите, – отнять у нас остров и поставить его величество перед свершившимся фактом. Не хотелось бы об этом говорить, но за каждым нашим шагом следят. Будьте осторожны!

Таилась ли в этих словах угроза? Несколько мгновений три османских чиновника – мусульманин, католик и православный – молча смотрели друг на друга.

– Так или иначе, решать, кому и о чем следует писать в мингерских газетах, надлежит не вам, пусть вы и главный инспектор, а мне, как губернатору. – В голосе Сами-паши появились суровые нотки. – Однако я ни в малейшей степени не буду препятствовать вам в составлении доклада, в котором вы должны изложить все как есть. Прежде чем отбыть этим вечером в Измир на французском пароходе «Багдад», вы можете осмотреть трех больных, двоих мусульман и православного, и взять у них анализы. Да, еще у нас этой ночью умер один пожилой тюремщик. Никто даже не знал, что он болен. С вашего позволения, когда отправитесь осматривать больных, вас будет сопровождать охрана.

– К чему такие предосторожности?

– Остров у нас маленький, шила в мешке не утаишь. О визите приезжих врачей к больным наверняка начнут говорить, распускать слухи, которые никому не придутся по нраву. Никто не обрадуется известию, что на острове эпидемия. Всем понятно, что за этим последует: карантин, лавки придется закрыть, торговля остановится, по домам будут ходить врачи да военные. Вы не хуже меня знаете, как рискует врач-христианин, когда в сопровождении солдат пытается осматривать дома в мусульманском квартале. Если будете твердить про чуму, лавочники, у которых вся торговля пошла прахом, объявят вас лжецом, а завтра скажут, что это вы сами чуму и распространяете. Остров-то у нас, конечно, небольшой, но здесь ни на один роток не накинешь платок.

– Какова численность населения?

– По переписи тысяча восемьсот девяносто седьмого года население острова составляет восемьдесят тысяч, Арказа – двадцать пять. Мусульман и немусульман примерно поровну. Даже, наверное, можно сказать, что мусульман в последние три года стало больше за счет переселенцев с Крита, но едва так скажешь, сразу найдутся несогласные, так что не буду настаивать.

– Сколько смертей на сегодняшний день?

– Одни говорят, что пятнадцать, другие – и того больше. Некоторые семьи скрывают умерших – боятся, что закроют дом, лавку, сожгут вещи. А есть такие, что каждого покойника объявляют умершим от чумы. Каждое лето здесь многие маются животом, и каждый раз старый Никос, глава Карантинного комитета, хочет телеграфировать в Стамбул, что у нас, мол, холера. Я останавливаю его, прошу подождать. Он принимается поливать из шлангов средствами от заразы базар, бедные кварталы, улицы, по которым текут нечистоты, и вот уже никакой, с позволения сказать, «холеры» нет. Если написать в Стамбул, что люди умерли от холеры, подни-

мутся вопли об эпидемии, консулы и послы начнут лезть не в свое дело, а напишешь «летний понос» – никто ничего и не заметит.

– Людей в Арказе раз в восемь меньше, чем в Измире, а умерших уже сейчас больше.

– И причину этого предстоит выяснить вам, – изрек губернатор с таинственным видом.

– Мне повсюду попадались на глаза дохлые крысы. В Измире мы объявили войну этим грызунам.

– Наши крысы – совсем не то, что измирские! – заявил губернатор с едва заметной ноткой гордости. – Горные крысы, которые у нас здесь водятся, твари куда как более дикие. Две недели назад голод погнал их в города и деревни. Там, где им не удавалось найти съестного, они пожирали тюфяки, мыло, солому, шерсть, лен, ковры – все, что попадется, даже дерево. Весь остров напугали. Но потом Аллах их покарал, и они передохли. Но эту, как вы говорите, эпидемию крысы не приносили.

– Кто же тогда?

– Официально никакой эпидемии на сегодняшний день нет! – отрезал губернатор.

– Ваше превосходительство, в Измире тоже все начиналось с дохлых крыс. Вам, конечно, известно, что чуму переносят крысы и блохи. Это научно доказанный факт. Мы привезли в Измир из Стамбула крысоловки. Каждому, кто приносил десять убитых крыс, платили по одному меджидийе<sup>34</sup>. Мы попросили о помощи измирский охотничий клуб. Измирцы охотились на крыс на улицах, и мы с доктором Илиасом им помогали. Так и справились с эпидемией.

– Четыре года назад двое наших толстосумов, господа Мавроянис и Каркавицас, решили устроить у нас городской клуб, как в Салониках, по лондонской моде. Просили меня посодествовать. Но город у нас небольшой, ничего не вышло... Охотничьего клуба на нашем скромном острове, разумеется, нет. Научили бы вы нас, что ли, как на них охотиться-то, на этих ваших крыс!

Легкомысленный настрой господина губернатора встревожил врачей, однако они постарались этого не выдать, а стали рассказывать о последних научных открытиях, связанных с чумой и ее возбудителем. Тот факт, что крыс и людей убивает один и тот же микроб, был установлен во время эпидемии чумы 1894 года врачом по имени Александр Йерсен. Он был одним из тех ученых, которые, вооружась открытиями Луи Пастера в области микробиологии, добились огромных успехов в борьбе с эпидемическими болезнями во французских колониях и в густонаселенных, нищих городах далеко на Востоке. Благодаря наработкам немецкого врача Роберта Коха европейская наука сможет открыть возбудителей многих других болезней: тифа, дифтерии, проказы, бешенства, гонореи, столбняка – и создать вакцины от них.

В Институте Пастера делали всё новые и новые открытия. Один из его одаренных сотрудников, Эмиль Рувье, известный специалист по дифтерии и холере, два года назад был приглашен Абдул-Хамидом в Стамбул. Бактериолог вручил султану привезенный из Парижа сундучок с противодифтерийной сывороткой, прочитал ему и его приближенным короткую и увлекательную лекцию о микробах и заразных заболеваниях, которая поразила слушателей до глубины души, а затем, получив лабораторию в Нишанташи<sup>35</sup>, сделал несколько открытий, позволяющих производить больше сыворотки за меньшие деньги. Убедившись, что губернатор достаточно утрачен его рассказом, Бонковский-паша напустил на себя крайне серьезный вид и осторожно затронул самый важный вопрос:

– Вам ведь известно, паша, что если против многих болезней вакцины уже созданы и некоторые из них можно быстро произвести в османских лабораториях, то вакцины против чумы на сегодняшний день не существует<sup>36</sup>. Ни в Китае, ни во Франции такой вакцины пока

---

<sup>34</sup> *Меджидийе* – золотая османская монета.

<sup>35</sup> *Нишанташи* – район в европейской части Стамбула.

<sup>36</sup> На самом деле первая вакцина от чумы была создана в 1896 году.

не изобрели. Мы справились с измирской эпидемией, действуя старыми, испытанными методами: ставили санитарные кордоны, изолировали больных, истребляли крыс. Против чумы нет иного средства, только карантин и изоляция! Все усилия врачей в больницах, как правило, не могут спасти больным жизнь, лишь немного облегчают их предсмертные муки. Да и в этом мы не вполне уверены. Скажите, господин губернатор, готовы ли жители острова соблюдать карантинные меры? Это вопрос жизни и смерти и для Мингера, и для всей империи.

– Если они вас полюбят и поверят вам, то станут – что греки, что мусульмане – самыми послушными, самыми смирными людьми на всем белом свете! – заявил Сами-паша и решительно встал, давая понять, что все сказал. С чашкой кофе в руке (слуга только что налил ему вторую) он подошел к единственному в гостевом доме окну, выходившему на крепость, устремил взгляд на море, чья прекрасная синева наполняла комнату, как счастье наполняет душу, и проговорил: – Да хранит Аллах всех нас, наш остров и его жителей! Но прежде чем спасать их и всю империю, нам надлежит сберечь вас, а вам надлежит остаться целыми и невредимыми.

– От кого вы собираетесь нас оберегать? – удивился Бонковский-паша.

– Об этом вам расскажет начальник Надзорного управления Мазхар-эфенди, – ответил губернатор.

## Глава 6

Начальник Надзорного управления Мазхар-эфенди по поручению губернатора руководил сложной и разветвленной сетью шпионов, осведомителей и тайных агентов. На остров его прислали из Стамбула пятнадцать лет назад с совсем другим заданием, на выполнении которого настаивали западные державы: преобразовать устаревшую *заптийе*<sup>37</sup> в современную жандармерию и полицию. Пока шли эти реформы (например, была заведена алфавитная картотека на преступников), Мазхар-эфенди женился на дочери Хаджи Фехима-эфенди, представителя одного из старинных и уважаемых мусульманских семейств Мингера, и, подобно многим другим людям, прибывшим на остров в зрелом возрасте, уже за тридцать, полюбил это место всей душой – жителей, природу, климат, всё-всё. В первые годы семейной жизни он вместе с другими местными энтузиастами устраивал походы по Мингеру и одно время даже хотел изучить древний язык, на котором когда-то говорили жители острова. Впоследствии, когда по распоряжению предыдущего губернатора, того самого, что приказал изготовить бронированное ландо, было создано Надзорное управление (в других вилайетах такого органа не было), Мазхар-эфенди усовершенствовал уже созданную сеть осведомителей, а знания, полученные в первые годы увлечения Мингером, весьма и весьма помогали ему следить за сепаратистами и националистами, заносить их в картотеку и сажать в тюрьму.

Мазхар-эфенди не заставил себя ждать. Выглядел он куда скромнее, чем господин губернатор: поношенный костюм, усы щеточкой, доброжелательный взгляд. Первым делом он сообщил, бесцветным, официальным тоном, что следит за настроениями в самых разных – религиозных, политических, коммерческих, национальных – кругах мингерского общества благодаря своим осведомителям. По его мнению, многим, в том числе иностранным консулам, греческим и турецким националистам, а также смутьянам, желающим отторгнуть Мингер от Османской империи по примеру Крита, хотелось бы преувеличить масштабы бедствия, вызванного чумой, и привлечь к нему международное внимание. В частности, заявил Мазхар-эфенди, ему в точности известно, что поднять бучу не терпится кучке озверевших деревенских фанатиков-мусульман, которые мечтают отомстить господину губернатору за один давний случай, известный как Восстание на паломничьей барже.

– Ввиду опасности, которая может вам грозить по вышеупомянутым причинам, вы поедете осматривать больных в бронированном ландо.

– Но не привлечет ли это еще больше внимания?

– Да, привлечет. Местная ребятня обожает бегать за ландо и дразнить кучера Зекерию. Но все равно это самое разумное. Не бойтесь: любой дом, любое здание, в которое вы войдете, будет находиться под самым пристальным наблюдением представителей власти, агентов, переодетых торговцами, и других наших людей. У нас к вам только одна просьба: заметив рядом тех, кто вас охраняет, относитесь к этому спокойно, не возражайте и не жалуйтесь. И не пытайтесь, пожалуйста, от них сбежать. Впрочем, у вас это все равно не получится, наши ребята знают свое дело... И еще: если на улице кто-нибудь обратится к вам и позовет к себе в дом – дескать, ваше превосходительство, у нас там больной, осмотрите, пожалуйста, – ни в коем случае не соглашайтесь.

Первым делом бронированное ландо доставило главного санитарного инспектора и его помощника, словно двух любопытствующих путешественников из Европы, в знаменитую (не меньше, чем сам остров) тюрьму Арказской крепости. Начальнику тюрьмы было сообщено, что таинственные гости – два новых санитарных инспектора, один из которых – врач, и встречаться с другими медиками им совершенно не требуется. Кроме того, начальник тюрьмы поза-

---

<sup>37</sup> *Заптийе* – военизированная правоохранительная организация в Османской империи.



ботился, чтобы Бонковского и доктора Илиаса не увидели заключенные, глазающие сквозь щелки в толстых крепостных стенах. По туннелям и темным дворам они вышли к бастионам, а затем, спустившись по опасной каменной лестнице вдоль скалистого края пропасти, над которой парили чайки, оказались в сырой сумрачной камере.

Когда столпившиеся в дверях отступили и полумрак несколько рассеялся, Бонковский-паша и его помощник сразу поняли, что тюремщик Байрам умер от чумы. Такую же неестественно бледную кожу, такие же впалые щеки и удивленно распахнутые, выпученные глаза, такие же пальцы, вцепившиеся в край рубахи, словно в спасительную соломинку, они видели по меньшей мере у трех покойников в Измире. Те же пятна крови и блевотины, тот же странный запах. Доктор Илиас аккуратно расстегнул пуговицы на рубахе и снял ее с покойного тюремщика. На шее и под мышками бубонов не было. Однако, когда с трупа стянули и штаны, бубон обнаружился в паху, слева, – такой большой и полностью сформировавшийся, что никаких сомнений не оставалось. Слегка прикоснувшись к бубону кончиком пальца, можно было заметить, что он уже потерял свою первоначальную твердость. Стало быть, ему по меньшей мере три дня и покойный перед смертью сильно мучился.

Доктор Илиас достал из чемоданчика шприц, ланцет и начал протирать их антисептиком, а Бонковский-паша попросил столпившихся у двери людей отойти подальше. Если бы тюремщик был еще жив, его боль удалось бы облегчить, вскрыв бубон и выпустив скопившийся в нем гной. Но сейчас доктор Илиас только проткнул вздутие иглой шприца и набрал несколько капель густой желтоватой жидкости. Затем он аккуратно нанес их на цветные предметные стекла, которые спрятал в специальную коробочку. На этом дело было кончено. Поскольку умер тюремщик не от холеры, а от чумы, образцы следовало отправить в Измир.

Бонковский-паша распорядился сжечь все вещи покойного, а потом, незаметно для всех, снял с его шеи маленький амулет, перерезав веревочку ланцетом, продезинфицировал оберег, положил в карман, чтобы потом рассмотреть получше, и вышел из камеры на свежий воздух. Теперь ему сделалось ясно, что остров очень скоро будет охвачен эпидемией, которая унесет множество жизней, и сознавать это было так тяжело, что Бонковский ощутил физическую боль, спазмом прошедшую от горла до живота.

Проезжая в бронированном ландо по кривым улочкам старого города, Бонковский-паша и доктор Илиас видели, что медники уже открыли свои лавки, кузнецы и плотники в этот ранний час взялись за работу и жизнь в Арказе идет своим чередом, как будто ничего не случилось. Хозяин харчевни, куда заходили в основном торговцы и ремесленники, тоже не стал принимать всерьез всякие слухи и открыл свое заведение. Заметив аптеку Коджиаса-эфенди (которая, по правде говоря, с виду больше напоминала лавку пряностей), Бонковский-паша попросил остановить ландо.

– Есть ли у вас *acide arsénieux*?<sup>38</sup> – с невозмутимым видом спросил он хозяина аптеки.

– Нет, мышьяка у нас не осталось, – ответил Коджиас-эфенди. Он сообразил, что перед ним важные персоны, и слегка оробел.

Бонковский-паша оглядел аптеку, отметив, что здесь продаются всевозможные специи, семена, кофе, липовый цвет, косметика, а также различные мази и народные снадобья. В какой бы уголок империи его ни занесло, даже в самые трудные, наполненные работой дни главный санитарный инспектор не забывал, что в первую очередь он химик и фармацевт. Кое-где на полках и столиках стояли лекарства, изготовленные в знаменитых стамбульских и измирских аптеках. Что же до народных снадобий, то в молодости, заметив их в аптеке какого-нибудь провинциального городка, он, бывало, принимался читать аптекарю лекцию о современной фармацевтике. Но сейчас ему было не до того.

<sup>38</sup> Ортомышьяковистая кислота (*фр.*).

В гавани, на берегу, подле гостиниц и таверн, под пестрыми разноцветными навесами сидели и закусывали довольные жизнью, счастливые люди. Проехав по напоенным ароматом цветущих лип переулкам и миновав стоявшие выше по склону особняки богатых греческих семей, ландо выбралось на широкий проспект Хамидийе. Здесь цвели персиковые деревья и благоухали розы. Под сенью чинар и акаций спешили по своим делам господа в шляпах и фесках и обутые в чарыки<sup>39</sup> крестьяне. Бонковский-паша и его помощник смотрели на дома, тянувшиеся вдоль речки в сторону рынка, на склады, гостиницы и дремлющих на козлах кучеров, на оживленный Стамбульский проспект, уходящий вниз, к порту и таможне, – смотрели и не верили своим глазам. В греческой школе уже начались уроки. Перед туристическими агентствами красовались рекламные объявления пароходных компаний. Глядя на открывающуюся от отеля «Мажестик» панораму города, в которой преобладали розовый, желтый и оранжевый цвета, так невыносимо больно было прозревать близящийся конец этой красивой, тихой жизни, что Бонковский ощутил тяжелое чувство вины: а вдруг он ошибся?

Однако вскоре ему предстояло убедиться в обратном. В квартале Айя-Триада<sup>40</sup> Бонковского и доктора Илиаса пригласили пройти в каменный дом, окруженный оливами. Там они увидели извозчика по имени Василий, который уже пятнадцать лет развозил седоков по улицам города, а сейчас метался в бреду по разостланной на полу постели. На его шее выступал огромный бубон. В Измире Бонковскому часто случалось наблюдать отупляющее, одуряющее действие чумы на больных, такое сильное, что многие теряли способность говорить или могли лишь бормотать что-то невнятное. Человек, впавший в подобное состояние, чаще всего быстро умирал, выживали очень немногие.

Когда заплаканная жена тронула Василия за руку, тот на мгновение очнулся и попробовал что-то сказать. Однако открыть пересохший рот толком не получалось, а когда получилось, разобрать бормотание все равно не удалось.

– Что он говорит? – спросил Бонковский-паша.

– Что-то по-мингерски, – сказал доктор Илиас.

Жена извозчика залилась слезами. Доктор Илиас решил испытать тот же способ лечения, который применял в Измире на этой стадии болезни. Взяв ланцет, он аккуратно разрезал свежий, твердый бубон и терпеливо вытирал кусочком ваты желтовато-перламутровый гной, пока тот не кончил течь. Конвульсивно дергаясь, больной выбил из рук доктора Илиаса предметное стеклышко, оно упало и загрязнилось. В том, что это чума, сомнений уже не было, но доктор все равно с прежней тщательностью взял образцы, чтобы позже отправить их в Измир, в лабораторию.

– Обильно поите его кипяченой водой, давайте ему сахарный сироп и, если сможет есть, йогурт, – распорядился Бонковский-паша, собираясь уходить, и сам открыл дверь и маленькое окошко полутемной комнаты. – Самое важное: воздух в помещении все время должен быть свежим. Белье больного, прежде чем стирать, кипятите. Утомляться ему нельзя, пусть побольше спит.

Бонковский-паша чувствовал, что эти рекомендации, которые он давал в Измире грекам-лавочникам, людям более-менее состоятельным, здесь бесполезны. И тем не менее он верил, что все достижения в области бактериологии, к которым пришла европейская наука за последние десять лет, не отменяют того факта, что свежий воздух, покой и надежда на выздоровление немного помогают больному победить чуму.

Миновав столь любимую романтически настроенными художниками Каменную пристань, такую живописную на фоне черно-белых горных пиков, бронированное ландо въехало

<sup>39</sup> Чарыки – крестьянская самодельная обувь, сапоги из сыромятной кожи на толстой подошве, которую кроили шире и длиннее ступни, загибали наверх и прошивали. Голенища кроили отдельно.

<sup>40</sup> Святая Троица (греч.).

в квартал Ташчилар и остановилось у садовой калитки бедного домика, одной из выстроившихся в ряд лачуг. Сотрудник Надзорного управления, сопровождавший Бонковского и его помощника, сообщил, что здесь живут молодые люди, мусульмане, три года назад бежавшие с Крита. Их трое (точнее, было трое до недавнего времени), кормятся они случайными заработками в порту, где всегда нужны грузчики, но зачастую просто шатаются без дела там и сям и, поморщился сопровождающий, причиняют неприятности господину губернатору, который по доброте душевной предоставил им это жилье.

Три дня назад один из молодых людей умер. Вчера занемог другой. Его терзала мучительная головная боль, время от времени сотрясали конвульсии, но организм не сдавался. В Измире умирали двое из пяти заболевших. Но были и такие, кто, подхватив заразу, не заболел вовсе или переносил болезнь легко, почти не обращая на нее внимания. Доктор Илиас подумал, что молодого человека, возможно, удастся спасти, и приступил к лечению.

Первым делом больному сделали укол жаропонижающего. Потом с помощью мужчины, которого молодые люди называли дядей, сняли с него одежду из выцветшей желтой ткани. Доктор Илиас произвел тщательный осмотр, однако ни под мышками, ни в паху, ни на внутренней стороне бедер бубонов не обнаружил. Тогда он окунул пальцы в дезинфицирующую жидкость и ощупал пациента, но ни в подмышках, ни на шее не обнаружил ни уплотнений, ни болезненных мест. Врач, не знающий об эпидемии, ни за что не поставил бы диагноз «чума», хотя больной бредил, пульс его частил, кожа высохла от жара, а глаза покраснели.

Бонковский-паша заметил, что за ним очень внимательно наблюдают. По лицам юношей было видно, что после кончины товарища они отчаянно боятся умереть, но Бонковского это устраивало, поскольку он знал, что лишь страх смерти заставляет людей прислушиваться к советам карантинного врача. Он только не мог взять в толк, почему эти юноши, горячо желавшие, чтобы к ним пришел доктор, продолжали пользоваться вещами покойного друга.

На самом деле и жителям этого дома, и всем обитателям острова Мингер требовалось дать лишь один совет. «Бегите, спасайтесь!» – хотелось крикнуть Бонковскому. От врачей-европейцев он слышал, что в Китае чума унесла десятки тысяч жизней, а в некоторых местах целые семьи, деревни, племена полностью вымирали за считанные дни, не успев даже понять, что происходит. И теперь ему было страшно, что такая же катастрофа разразится на этом замечательном, тихом острове.

Он понимал, что чума успела угнеститься в Арказе и теперь незаметно распространяется по городу. В этом доме, например, ее уже не истребить даже распылением обеззараживающей жидкости. Требовалось другое: выселять из зараженных домов всех жильцов, а если не захотят уходить – поступать так же, как делали сотни лет назад: безжалостно заколачивать двери, оставляя упрямцев внутри. Там же, где зараза свирепствует, поражая всех подряд, следовало прибегать к древнему и надежному способу – сжигать дома со всем скарбом, что в них находится.

После полудня они посетили квартал Чите. У подмастерья цирюльника, паренька четырнадцати лет от роду, бубоны были и на шее, и в паху. Когда у мальчика начинались приступы головной боли, он так страшно кричал и корчился, что его мать заливалась слезами, а отец каждый раз в отчаянии выбегал на задний двор, а потом, не выдержав, сразу возвращался. Очень не скоро Бонковский понял, что старик, лежащий на тахте в соседней комнате, тоже болен. Но на старика никто не обращал внимания.

Доктор Илиас вскрыл твердый, но еще не распухший бубон на шее мальчика, продезинфицировал ранку, и тут отец больного поднес и прижал к телу сына бумажку с какой-то надписью. Бонковскому не раз случалось видеть, как во время эпидемий охваченные ужасом люди ждали помощи от таких бумажек с молитвами. Встречались ему и христиане, которые уповали на целительную силу подобных талисманов, полученных от своих священников. Выйдя из дома, Бонковский-паша спросил провожатого, кто распространяет бумажки.

– Самый почитаемый у нас на острове ходжа, в силу молитвы и дыхания которого все верят, это, конечно, Хамдуллах-эфенди, шейх текке<sup>41</sup> Халифийе, – ответил сотрудник Надзорного управления. – Однако он, в отличие от некоторых самозванных шейхов, не всякому, кто приходит к нему с деньгами, дает бумажку с молитвой. Есть хитрецы, которые подделывают его амулеты. Эти бумажки, должно быть, их рук дело.

– Стало быть, люди знают о чуме и принимают меры?

– Знают, что ходит какая-то зараза, но всего ужаса положения не осознают. Кому-то эти бумажки все еще нужны, чтобы добиться счастья в любви, другим – чтобы излечиться от заикания, третьим – от сглаза... Господин губернатор распорядился, чтобы наши агенты следили за всеми шейхами, изготавливающими амулеты, от самых почтенных до мошенников, а также и за монахами, которые занимаются чем-то подобным в монастырях. К ним подсылают людей, якобы желающих купить амулеты, осведомителей-мюридов<sup>42</sup> и даже лжесумасшедших, якобы охваченных религиозным экстазом. Настоящих покупателей тоже расспрашивают.

– А где находится текке шейха Хамдуллаха? Мне хотелось бы осмотреть и этот квартал.

– Если вы туда отправитесь, пойдут слухи. К тому же шейх редко показывается на людях.

– Теперь уже нечего бояться слухов. В городе совершенно точно чума, и об этом должны знать все.

Бонковский-паша и доктор Илиас сами доставили образцы на пароход «Багдад» компании «Мессажери маритим» и отбили в Измир две телеграммы. После полудня Бонковский попросил передать губернатору просьбу о срочной аудиенции, однако в его кабинете оказался уже ближе к вечернему намазу.

– Я дал слово чести его величеству держать в секрете ваш визит! – проговорил Сами-паша, всем своим видом показывая, как разочарован тем, что из этого ничего не вышло.

– Секретность была бы важна для нашего повелителя, окажись слухи о происходящем в двадцать девятом вилайете его империи ложными, поскольку в этом случае за ними могли скрываться чьи-то политические интересы. Тогда слухи следовало бы пресечь. Увы, сегодня мы увидели, что болезнь уже широко распространилась по городу. Можно с уверенностью говорить о том, что в Арказе чума. Та же самая чума, что и в Измире, Китае, Индии.

– Пароход «Багдад», везущий образцы в Измир, только-только вышел из гавани.

– Ваше превосходительство, официальные результаты анализов нам завтра телеграфируют из Измира. Однако я, как главный санитарный инспектор империи, имеющий за плечами сорокалетний опыт борьбы с эпидемиями, заверяю вас – и к моим словам присоединяется в высшей степени квалифицированный врач, мой помощник, – мы имеем дело не с чем иным, как с чумой. Нет ни малейших оснований в этом сомневаться. Не уверен, помните ли вы, как двадцать с лишним лет назад, незадолго до войны с русскими, мы встречались с вами в Дедеагаче, где вы в ту пору были мутасаррыфом? Там был не то «летний понос», не то небольшая эпидемия холеры.

– Как же не помнить! – воскликнул губернатор. – Благодаря прозорливости его величества и вашей исключительной предусмотрительности мы не промедлили ни дня и спасли город. Жители Дедеагача до сих пор вспоминают о вас с благодарностью.

– Необходимо немедленно собрать представителей всех газет и сообщить им, что в городе чума и что завтра будет объявлено о введении карантинных мер.

– Чтобы собрать Карантинный комитет, нужно время, – сказал губернатор.

– Не дожидайтесь ответа измирской лаборатории, объявите о введении карантина! – стоял на своем Бонковский-паша.

---

<sup>41</sup> Текке – обитель дервишей.

<sup>42</sup> Мюрид – ученик и последователь шейха.

## Глава 7

Собрать заседание Карантинного комитета на следующее утро не удалось. Входящие в него мусульмане были готовы присутствовать, однако французский консул уехал на Крит, председателя комитета доктора Никоса не было дома, а английский консул, на дружескую поддержку которого паша весьма рассчитывал, сообщил, что прийти, к величайшему сожалению, не может, и назвал тому какую-то странную причину. Бонковский между тем сидел в ветхом гостевом доме под охраной. Наконец губернатор пригласил его к себе:

– Я вот что подумал: пока мы ожидаем собрания Карантинного комитета, вы, наверное, захотите повидаться с вашим старым стамбульским другом и бывшим партнером, аптекарем Никифоросом. Что скажете?

– Он здесь? На мою телеграмму он не ответил.

Губернатор взглянул на Мазхара-эфенди, тихо, как тень, притулившегося в уголке кабинета, и только тогда его заметили остальные.

– Никифорос сейчас на острове, и отправленные вами две телеграммы были ему доставлены, это нам в точности известно, – заверил Мазхар-эфенди. Говорил он это совершенно спокойно, так как не сомневался, что Бонковский-паша и сам отлично понимает: агенты губернатора читают каждую телеграмму, приходящую на остров из-за его пределов.

– Не ответил же он вам из опасения, как бы вы не припомнили ему былые размолвки по коммерческим и концессионным вопросам, – пояснил губернатор. – Но сейчас он ждет своего старого друга у себя в аптеке. Переселившись сюда из Стамбула и открыв у нас аптеку, он прилично разбогател.

Бонковский-паша и доктор Илиас отправились к аптекарю. На подступах к площади Христополитиссы<sup>43</sup> хозяева лавок, опасаясь, что от яркого утреннего солнца выгорят их товары – выставленные на витринах разноцветные ткани, кружева, привезенные из Салоник и Измира готовые костюмы, шляпы-котелки, европейских фасонов зонтики и туфли, – растянули над ними полосатые сине-бело-зеленые тенты, отчего улочки казались еще более узкими. Картина, представавшая глазам Бонковского и его помощника, очень походила на то, что они видели во многих других городах, куда попадали в самом начале эпидемии: люди на улицах ничуть не боялись приближаться друг к другу, страха заразиться у них не было. В городе текла своим чередом обычная жизнь: женщины, прихватив с собой детей, шли за покупками; уличные торговцы предлагали желающим греческие орехи, курабье, мингерские чуреки<sup>44</sup> с розовым ароматом и лимоны; цирюльник молча брил элегантно одетого клиента; мальчишка-разносчик торговал афинскими газетами, прибывшими с последним пароходом. Квартал выглядел богатым, разнообразие товаров, которые предлагали греческим буржуа здешние лавочки, производило впечатление, и Бонковский-паша подумал, что дела у его старого друга, аптекаря Никифороса, и впрямь, должно быть, идут неплохо.

Никифорос был уроженцем Мингера, но двадцать пять лет назад, когда с ним познакомился Бонковский, жил в Стамбуле, в Каракёе<sup>45</sup>, где держал небольшую аптеку с гордой вывеской «Pharmacie Nikiforos»<sup>46</sup>. В помещении за аптекой, где когда-то была кухня, Никифорос устроил свою мастерскую. Там он готовил крем для рук на розовой воде и зеленые мятные пастилки от кашля, которые затем сбывал в портовые города и даже – благодаря интересу Абдул-Хамида к строительству железных дорог – в некоторые отдаленные вилайеты.

---

<sup>43</sup> Златоградная (*греч.*). Один из принятых у греков эпитетов Богородицы.

<sup>44</sup> Чурек – сдобная лепешка.

<sup>45</sup> Каракёй – район в европейской части Стамбула.

<sup>46</sup> «Аптека Никифороса» (*фр.*).

По-настоящему сблизил двух молодых фармацевтов работа в Стамбульском фармацевтическом обществе, которое они вместе учредили в 1879 году, когда еще живы были горькие воспоминания о поражении в войне с Россией 1877–1878 годов, о потере территорий и о толпах беженцев. В скором времени в обществе числилось уже более семидесяти членов, большинство которых были греками. Такие организационные успехи и образовательная деятельность общества привлекли внимание молодого султана Абдул-Хамида, и тот стал давать Бонковскому, отца которого знал лично, разные поручения, например произвести анализ питьевой воды в Стамбуле или подготовить доклад о болезнетворных микроорганизмах.

В те годы Абдул-Хамид мечтал наладить в своей империи фабричное производство взамен кустарного и, в частности, задумался о производстве розовой воды. В Стамбуле это был освященный веками семейный промысел. Розовую воду изготавливали дома из цветов, выращенных в собственном саду, и в небольших количествах, чтобы потом добавлять в варенье и сласти или использовать для других личных нужд. Нельзя ли, размышлял султан, наладить производство этого традиционного для османов продукта в гораздо более значительных объемах, устроив фабрику европейского типа и предварительно изыскав возможность выращивать необходимое количество роз? И Абдул-Хамид поручил молодому, расторопному фармацевту Бонковскому подготовить доклад по этому вопросу.

В течение месяца Бонковский-бей составил план строительства в Стамбуле фабрики, способной производить розовую воду большими партиями, подсчитал, во что это обойдется, и подробно объяснил в докладе, почему огромные сады, способные поставить тонны розовых лепестков, которые потребны для подобного производства (если не брать питомники в Бейкозе<sup>47</sup>), можно разбить только в двадцать девятом вилайете Османской империи, на острове Мингер. Работая над докладом, Бонковский, разумеется, обращался за сведениями и советами к своему другу, уроженцу Мингера Никифоросу, который производил из выращенных на острове роз крем для рук. В скором времени султан вызвал обоих к себе и спросил, действительно ли, как написано в докладе, на острове Мингер произрастает сорт роз, чьи лепестки особенно богаты эфирным маслом и обладают особым, глубоким и сладким ароматом, и правда ли, что из них можно в изобилии производить розовую воду. Получив от трепещущих перед его величеством фармацевтов, католика и православного, утвердительный ответ, султан вышел из кабинета, где проходила аудиенция.

Спустя какое-то время посыльный принес известие о том, что его величество жалует господам Бонковскому и Никифоросу концессию на выращивание роз в вилайете Мингер и поставку сырья для производящей розовую воду фабрики, которая по приказу султана будет построена в Стамбуле. Концессионеры освобождались от уплаты налогов с прибыли.

Никифорос отнесся к привилегии, дарованной Абдул-Хамидом, куда серьезнее, чем Бонковский. В следующем году он основал на Мингере компанию для производства розовой воды. Бонковский, вложивший в предприятие десять золотых лир, управлял ее делами в Стамбуле и налаживал отношения с Министерством торговли и сельского хозяйства. В первый же год удалось правильно организовать дело в том, что касалось культивирования роз. Бонковский познакомился с бежавшим после войны с Балкан в Стамбул крестьянином, который знал все об этих цветах и о том, как их выращивать, и пригласил его переехать на Мингер со всей семьей.

Однако дело застопорилось, когда Бонковский-бей неожиданно впал у султана в немилость. На первый взгляд вся вина его состояла в том, что однажды, беседуя с двумя врачами и одним фармацевтом, которые коротали время за чтением книг в фойе стамбульской аптеки Апери (как и два вольнодумных журналиста, из коих один, по совместительству, был полицейским осведомителем), он с видом человека, много знающего, обронил: его величество беспоп-

---

<sup>47</sup> Бейкоз – поселение, которое в описываемое время располагалось на месте одноименного района в азиатской части Стамбула.

коит левая почка. (Через тридцать восемь лет Абдул-Хамид умрет оттого, что откажет почка, причем именно левая.) Разгневало султана не столько то, что о его недомогании стало известно, сколько небрежность, с какой Бонковский упомянул его почку, упомянул походя – просто к слову пришлось.

Однако настоящей причиной опалы Станислава Бонковского был неожиданный успех созданного им фармацевтического общества, объединявшего сторонников современной постановки аптекарского дела. В те годы аптеки современного типа, созданные людьми, получившими медицинское образование, конкурировали с актарями – зелейниками, знахарями и травниками, которые продолжали торговать дедовскими мазями, специями, травами, корешками, а также ядами, опиумом и другим дурманом. По предложению Бонковского, поддержанному тогда еще благосклонным к нему Абдул-Хамидом, был принят новый аптекарский устав, запрещавший актарям продавать ядовитые, дурмящие и вредные для здоровья вещества даже по рецепту.

Потеряв значительную часть дохода, актары, по большей части мусульмане, не пожелали с этим смириться и завалили султана доносами, как за подписью, так и анонимными. Нас, мусульман, притесняют, писали они. Ох, неспроста греки-аптекари хотят прибрать к рукам торговлю ядами и опиумом, дурные у них намерения! Эти доносы на некоторое время сбили султана с толку, а тут еще Бонковский разгневал его своей болтовней. Некоторое время Абдул-Хамид не желал и слышать о нем, но лет через пять смягчился (за Бонковского многие просили), вернул ему свое доверие и стал давать различные поручения: провести, к примеру, анализ воды в озере Теркос; установить, почему в Адапазаре<sup>48</sup> каждое лето происходит вспышка холеры; составить список произрастающих в саду вокруг дворца Йылдыз трав, которые можно использовать для приготовления ядов, или доложить о том, какие недорогие европейские средства из числа новых можно использовать для обеззараживания воды источника Замзам<sup>49</sup>.

За пять лет опалы Бонковский отдалился от Никифороса, тем более что тот продал свою лавку в Каракее и вернулся на родной Мингер.

Теперь же, стоя на площади Хрисополитиссы перед роскошной витриной огромной аптеки с вывеской «Nikiforos Ludemis – Pharmacie»<sup>50</sup>, Бонковский-паша порадовался за старого друга. На самом видном месте в витрине красовалась феска с изображенной на ней розой, которую Бонковский помнил еще по Стамбулу, – Никифорос выставлял ее в витрине в качестве опознавательного знака, чтобы его аптеку могли найти неграмотные обладатели рецептов. Вокруг были расставлены изящные бутылочки и баночки со средствами на основе розовой воды Никифороса, рыбьим жиром, камфарой, глицерином и послабляющей минеральной водой источника Гунияди-Янос, разнообразные лекарства, в том числе заказанный в Германии аспирин, швейцарский шоколад, французские консервы и минеральная вода «Эвиан» и «Виттель», английские одеколоны Аткинсона и еще много товаров, доставленных из Афин. Словом, выглядела витрина нарядно и красочно.

Хозяин аптеки, приметив двух особенных посетителей, восхищенно рассматривающих витрину, вышел на улицу, пригласил гостей войти, усадил их (все это время стараясь не подходить к ним слишком близко) и велел помощнику подать кофе. И между старыми друзьями сразу завязалась оживленная беседа, словно с их последней встречи и не прошло столько лет. Обменявшись несколькими приятными воспоминаниями, они наконец перешли к делу.

– Губернатор Сами-паша сказал, что вы не хотели со мной встречаться, так ли это? – уточнил Бонковский-паша.

<sup>48</sup> Адапазары – город на северо-западе Турции.

<sup>49</sup> Замзам – колодец в Мекке, вблизи Каабы. Омовение в Замземе и питье его воды – важный элемент паломничества, хаджа.

<sup>50</sup> «Никифорос Людемис – аптекарь» (фр.).



– Господин губернатор меня недолюбливает.

– Я ведь давно уже не имею никакого отношения к концессии, много лет назад пожалованной нам его величеством.

– А вот оцените-ка продукцию компании, которую мы с вами вместе когда-то создали.

Первым делом Никифорос принес розовую воду в высоких изящных бутылочках, закатанных им в Стамбуле. Потом пришел черед крема для рук, мазей, разноцветного мыла с розовым ароматом и розовой эссенции во флаконах с распылителем.

– Мази нашей марки уступают в популярности только продукции Эдхема Пертева. В Стамбуле наш крем для рук пользуется большим спросом не только среди посетителей греческих аптек, но и у дам мусульманского вероисповедания.

О том, что говорилось в аптеке Никифороса во время этой встречи, мы знаем благодаря осведомителю Надзорного управления, который сидел в соседней комнате и позже записал все услышанное слово в слово. Похвастав коммерческими успехами в портовых городах Восточного Средиземноморья, Никифорос с гордостью открыл главную причину, по которой дарованная Абдул-Хамидом концессия принесла ему столько денег: разводившие розы мингерские крестьяне в большинстве своем предпочитали продавать урожай компании «Роза Мингера», то есть ему и его сыновьям. Еще в Стамбуле Никифорос женился на девушке-гречанке по имени Мариантис, тоже родом с Мингера, и она подарила ему двух сыновей. Старший, Тодорис, сейчас управляет фермой на севере острова, в деревне Пергало, а младший, Апостол, руководил афинским отделением компании.

– Это же просто замечательно: вы перерабатываете местное сырье, продаете его за пределами острова, а деньги приходят сюда, на Мингер! – оценил Бонковский-паша. – Отчего же губернатор вами недоволен?

– В горах вокруг Пергало бесчинствуют враждебные друг другу шайки греков и мусульман. Стычки, перестрелки, налеты... И когда греческий разбойник Павло, герой местных крестьян, заглядывает к нам на ферму и требует дани, мой сын не может ему отказать. Если откажет, ферма и трех дней не простоит – сожгут! А могут и убить кого-нибудь. Всем известно, что этому негодяю Павло нравится убивать османских чиновников, угонять девушек из мусульманских деревень – они, мол, на самом деле силой обращенные в ислам гречанки, – а если кто ему не угодит, может и глаза выколоть, уши отрезать.

– И губернатор не в силах изловить этого Павло?

– Его превосходительство, – тут аптекарь Никифорос подмигнул гостям и кивком указал на соседнюю комнату, давая понять, что разговор слушают, – поддерживает в борьбе против Павло бешеного шейха текке Теркапчилар, что находится в мусульманской деревне Небилер, неподалеку от Пергало, и его воспитанника, разбойника Мемо. Этот Мемо – головорез не хуже Павло, да к тому же фанатик. Покарал мусульманина, открывшего в Рамазан<sup>51</sup> свою харчевню!

– Боже мой! – воскликнул Бонковский-паша, с улыбкой взглянув на доктора Илиаса. – Что же сотворил Мемо?

– В городке Думанлы один повар открыл свою харчевню в обед. И Мемо, в назидание и устрашение местным жителям, отстегал его кучерским кнутом.

– И что же, мингерские мусульмане, чиновники, уважаемые семьи попустительствуют подобным бесчинствам?

– Какая разница? – равнодушно проговорил аптекарь. – Бывает, что и побранят его: негоже, мол, так поступать доброму мусульманину... Но этот Мемо им нужен как управа на Павло, а то, пока пришлют войска из Арказа, много времени пройдет. Губернатор только вот что делает: отмечает греческие деревни, где поддерживают разбойников, и просит, чтобы летом

---

<sup>51</sup> Во время священного для мусульман месяца Рамазан верующим запрещено принимать пищу с рассвета до захода солнца.

к острову подошли броненосцы «Махмудийе» и «Орханийе» и обстреляли эти деревни из пушек. К счастью, чаще всего корабли не приходят.

– Да, положение у вас и вправду затруднительное, – согласился Бонковский-паша. – Но ваша аптека, как я посмотрю, процветает!

– Лет тридцать – сорок назад в мире узнали о розовом мингерском мраморе, известном также как мингерский камень. Четверть века не падал на него спрос – вы наверняка об этом слышали. Наш мрамор грузили на корабли и везли продавать в Америку, в Германию. В восьмидесятые годы в городах, где холодные зимы, – в Чикаго, Гамбурге, Берлине – тротуары мостили камнем, добытым в наших горах, поскольку было известно, что он не обледеневаает. В те времена торговля с Европой шла через Измир. За последние двадцать лет спрос на мингерский камень упал, а вот наши товары в Афинах покупают очень охотно. Греция нам помогает. Афинские, европейские дамы умащают свои ручки душистым розовым кремом, используют его, можно сказать, как дорогой парфюм. А между тем в Стамбуле розовая вода стоит гроши, ее можно купить в любой кондитерской. Я вижу, что концессия на ее производство вас по-прежнему не интересует. Стало быть, вы и вправду, как говорят, прибыли сюда, чтобы бороться с чумой.

– Зараза успела распространиться, потому что ее скрывали, – сказал Бонковский-паша.

– И вот-вот вспыхнет эпидемия – неожиданная, как гибель крыс.

– Вам не страшно?

– Мы на пороге большой беды. Но я не могу ее вживе себе представить и потому, дорогой друг, говорю себе, что, наверное, ошибаюсь, запрещаю себе думать о том, что нас ждет. Новоявленные тарикаты<sup>52</sup> при попустительстве господина губернатора набрали такую силу, что я боюсь, как бы теперь взбалмошные, невежественные шейхи не помешали осуществлению карантинных мер. Эти ничтожные шейхи будут делать все, чтобы сорвать карантин и спокойно торговать своими бумажками и амулетами.

Бонковский-паша достал из кармана амулет.

– Я снял это с покойного тюремщика, – сообщил он. – Не бойтесь, я обработал бумажку.

– Дорогой Станислав, но ведь вы лучше всех знаете: чтобы человек заболел чумой, его должна укусить крыса или блоха. Или это не так? Может ли человек заразиться от другого человека без посредства крысы? Могу ли я заразиться от этого амулета?

– В прошлом году на Венецианской конференции даже самые маститые, самые сведущие врачи не рисковали утверждать, что чума не передается от человека к человеку через прикосновение или по воздуху с капельками слюны. И раз утверждать этого нельзя, средства для борьбы с этой напастью остаются прежними: изоляция, карантин и истребление крыс. Вакцину от чумы пока не создали. Французы и англичане работают над этим. Посмотрим, что у них выйдет.

– В таком случае да помогут нам Христос и Пресвятая Дева Мария! – вздохнул аптекарь. Церковные колокола начали вызванивать полдень.

– Есть у вас крысиная отравка? – поинтересовался Бонковский. – Чем на острове их травят, мышьяком?

– В аптеках есть цианиды измирского производства. Стоят недорого, одной коробки хватает на семь-восемь недель. Если у кого в доме появляются крысы, хозяева покупают в зеленой лавке какие-нибудь растительные снадобья или отраву с мышьяком и сами раскладывают. Есть и фосфорные растворы – в аптеку «Пелагос» их доставили на последнем пантелеймоновском пароходе из Греции, а в «Дафне» – товар из Салоник. Можете ими воспользоваться. Вы химик, так что в ядах лучше меня разбираетесь.

---

<sup>52</sup> *Тарикат* – мусульманское духовное братство с относительно централизованной иерархической организацией.

Два старых друга обменялись долгим загадочным взглядом. Бонковский-паша вдруг остро почувствовал, как сильно отдалился от друга за эти годы, какое большое место заняла в его жизни служба Абдул-Хамиду и Османской империи, – однако, прочтя письма Пакизе-султан, вы поймете, что это не совсем верно. Бонковский не мог угадать чувства Никифороса. Не мог допустить, что грека уже ничто не связывает ни с султаном, ни со Стамбулом.

– В те дни, – продолжил Никифорос, – когда город наводнили обезумевшие крысы, которые позже сами собой подошли, никто не интересовался ни крысоловками, ни отравой. Но теперь, когда поползли слухи о чуме и стали рассказывать, что в Измире крыс истребляли, невестка одного из здешних богачей, Янбоядакиса, приобрела две крысоловки из Салоник. Да еще садовник Франгискосов купил ловушку с пружиной, которую смастерил наш плотник Христо.

– Попросите Христо, чтобы сделал как можно больше таких ловушек! – взмолился Бонковский. – Если вы закажете крысоловки на Крите или в Измире, скоро ли их доставят?

– После того как пошли слухи о карантине, рейсовые пароходы стали к нам заходить реже, а вот нерейсовые – чаще. Некоторые богатые семьи уехали, испугавшись, что после объявления карантина сбежать с острова уже не смогут. А иные и не приезжали. С Крита крысиную отраву придется ждать один день, из Измира – два. Скорее всего.

– Вы, как аптекарь, можете понять, что скоро болезнь начнет косить всех подряд, в больницах не будет хватать коек, врачи сойдут с ног, не успевая обойти всех больных, а могильщики устанут копать могилы.

– Но в Измире вы легко и быстро справились с эпидемией.

– В Измире мы с греком Лазаридисом, владельцем самой большой в городе аптеки, и с хозяином аптеки «Шифа», мусульманином, сели и подумали, что делать. Вместо того чтобы обвинять друг друга, обсудили, какие совместные действия принесут успех. Из чего на острове удобнее всего приготовить обеззараживающий раствор?

– Военные в гарнизоне готовят его для своих нужд из извести. Для обработки государственных учреждений привозят из Стамбула через Измир дезинфицирующие средства в бочонках, а хозяева некоторых гостиниц и ресторанов заказывают их в Стамбуле, в аптеке Николаса Агапидиса. В других гостиницах и ресторанах приятно пахнет лавандой, отчего создается впечатление, будто там все продезинфицировано и чисто, но, по правде говоря, я не знаю, достаточно ли в их ароматном растворе алкоголя, чтобы убить возбудителя чумы, и есть ли от него хоть какой-то толк. Господин Мицос, хозяин аптеки «Пелагос», состоит в Карантинном комитете, и те отели, что покупают дезинфицирующий раствор у него (по приемлемой цене), получают от комитета послабления.

– А есть у вас медный купорос?

– У нас его называют глаз-камнем... Я за день могу собрать по другим аптекам столько, сколько будет нужно его превосходительству для приготовления раствора. Однако не думаю, что с началом карантина нам удастся обеспечить бесперебойные поставки.

## Глава 8

Бонковский-паша был под сильным впечатлением от того, насколько хорошо аптекарь Никифорос знает, где на острове можно найти те или иные средства и материалы.

– Одного аптекаря Мицоса в Карантинном комитете недостаточно, – рассудил он, – туда обязательно нужно включить и вас.

– Ваше любезное предложение – большая честь для меня, – откликнулся Никифорос. – Я очень люблю Мингер. Но я терпеть не могу этих консулов, которые только и умеют, что продавать билеты на пассажирские пароходы, заниматься контрабандой да надувать друг друга. Да и не консулы все они на самом деле, а вице-консулы. Кроме того, пока господин губернатор не перестанет покрывать всех этих шейхов, обеспечивать соблюдение карантина будет весьма непросто.

– Кто из шейхов, настроенных против карантина, самый непримиримый?

– Нам, грекам, не пристало лезть в дела мусульман. Но ведь мы с ними на этом острове словно на одном корабле. Чума не будет разбираться, кто мусульманин, кто христианин, ее стрелы будут поражать всех. И если мусульмане не согласятся соблюдать карантин, умирать станут не только они, но и христиане.

Желая намекнуть, что ему уже пора откланяться, Бонковский-паша встал со стула и принялся изучать витрину, в которой были выставлены снадобья на основе розовой воды.

– Из всех наших товаров самым большим спросом по-прежнему пользуются «La Rose du Minguère»<sup>53</sup> и «La Rose du Levant»!<sup>54</sup> – сообщил Никифорос, открыл витрину и вручил Бонковскому изящный флакон и среднего размера стеклянную баночку. – «La Rose du Minguère» – крем для рук, а «La Rose du Levant» – розовая вода самого высшего сорта. Помните, паша, как однажды вечером мы с вами придумали эти названия? Двадцать с лишним лет назад дело было.

Бонковский и вправду вспомнил тот стамбульский вечер, и на губах его показалась грустная улыбка. Два совсем еще молодых человека, неожиданно получившие концессию от султана, сидели в задней комнате аптеки Никифороса, пили раки<sup>55</sup> и строили планы разбогатеть. Первым делом, решили они, нужно наладить выпуск розовой воды в бутылках, а потом – крема на ее основе. Да, 1880-е годы были золотым временем для *specialités pharmaceutiques*<sup>56</sup>, как это называют европейцы. Люди перестали ходить в пропахшие травами, пестрящие яркими цветами зелейные лавки, и рынок оказался внезапно захвачен аптеками современного типа, где среди выкрашенных в стерильный, белый цвет стен холодно поблескивали стеклами деревянные витрины и где вам могли приготовить лекарство по рецепту. В эти аптеки стали поставлять из-за границы средства от мозолей, лекарства для желудка, краску для волос и бороды, зубную пасту, заживляющие мази – всё в красивых баночках и бутылочках. В некоторых стамбульских и измирских аптеках даже можно было купить одеколон и послабляющую минеральную воду из Европы. В те же годы некоторые сообразительные аптекари стали предлагать местные аналоги этих средств. Вот и Бонковский-бей создал небольшую компанию для производства слабительной минералки и «шипучей фруктовой воды». Тогда же он узнал, что упаковку, даже для товаров местного производства, – бутылки, крышечки, красивые коробочки и этикетки – заказывают в Европе, по большей части в Париже. А там все стоит денег, в том числе и рисунок для этикетки. Поэтому Бонковский решил обратиться к знакомому художнику Осгану Калемджияну.

---

<sup>53</sup> «Роза Мингера» (фр.).

<sup>54</sup> «Роза Леванта» (фр.).

<sup>55</sup> Раки – анисовая водка.

<sup>56</sup> Патентованные лекарственные средства (фр.).

– Этот рисунок наш друг Осган сделал для этикеток нашей розовой воды. Я его нисколько не изменил. Когда приехал сюда, первым делом заказал в единственной арказской типографии, печатающей этикетки и визитные карточки, тысячу штук и стал наклеивать на бутылки.

– Осган был аптекарем, фармацевтом и в то же время самым популярным рекламным художником тех лет, – заметил Бонковский-паша. – Выполнял заказы роскошных отелей, известных магазинов, в том числе «Лаззаро Франко», и, конечно, аптек, делал рисунки для каталогов и упаковок.

– А вот посмотрите-ка еще сюда, – предложил Никифорос, отвел Бонковского в сторонку и продолжил, понизив голос: – Самый ожесточенный противник карантина – шейх тариката Рифаи. А шейх Хамдуллах тайно его поддерживает.

– Где находятся их текке?

– В кварталах Вавла и Герме. А помните этот рисунок на этикетке «Розы Леванта»? Он еще более символичен. Здесь есть и одна из башен Арказской крепости – та, что с остроконечным навершием, и Белая гора, и мингерская роза.

– Да, эту эмблему я тоже помню, – кивнул Бонковский-паша.

– Мне хотелось бы отправить господину губернатору, раз уж его ландо здесь, несколько образцов нашей продукции. – Никифорос указал на корзинку с двумя бутылочками «La Rose du Levant». – Эмблему с этих этикеток я отпечатал также и на ткани, которой украсил витрину – исключительно в рекламных целях. Однако господин губернатор, к великому сожалению, истолковал это превратно и мало того что велел снять эмблему, так еще и не вернул ткань, на которой она была отпечатана. Я смогу войти в Карантинный комитет лишь в том случае, если мне вернут этот кусок ткани. Он сыграл важную роль в истории нашей компании.

Полчаса спустя, настояв на новой аудиенции у губернатора, Бонковский-паша сразу начал разговор с просьбы аптекаря:

– Мой старый друг Никифорос согласился войти в Карантинный комитет. Но только с одним условием: если вы вернете ему рекламную вывеску.

– Стало быть, он так далеко зашел, что рассказал вам эту историю? Неблагодарный, гнусный человек этот Никифорос. По милости его величества, даровавшего ему концессию, он обзавелся фермами, аптеками, разбогател на торговле розовой водой. И как только разбогател, изменил султану, стал служить греческому консулу и греческому министру торговли. Да если я захочу, пошлю к нему налогового инспектора и так обложу штрафами, что от его розового дворца камня на камне не останется!

– Не делайте этого, ваше превосходительство! – смиренно попросил Бонковский-паша. – Борьба с эпидемией требует единства и сплоченности. Я его еле уговорил войти в Карантинный комитет.

Губернатор вышел в смежную с кабинетом маленькую комнатку за зеленой дверью, открыл стоявший там сундук, достал кусок розовато-красной ткани (любимого мингерцами цвета) и развернул его.

– Посмотрите, это же настоящий флаг!

– Я понимаю ваше беспокойство, паша, но это не флаг, а эмблема компании, которую мы с Никифоросом создали в молодости. Своего рода опознавательный знак для наших товаров, этикетка для бутылок! – возразил Бонковский-паша и тут же прибавил: – Ваше превосходительство, пошлите еще раз на почтамт, нет ли телеграммы? – не потому, что хотел сменить тему, просто не мог поверить, что телеграмма из Измира до сих пор не пришла.

Затем Бонковский-паша и его помощник пешком вернулись в ветхий гостевой дом. Там доктор Илиас еще раз напомнил, что Бонковскому нельзя одному ходить на почтамт.

– Да в чем же опасность? Кто здесь может желать, чтобы на острове вспыхнула эпидемия чумы? Все будет так же, как и в других местах: когда начнется чума, все, кто тут друг с другом на ножах, сразу забудут о своей вражде.

– Наверняка найдутся такие, кто захочет причинить вам зло, паша. Просто для того, чтобы о них говорили. Вспомните, как вы за месяц остановили эпидемию чумы в Эдирне<sup>57</sup>. А ведь когда вы уезжали оттуда, кое-кто по-прежнему твердил, что это вы сами заразу в Эдирне и привезли!

– Мингер – зеленый остров в теплом море. Тут и климат мягче, и люди.

Через некоторое время, так и не дождавшись от губернатора новостей о телеграмме, главный санитарный инспектор и его помощник ушли из гостевого дома, никого не поставив о том в известность. Пока охранники и агенты, дежурившие у дверей, сообразили, что делать, и нагнали их, Бонковский-паша и доктор Илиас успели дойти до площади Вилайет. Стоял жаркий весенний день, над площадью раскинулось безоблачное небо. Слева возвышалась величественная Арказская крепость, справа виднелись отвесные скалы знаменитой Белой горы. Бонковский-паша восхищенно любовался этим живым и ярким пейзажем. Шли они в тени колоннад выходящих на площадь зданий. У дверей мингерского почтамта и роскошного магазина тканей «Дафни» стояло по человеку с бутылкой дезинфицирующего раствора в руках. Других признаков того, что в городе чума, нигде заметно не было. Дремали лошади, запряженные в стоящие на площади экипажи, весело переговаривались кучера, поджидая седоков.

Стоявший у дверей сотрудник почтамта обрызгал их лизолом<sup>58</sup> с розовой отдушкой. Войдя внутрь, Бонковский-паша заметил пожилого почтового служащего, который перебирал какие-то бумаги, обмакивая пальцы в воду с уксусом, и направился к нему.

– И вам телеграмма пришла, и для Карантинного комитета телеграммы есть, – известил почтовый служащий и продолжил перебирать бумаги.

Накануне Бонковский-паша отправил одну телеграмму начальнику карантинной службы Измира и от себя лично – так ему хотелось побыстрее ознакомиться с результатами анализов. Теперь, как и следовало ожидать, он получил официальное подтверждение: на Мингере эпидемия чумы.

– Пока не собрался Карантинный комитет, схожу-ка я в Вавлу и Герме, – объявил Бонковский-паша. – Тот, кто вводит карантин, должен увидеть все своими глазами.

Доктор Илиас заметил, что справа от них, по ту сторону почтового прилавка, осталась открытой дверь отдела, где принимали посылки. Другая, выходящая наружу, дверь отдела тоже была приотворена; в проеме виднелась густая зелень садика за почтамтом.

Бонковский-паша уловил удивленный взгляд доктора Илиаса, но никак на него не отреагировал. Он обогнул прилавок, с непринужденным видом приблизился к открытой двери (директор почтамта Димитрис-эфенди и еще один служащий сидели к нему спиной и что-то читали), шагнул внутрь; не сбавляя скорости, подошел к следующей двери, ведущей в садик, толкнул ее и вышел из здания почтамта. Доктор Илиас, конечно, не бросил бы своего начальника, но все случилось слишком быстро, и он, словно замороженный, стоял и смотрел вслед Бонковскому, думая, что тот сейчас вернется.

А Бонковский, сообразив, что сумел на время избавиться от агентов и охранников Надзорного управления, очень обрадовался, вышел из садика, свернул в первый попавшийся переулок и двинулся вверх по склону. Скоро, конечно, Мазхар-бей разошлет повсюду своих подчиненных, и его найдут. Знаменитый ученый, разменявший седьмой десяток, был очень доволен своей шалостью и тем, как ловко ему удалось обвести всех вокруг пальца.

Через два часа окровавленное тело Бонковского будет найдено на краю пустыря через перекресток от аптеки «Пелагос», что на площади Хрисополитиссы. Что делал в эти два часа главный санитарный инспектор Османской империи и главный фармацевт личной аптеки его величества султана Абдул-Хаида II? Кто, когда и при каких обстоятельствах похитил его и

---

<sup>57</sup> Эдирне (Адрианополь) – город в европейской части Турции.

<sup>58</sup> Лизол – раствор очищенных фенолов в калийном или натриевом мыле, обладающий бактерицидным действием.

убил? Эти вопросы до сих пор время от времени, пусть и неохотно, продолжают обсуждать историки Мингера.

Бонковский-паша медленно шел вверх по узкому переулку. С одной стороны тянулась старинная стена с осыпавшейся штукатуркой, оплетенная лианами и обсаженная рядами плакучих ив и теревинфов<sup>59</sup>, а с другой – пустырь, где весело перекрикивались, вешая белье на веревки между деревьями, женщины и бегали их полуголые дети. Пройдя еще немного, Бонковский увидел в переплетении плюща двух ящериц, озабоченных продолжением рода. В греческом женском лицее Марианны Теодоропулос еще не были объявлены каникулы, однако на занятия ходила едва ли половина учениц. Шагая вдоль ограды и заглядывая внутрь, словно в тюремную камеру сквозь прутья решетки, умудренный опытом главный санитарный инспектор понимал, что многих детей, несмотря на разговоры об эпидемии, отправили в школу просто потому, что родители не могли остаться днем дома и обеспечить своих чад едой – а в школе дадут тарелку супа и хлеб. Лица девочек, убивающих время в лицее, совсем не таком многолюдном, как еще недавно, выдавали затаенную тревогу.

Затем Бонковский-паша вошел во двор церкви Святой Троицы. Там было тихо. Две погребальные процессии только что отправились на православное кладбище за кварталом Хора. Бонковскому вспомнилось, какие ожесточенные споры (эхо их докатилось аж до Стамбула) разгорелись двадцать лет назад, когда начинали строить храм. Раньше на этом месте находилось кладбище, поспешно устроенное во время жестокой эпидемии холеры 1834 года. Разбогатец на торговле мрамором, мингерские греки пожелали предать забвению те ужасные дни и возвести на этом участке большую церковь. Тогдашний губернатор запретил строительство под тем предлогом, что возводить здание на земле, в которой лежат останки умерших от холеры, опасно с медицинской точки зрения. Султан Абдул-Хамид поинтересовался мнением Бонковского, который как раз тогда занимался вопросом чистоты питьевой воды в Стамбуле, и вскоре разрешение на строительство новой церкви на месте кладбища было выдано. Как и у всех православных церквей, возведенных после того, как шестьдесят лет назад, во время Танзимата<sup>60</sup>, христианам Османской империи было дозволено строить храмы с куполами, купол у церкви Святой Троицы оказался чрезмерно большим. И купол, и колокольня были замечательно видны с входящих в порт пароходов, отчего у пассажиров создавалось впечатление, будто они прибывают на греческий остров. Это весьма беспокоило губернаторов. Купол Новой мечети, самого большого османского здания на Мингере, возможно, был и побольше, но выглядел не настолько эффектно, потому что мечеть не могла похвастаться таким же выгодным расположением, как православный храм.

В церковь Бонковский-паша заходить не стал – подумал, что обратит на себя внимание прихожан, которые не дадут ему спокойно осмотреть мингерскую святыню, да и не хотелось, чтобы его снова обрызгали лизолом. Он прогулялся вдоль лавок, притулившись к стене. Тут же, при церкви, имелся мужской лицей. Бонковскому пришло на память, как тридцать лет назад он преподавал химию в стамбульских лицеях, и ему захотелось рассказать здешним одуревшим от безделья ученикам о химических веществах, о микробах и о чуме.

Выходя с церковного двора, Бонковский заметил элегантно одетого старика грека и спросил у него по-французски, как пройти в Вавлу. Тот отвечал с трудом, запинаясь. Всего через два часа после обнаружения тела Бонковского этот старик (дальний родственник богатей Алдони) расскажет полиции о встрече и о заданном главным санитарным инспектором вопросе, после чего с ним еще долгое время будут обходиться чуть ли не как с подозреваемым; десять лет спустя он пожалуется на это в интервью афинской газете.

<sup>59</sup> *Теревинф* (терпентинное дерево) – вид небольших листопадных деревьев и кустарников рода фисташка семейства сумачовые.

<sup>60</sup> *Танзимат* – период модернизационных реформ в Османской империи, длившийся с 1839 до 1876 год.



Покинув церковный двор, Бонковский-паша прошел мимо бакалейных и зеленных лавок, часть которых была закрыта, и знаменитой своим миндальным курабье пекарни Зофири, которая существует и сейчас, в 2017 году, когда я пишу эти строки. Затем он двинулся вниз по улице Эшек-Аныртан. Здесь ему навстречу попала небольшая похоронная процессия, несущая вверх по склону огромный табут<sup>61</sup>, и он посторонился, давая ей дорогу. Это из своей парикмахерской, на пересечении с проспектом Хамидийе, видел парикмахер Панайот. Поскольку покойника унесли, а следующего еще не доставили, во дворе мечети, построенной в 1776 году на деньги знаменитого уроженца Мингера Ахмета Ферита-паши, одно время занимавшего пост великого визиря, было безлюдно. Купол у этой мечети был куда меньше, чем у Новой. Бонковский-паша пересек двор, вышел через ворота, обращенные к морю, и, прогулявшись по узеньким улочкам, окутанным липовым ароматом, оказался перед больницей «Хамидийе». Строительство больницы было еще не вполне завершено, однако тем утром она уже начала принимать больных. Увидев это, Бонковский подумал, что здесь его могут поджидать люди из Надзорного управления, и углубился в кварталы Кадирлер и Герме.

Здесь эпидемия уже успела унести немало жизней. Бонковский-паша смотрел на текущие посреди улиц нечистоты, на босоногих детей, на двух братьев, по неведомой причине затеявших драку. Прошел он и мимо дома того шейха, что выдал Байраму-эфенди амулет, теперь лежавший у Бонковского в кармане. Об этом мы знаем из рапорта полицейского в штатском, который нес дежурство в этом районе.

Полицейский не знал, кто такой Бонковский-паша. Однако он видел, как неподалеку от текке незнакомца остановил какой-то молодой человек и между ними завязался разговор, начало которого полицейский успел услышать:

– Господин лекарь, у нас больной, осмотрите его, пожалуйста.

– Я не лекарь...

Они еще некоторое время разговаривали, но полицейский уже не мог разобрать слов. Потом эти двое удалились.

Через несколько минут быстрой ходьбы главный санитарный инспектор и взволнованный молодой человек оказались в садике при доме, окруженном низкой оградой, в которой, однако, не было калитки. Бонковский попытался открыть дверь дома, но она, словно во сне, не поддавалась, и, опять-таки как во сне, он понимал, что даже если она откроется, ничего хорошего из этого не выйдет. Наконец дверь открылась. Они вошли. Внутри стоял обычный для зачумленных домов запах: пахло потом, блевотиной и зловонным дыханием. Бонковский почувствовал, что, если немедленно не открыть окна, он, чего доброго, сам заразится чумой, и задержал дыхание. Однако окон никто не открывал. Где же больной? Но и больного ему показывать не торопились. Вместо этого все смотрели на него так недобро и осуждающе, что Бонковскому стало не по себе и подумалось, что сейчас он задохнется. Вперед вышел зеленоглазый шатен.

– Вы снова, желая нам зла, принесли на наш остров чуму и карантин, – процедил он. – Но теперь у вас ничего не выйдет!

---

<sup>61</sup> *Табут* – погребальные носилки в исламском похоронном обряде.

## Глава 9

Высадив главного санитарного инспектора на Мингере, пароход «Азизийе» шел до Александрии еще два дня. По прибытии члены делегации были восторженно встречены сотрудниками дипломатической миссии Германской империи. Немецкий консул, озабоченный и разгневанный убийством посла Германии в Китае, устроил для них прием, на который были приглашены также консулы других европейских стран, и пресс-конференцию, дабы о цели делегации сообщили «Пирамид», «Иджипшн газетт» и другие издающиеся на английском языке египетские газеты, а вслед за ними – газеты индийские и китайские (в особенности мусульманские). Кайзер Вильгельм, видевший в подавлении китайского восстания хороший повод показать всему миру свою силу, желал, чтобы еще до прибытия делегации в Пекин всем было ведомо: султан Османской империи, халиф всех последователей ислама, поддерживает не китайских мятежников-мусульман, а европейцев.

Пакизе-султан и ее муж проводили дни и ночи в своей каюте на «Азизийе». Когда пароход пришвартовался у недавно отстроенной александрийской пристани, на палубу хлынули, словно пираты на abordаж, босоногие носильщики-бедуины в халатах и, не спрашивая ни у кого разрешения, принялись хватать и тащить на берег тюки и чемоданы. Глядя на это зрелище, Пакизе-султан вслух порадовалась, что, как османская принцесса, не может сходить с корабля. Ей было известно, что колагасы<sup>62</sup> Камиль, которому поручена охрана делегации, имеет приказ ни на шаг не отходить от родственницы султана, если той вздумается сойти на берег в каком-нибудь порту.

В первый александрийский вечер, любуясь закатом с палубы «Азизийе», Пакизе-султан заговорила с мужем о своем отце, царственном узнике Чырагана. Рассказала, как иногда вместе с сестрами улучала случай побыть с ним наедине в битком набитом людьми дворце, чтобы поиграть на фортепиано. Повела о том, каким чувствительным и ранимым человеком был ее отец, как он, движимый самыми добрыми намерениями, тайно вступил в масонскую ложу, что, к сожалению, было впоследствии неверно истолковано. Однажды, увидев, что Пакизе-султан с сестрами разглядывают в географическом атласе карту Африки, отец припомнил, как двадцать лет назад ездил в Египет вместе с тогдашним султаном, своим дядей Абдул-Азизом, и младшим братом, шехзаде Абдул-Хамидом-эфенди, будущим Абдул-Хамидом II. (После все трое побывали также в Париже, Лондоне и Вене.) В Египте три султана Османской империи (один правящий и два будущих) не только отправились на верблюдах к пирамидам, но и впервые в жизни прокатились на поезде. «Если будет угодно Всевышнему, то и по османским землям когда-нибудь проляжет железная дорога!» – поклялись тогда они друг другу. И еще Мурад V рассказал дочерям, пока те разглядывали карту Африки в атласе, что египетский народ проявлял к османскому султану и его племянникам самое доброе расположение. Восемнадцать лет назад смещенный правитель в своем дворце-узилище сильно огорчился и даже заплакал, когда узнал, что Египет заняли англичане.

Пакизе-султан была третьей дочерью Мурада V, который правил всего три месяца в 1876 году, после чего высшие сановники империи свергли его, сочтя неуравновешенным, если не сумасшедшим, и посадили на трон его младшего брата. За три месяца до того его дядя, султан Абдул-Азиз, тоже лишился власти в результате заговора высокопоставленных сановников, а затем через неделю был убит – якобы покончил с собой. Неудивительно, полагала Пакизе-султан, что после таких страшных злоключений ее отец Мурад V испытал нервное потрясение. Шехзаде Абдул-Хамид-эфенди, ставший в результате этих неожиданных событий султаном, не пользовался такой известностью и любовью в народе, как его старший брат Мурад. С самых

<sup>62</sup> Колагасы – офицерский чин в армии Османской империи, старше капитана, но младше майора.

первых дней правления его охватил страх остаться не у дел вслед за дядей и братом, и оттого он уготовил Мураду V строгий режим заключения.

Пакизе-султан родилась на четвертый год пребывания ее отца под арестом и очень долго не видела в своей жизни ничего, кроме дворца Чыраган. (А вот ее любимая старшая сестра Хатидже появилась на свет в Курбагалыдере<sup>63</sup>, где у ее отца, тогда еще шехзаде, был загородный особняк, и позже, когда тот стал султаном и переехал во дворец Долмабахче, сидела на коленях у него и у своего дяди Абдул-Хамида.) Дабы Мурад V не смог через своих детей наладить связь с оппозиционными группами и вернуть себе трон, Абдул-Хамид полностью изолировал его семью от внешнего мира.

Вопрос о замужестве дочерей, выросших в маленьком дворце, очень заботил и огорчал их отца. Абдул-Хамид дал понять, что, если какая-нибудь из трех его племянниц захочет выйти замуж, ей нужно будет покинуть отца и поселиться в дядином дворце Йылдыз. И это вполне понятно: подозрительный и жестокосердный султан не мог допустить, чтобы туда, где был заперт его старший брат, проник кто-нибудь посторонний, даже под таким уважительным предлогом, как приготовления к свадьбе. Подобное условие очень печалило отца Пакизе-султан, поскольку между ним и детьми существовали прочные узы сердечной привязанности. Он жаловался дочерям на жестокость Абдул-Хамида, говорил, что разлучать дочерей с отцом – великий грех, но в то же время наставлял их, что нет большего счастья, чем обрести семью и детей. Лучше всего для них будет, твердил он, если они на некоторое время оставят своего отца, переедут во дворец Йылдыз, докажут султану, что не таят на него обиды, что вполне благонадежны, и найдут достойных себя мужей.

Самая старшая сестра Хатидже-султан, которой уже немного оставалось до тридцати, и Фехиме-султан согласились на эти условия, однако восемнадцатилетняя Пакизе поначалу никак не хотела разлучаться с родителями. Однако через два года все устроилось наилучшим образом: Абдул-Хамид в последний момент подыскал для Пакизе-султан жениха («ничего, что он врач»), и три сестры вместе отпраздновали свадьбы во дворце Йылдыз. Причем, в отличие от старших сестер, Пакизе-султан была теперь счастлива с неожиданно доставшимся ей мужем (оттого, по уверению некоторых, что уступала сестрам красотой и меньше о себе мнила).

Пока супруги, запершись в каюте, беседовали и лучше узнавали друг друга, Пакизе-султан ласкала взглядом пшеничного цвета кожу доктора Нури, его покрытое пушком крупное, полное тело, испытывая блаженную истому, о которой раньше даже не подозревала. Просто замечая, как на лбу у мужа выступают капли пота, когда он увлеченно о чем-то рассказывает, или слыша его быстрое дыхание, она чувствовала себя необычайно счастливой (о чем упомянула в письме своей сестре Хатидже). Порой, когда он вылезал из постели, чтобы налить себе воды из графина, Пакизе-султан, сама тому удивляясь, умилялась его пухлым ногам, удивительно маленьким для мужчины ступням и огромным ягодицам.

Большую часть времени супруги проводили в постели, предаваясь любовным ласкам. Когда же они уставали от любви, им чаще всего было достаточно просто лежать рядышком, ни о чем не разговаривая, во влажной и жаркой каюте, и радоваться, что здесь их не одолевают комары. Когда же они разговаривали, то порой, если им случалось затронуть какой-нибудь острый и кажущийся важным вопрос, оба, опасаясь обидеть друг друга, старались поскорее разрядить возникшую напряженность. Иногда они вставали с кровати, тщательно одевались и продолжали беседовать так, но, если всплывала опасная тема, замолкали.

Опасными темами, разумеется, были ненависть Пакизе-султан к Абдул-Хамиду и годы, проведенные ею в заточении за стенами дворца Чыраган. Доктор Нури понимал, что жене хочется излить ему душу, но не торопил события, опасаясь повредить их счастью, и держал свое любопытство в узде. Кроме того, когда жена принималась говорить о чем-то печальном,

<sup>63</sup> Курбагалыдере – ныне район в азиатской части Стамбула.

ему все казалось, что и он должен поведать ей свои самые горькие воспоминания: рассказать о том, что ему приходилось видеть в Хиджазе, и о мучениях несчастных паломников, но он боялся, что столь жестокая правда жизни потрясет и испугает принцессу. А с другой стороны, доктору Нури хотелось поделиться наболевшим с этой умной, весьма уверенной в себе женщиной, хотелось, чтобы жена знала, что творится в вилайетах, один за другим отпадающих от империи, которой правит ее дядя, и о том, что его подданные мрут как мухи от заразных болезней.

Утром на третий день после прибытия в Александрию дамаат Нури отправился в город. Сразу за площадью Мухаммеда Али-паши, на той улице, где располагался отель «Зизиния» (у дверей стояли дезинфекторы с пульверизаторами), он вошел в часовую лавку, принадлежащую его знакомцу, греку из Стамбула. Часовщик расспросил его о стамбульских новостях, а затем, как всегда, начал рассказывать любопытному врачу о том, как англичане, воспользовавшись антиевропейским и антиосманским восстанием Ораби-паши, несколько часов кряду обстреливали Александрию с военных кораблей, о том, как страшен был грохот пушек, и о том, что вся площадь превратилась в руины (в том числе и дома, принадлежавшие англичанам и французам) и над ней висело облако молочно-белой пыли; потом вспомнил о вооруженных стычках христиан и мусульман на улицах города и сообщил, как страшно было христианам, живущим в кварталах на окраине, – какое-то время они даже шляпы не рисковали носить. Потом, когда пожары и грабежи закончились, часовщик познакомился с Гордоном-пашой. Когда пашу убивали в Хартуме последователи суданского Махди, при нем были те самые часы фирмы «Тета», которые он, часовщик, лично отремонтировал. В который раз поделившись этой историей, часовщик так подвел итог своему рассказу: «По моему мнению, тут не справиться ни французам, ни османам, ни немцам. Нет, Египтом могут управлять одни только англичане!»

Во время прошлых встреч доктор Нури иногда возражал часовщику, если бывал в чем-то с ним не согласен, например говорил: «Нет, османы не уходили из Египта, они им и не управляли. Англичане забрали его под пустым предлогом». Или же с достоинством указывал, что это христиане первыми начали убивать мусульман, а не наоборот. Однако, женившись месяц назад на племяннице несколько раз упомянутого часовщиком Абдул-Хамида, он запретил себе делать подобные ремарки и вообще высказываться на политические темы.

На этот раз беседа с часовщиком не доставила доктору Нури ни малейшего удовольствия, как, впрочем, и прогулка по Александрии, где были приняты карантинные меры. Впереди его ждала новая, другая жизнь, но, какой именно она будет, он еще не мог понять. Вскоре, подгоняемый каким-то странным нетерпением, он вернулся в порт.

Едва доктор Нури поднялся на борт «Азизийе», стюард сообщил, что через агентство Томаса Кука дамату поступили две зашифрованные телеграммы.

Незадолго до отбытия из Стамбула один из чиновников Министерства двора<sup>64</sup> передал дамату Нури от султана ключ к особому шифру. Это был один из тех ключей, которые Абдул-Хамид давал послам, вождям кочевых племен и своим агентам, как внутри империи, так и за ее пределами, если хотел установить с ними доверительную связь поверх механизмов государственной бюрократии.

Обняв Пакизе-султан, доктор Нури рассказал ей о телеграммах, достал со дна своего чемодана ключ и начал, буква за буквой, цифра за цифрой, перелистывая страницы ключа в поисках соответствий, расшифровывать первую из них. Этим делом он прежде не занимался, так что ему пришлось непросто. Он даже попросил помочь расхаживавшую по каюте жену. И

<sup>64</sup> *Министерство двора* – так принято переводить на русский язык название органа, по-турецки именовавшегося «мабейн» (Mabeyn). Изначально оно относилось к помещениям, расположенным между гаремом и третьим двором дворца Топкапы, в которых несли службу люди из ближнего окружения султана. При Абдул-Хамиде II мабейн фактически превратился в параллельный правительству орган государственной власти.

вскоре, запомнив, какие самые употребительные слова соответствуют определенным двузначным числам шифра, они смогли прочесть первую телеграмму.

Эта телеграмма была отправлена напрямую из дворца. В ней сообщалось, что в связи со смертью Бонковского-паши дамату Нури надлежит немедленно отправиться на Мингер и возглавить борьбу с эпидемией чумы на всем острове и в его столице. Русский капитан «Азизийе» получил приказ, не теряя времени, доставить на Мингер дамату Нури, Пакизе-султан и коллагасы Камиля. Во второй телеграмме, также отправленной Министерством двора и содержащей личное распоряжение Абдул-Хамида, говорилось, что Бонковский, возможно, погиб в результате «покушения» и дамат Нури должен помочь губернатору Сами-паше с расследованием «в качестве детектива».

– Я же говорила, что дядя не даст нам доехать до Китая! – воскликнула Пакизе-султан. – Не сомневаюсь, что это он приказал убить беднягу Бонковского!

– Не торопитесь, – предостерег доктор Нури. – Давайте-ка я сначала расскажу вам о том, как устроено международное карантинное дело, и тогда уже выносите суждение.

И вот «Азизийе» покинул александрийскую гавань с тремя пассажирами на борту и всю ночь шел в северном направлении. Когда стемнело и скорость парохода упала из-за крепчающего северо-восточного ветра, доктору Нури захотелось объяснить жене, почему он думает, что несчастный Бонковский погиб не по вине Абдул-Хамида, что погубить его могла, вероятно, другая сила. Поэтому он начал рассказывать Пакизе-султан о международной карантинной политике.

В 1901 году англичане, французы, русские и немцы, которые благодаря военному и политическому господству над миром, а также первенству в медицинской науке могли диктовать всем остальным свою точку зрения, полагали, что чума и холера попадают в Европу и другие части света из Мекки и Медины, а приносят их на Запад (в Западную Азию, Южную Европу и Северную Африку) стекающиеся в Хиджаз мусульманские паломники. Иными словами, хотя чума и холера зарождались в Индии и Китае, центром распространения заразы был Хиджаз, один из вилайетов Османской империи. Турецкие врачи из разных уголков империи – и христиане, и мусульмане, и иудеи – понимали, что с медицинских позиций это мнение, как ни жаль, верно. Однако некоторые из них, особенно молодые врачи-мусульмане, были убеждены, что европейцы, преследуя свои политические интересы, преувеличивают роль хаджа в распространении болезней, а нужно им это для того, чтобы подавлять неевропейские народы и государства – интеллектуально, духовно, а там и военной силой. Власти Османской империи, и в первую очередь султан Абдул-Хамид, отлично понимали, что когда англичане говорят: «Вы не сможете уберечь от заразы индийских паломников, подданных Британской империи, мы лучше знаем, как это сделать!», в этих словах кроется не только презрение к уровню развития османской медицины, но и военная угроза. По этой причине султан («ваш дядя», сказал доктор Нури, глядя в глаза жене) потратил немало денег на организацию в Хиджазе карантинной службы. На острове Камаран, у южного входа в Красное море, были построены новые здания, военные объекты и пристани. Работать на остров отправили самых талантливых врачей.

Карантинная станция на острове Камаран в те годы была самым большим карантинным учреждением в мире как по занимаемой площади, так и по количеству людей, которое она могла принять. Рассказывая, как впервые оказался там семь лет назад, когда в дни хаджа<sup>65</sup> там вспыхнула эпидемия холеры, доктор Нури не мог сдержать волнения. В тот первый раз он порой плакал, видя, в каком бедственном положении находятся паломники, особенно те, что прибывали из Индии и с Явы, по большей части на дряхлых, изношенных, под завязку набитых людьми судах под британским флагом. Впоследствии ему предстояло наблюдать еще более

---

<sup>65</sup> Время проведения хаджа определяется по исламскому календарю, в основе которого лежит лунный год. Каждый год хадж проводится в течение пяти дней, начиная с 8-го и заканчивая 12-м днем месяца Зуль-хиджи.

ужасные условия на всех кораблях, приходящих из индийских портов. Английские транспортные агентства в Карачи, Бомбее и Калькутте требовали от паломников приобретать билеты в обе стороны, однако в те годы каждый пятый индийский мусульманин, отправляющийся в хадж, умирал в пути или не мог вернуться по другим причинам.

Доктор Нури видел пассажирский пароход вместимостью четыреста человек, идущий из Бомбея в Джидду<sup>66</sup>, – на его борту находилось более тысячи паломников, набившихся как сельди в бочку, притом что билеты стоили весьма недешево! Некоторые особенно жадные капитаны распихивали пассажиров по самым непригодным для этого, невероятным местам – вплоть до плоского наверху капитанского мостика; те бедолаги, что ухитрились на него встать, потом уже не могли согнуться и сесть, а те счастливы, которым сразу удалось сесть или даже лечь, после уже не решались встать, чтобы не лишиться своей привилегии. И дамад Нури сел на пол, чтобы показать жене, как сидели паломники.

Всякий раз, когда судно карантинной службы медленно приближалось к очередному такому ветхому, ржавому, раскаленному от солнца кораблю, готовому, казалось, вот-вот пойти ко дну, с палуб, из иллюминаторов, из всех отверстий на доктора Нури смотрели бесчисленные мужские лица, и ему становилось тошнливо и даже жутко. Когда же он в сопровождении военных поднимался на борт, чтобы произвести досмотр, ему сразу же становилось понятно, что все горизонтальные поверхности корабля покрыты сидящими и лежащими людьми, которых на самом деле раза в три больше, чем видно со стороны, и что все плывущие из Индии паломники измождены и разбиты, а многие уже сейчас больны.

Доктор Нури рассказал, что порой продирался сквозь плотную толпу паломников до капитана с помощью вооруженных стражей. В ответ на вопрос жены он уточнил, что многие суда были даже не пассажирскими – грузовые пароходы, где сидячие места не предусмотрены изначально. Спускаясь в трюм, доктор Нури ощущал в бескрайнем зловонном мраке шевеление сотен людей и слышал, как некоторые из них стонут или бормочут молитвы; другие же только молча смотрели на него с любопытством и страхом. В трюмах было так темно, что докторам из карантинной службы запрещалось спускаться туда после захода солнца.

– Дальше рассказывать не буду, не хочу повергнуть вас в уныние.

– Прошу вас, не скрывайте от меня ничего!

Почувствовав, что люди, о которых он рассказывает, кажутся его жене нищими и убогими, доктор Нури не мог не открыть ей глаза на истинное положение дел. Многие из паломников были – по меркам своих стран – довольно богаты. Некоторые из них, чтобы отправиться в хадж, продали свои поля или дома, другие годами копили деньги, третьи, несмотря на тяготы и дороговизну путешествия, сызнова пускались в дорогу. За последние двадцать лет благодаря развитию паромного сообщения и падению цен на билеты количество паломников к святым местам ислама увеличилось в несколько раз и приблизилось к четверти миллиона в год. Впервые в истории такое огромное множество мужчин из всех уголков мусульманского мира, от Явы до Марокко, встречались, знакомились, общались друг с другом. Дамад Нури рассказал, как однажды в праздничный день наблюдал целый город из шатров и солнечных тентов, где собрались паломники, и добавил, что, по его мнению, султану («вашему дяде»), который желает использовать ислам и свой титул халифа как козырь в политической игре, очень приятно было бы увидеть такую захватывающую картину.

– Мне нравится, что вы хотите внушить мне любовь к моему дяде, – проговорила Пакизе-султан. – Вы благодарны ему за то, что именно по его воле мы с вами познакомились, не так ли?

– И по его воле мы отправляемся на Мингер, чтобы расследовать убийство. Вы не правы, обвиняя своего дядю в смерти Бонковского.

---

<sup>66</sup> Джидда – портовый город на территории нынешней Саудовской Аравии.

– Хорошо, тогда я больше не буду так говорить, – согласилась Пакизе-султан. – Но продолжайте же свои рассказы о холере. Вы можете рассказать мне всё, даже самое горькое и страшное.

– Я не решаюсь. Как бы после этого вы не стали бояться меня, как бы не разлюбили!

– Напротив! Больше всего я люблю вас именно за вашу самоотверженность в тяжелейших обстоятельствах. Скорее же расскажите мне самую страшную историю!

Супруги вышли на палубу, и доктор Нури рассказал своей рожденной во дворце жене о самодельных уборных, привязанных к фальшборту. Немногочисленные галюны на пароходах, набитых паломниками, как бочки – сельдью, либо были сломаны изначально, либо ломались в первый же день плавания, поскольку невежественные пассажиры не знали, как ими правильно пользоваться. Тогда изобретательные капитаны-европейцы привязывали канатами с внешней стороны фальшбортов импровизированные подвесные люльки, которые и служили отхожим местом. На любом корабле, идущем из Индии в Хиджаз, у этих уборных постоянно выстраивались длинные очереди, в которых вспыхивали ссоры и драки; некоторые бедолаги, справлявшие нужду ветреными ночами, когда в Аравийском море поднимались волны, не удержавшись, летели вниз, где их поджидали голодные акулы. Иные предусмотрительные и опытные путешественники могли не покидать трюма, поскольку прихватили с собой ночные горшки и ведра, содержимое которых выливали из иллюминаторов в море. Однако в шторм иллюминаторы задраивали, и тогда нечистоты из переполненных горшков и ведер от качки выплескивались на пол. Доктор Нури рассказал о зловонии, в котором запах трупов незаметно скончавшихся от холеры пассажиров смешивался со смрадом нечистот, и надолго замолчал.

– Пожалуйста, продолжайте, – промолвила наконец Пакизе-султан.

Они вернулись в каюту, и доктор Нури затронул тему, которая, как ему казалось, не так сильно огорчит его жену, – стал рассказывать о паломниках из Северной Африки. Эти паломники, которые отправлялись в хадж из Александрии, Триполи и других портов с молитвами и торжественными церемониями и проходили по пути через Суэцкий канал, путешествовали в более спокойных и здоровых условиях. Однако доктору Нури случалось видеть, как и на таких судах из-за самоуправства пассажиров, охочих до угощений и не желающих следовать правилам, вспыхивали болезни. Паломники-арабы и сопровождающие их слуги устраивали трапезы на палубах этих кораблей, идущих с запада и сравнительно более комфортабельных, уписывали оливки, сыр и лепешки с мясом, а некоторые чревоугодники даже умудрялись найти на переполненной палубе уголок, чтобы соорудить мангал и жарить шашлык. Доктор Нури поведал своей жене о случае, который наблюдал своими глазами в Александрии: сотрудник английской карантинной службы, явившись на такой корабль, приказал сопровождавшим его солдатам выбросить мангал и некоторые другие вещи в море, вслед за чем вспыхнула яростная перебранка.

– А теперь скажите, пожалуйста, кто здесь виноват и кто неправильно себя вел?

– Конечно же, на корабле, находящемся в карантине, нельзя без разрешения есть фрукты и овощи! – ответила Пакизе-султан, сразу сообразившая, к чему клонит муж.

– Однако и у англичанина не было права швырять в море чужие вещи! – произнес дамад Нури тоном учителя, растолковывающего урок. – Задача карантинного служащего заключается не только в том, чтобы силой принудить к соблюдению запретов, но и в том, чтобы убедить людей соблюдать их по собственной доброй воле. Хаджи<sup>67</sup>, чей мангал выкинули в море, стал врагом тому грубому и высокомерному англичанину. Он назвал ему не будет соблюдать запреты, и карантин потеряет свою действенность. Именно из-за этих свойственных английским чиновникам грубости и высокомерия вспыхнуло восстание в Бомбее. Кареты, перевозящие больных,

---

<sup>67</sup> Хаджи – мусульманин, совершивший хадж.



забрасывали камнями, англичан убивали на улицах среди бела дня. Теперь вот, чтобы не дать повода к новому восстанию, англичане уже не говорят, что холеру несет река Ганг.

– Раз так, то мы, когда покинем Мингер, не будем останавливаться в Бомбее, а отправимся сразу в Китай, – заключила Пакизе-султан.

## Глава 10

Супруги уснули в обнимку. Утром, когда неумолчный шум корабельной машины слегка стих, они вместе вышли на палубу. В первых лучах солнца, восходящего справа по борту, на лазоревом горизонте возникла черная тень острова Мингер. Дул легкий ветерок, от которого у них обоих слезились глаза. Возвышающийся над морем темный силуэт острова становился все отчетливее.

Теперь поднимающееся выше и выше солнце озаряло розовым светом восточную сторону острова – Белую гору и острые, скалистые вершины начинающегося за ней хребта; западная же сторона выглядела темно-фиолетовой, почти черной. Многие художники, что побывали здесь начиная с 1840-х годов, взволнованные этим пейзажем, спешили запечатлеть его на холсте, а путешественники не жалели поэтических эпитетов, чтобы описать его в своих путевых заметках. Чем ближе к Мингеру подходил «Азизийе», тем волшебнее становилось зрелище, представшее глазам его пассажиров.

Когда Арабский маяк уже различался невооруженным глазом, капитан взял курс прямо на гавань, и пейзаж, который одни называли сказочным, а другие – грандиозным и даже устрашающим, обрастал все новыми подробностями.

Величественная крепость, сложенная из розоватого и белого мингерского камня, башни с навершиями странных очертаний и виднеющиеся за ними дома и мосты из того же камня теперь производили еще более сильное и чарующее впечатление. Доктор Нури и Пакизе-султан смотрели на зелень, кое-где покрывающую скалы, на белые стены и красную черепицу и ощущали, что от города исходит какое-то странное свечение.

Колагасы, которому было поручено охранять племянницу султана, тоже вышел на палубу и любовался пейзажем.

– Не могу сдержать волнения, эфенди! – вдруг сказал он. – Я ведь родился и вырос в Арказе.

– Какое замечательное совпадение! – воскликнул доктор Нури.

– Может быть, это и не совпадение, – проговорил колагасы, стараясь смотреть только на доктора, поскольку опасался, что, обратившись напрямую к Пакизе-султан, вызовет недовольство ее мужа. – Может быть, наш повелитель, его величество султан, знает, что я с Мингера, и именно по этой причине изволил включить меня в делегацию.

– Его величество очень многим интересуется, очень многое знает и ничего не забывает! – подтвердил доктор Нури.

– Что на острове вам больше всего нравится? – поинтересовалась Пакизе-султан.

– Мне нравится здесь всё, эфенди, – дипломатично ответил колагасы, – но самое замечательное на Мингере то, что мне всё здесь знакомо и всё по мне.

«Азизийе» обогнул с юга маленький скалистый клочок суши, известный в народе под названием остров Девичьей башни. Здесь в белом симпатичном сооружении венецианской постройки когда-то селили людей, переживающих карантин. Теперь уже можно было получше разглядеть Арказ, самый большой и известный город острова, его холмы, крыши, розовые стены, даже зеленые мазки пальм и синие пятнышки жалюзи. Постепенно обрисовались и три купола – символы венецианской, греческой и османской эпох в истории Мингера. Купола католической церкви Святого Антония и православного собора Святой Троицы, расположенных в восточной части города, а также купол Новой мечети, построенной на ближайшем к морю более-менее высоком холме западной, сравнительно низкой части, находились на одном уровне. Взоры пассажиров все ближе подходившего к городу корабля были прикованы к силуэтам этих трех полусфер, запечатленным на картинах столь многих западных художников того времени. Однако господствовала над пейзажем (если не брать в расчет Белую гору) огромная

крепость, построенная крестоносцами. Эта светло-розовая цитадель, словно бы преграждающая, подобно великану-разбойнику, путь кораблям, что заплывли в здешнюю область Восточного Средиземноморья, нареченную европейцами Левантом, напоминала всем, кто смотрел на нее, о том, что уже очень давно – не то что в сказочные времена, а и в предшествующие им – на острове жили, трудились, сражались и безжалостно убивали друг друга сыны рода человеческого.

Через некоторое время на общем фоне проступили строения поменьше, отдельные дома и деревья, обозначилось движение жизни на улицах и площадях. Вот резиденция губернатора, украшенная балконом с колоннами, неподалеку – новый почтамт, греческий лицей и строящаяся часовая башня. Капитан приказал застопорить машину, и в наступившей тишине пассажиры «Азизийе» почувствовали, что все здесь особенное, не такое, как везде: солнечный свет, зелень пальм и смоковниц, синева моря. Пакизе-султан вдыхала аромат цветущих апельсиновых деревьев, и ей казалось, будто она и ее спутники приближаются не к городу, стоящему на пороге эпидемии чумы и кровавых политических конфликтов, а к дремлющему под солнцем приморскому поселению, в котором уже сотни лет ничего не происходит.

Особой суеты на городских улицах, освещенных утренним солнцем, не наблюдалось. Окна особняков, выстроившихся на берегу у подножия крутых холмов, зеленых от древесной листвы, были еще закрыты, жалюзи опущены. В гавани стояли только два грузовых корабля, один французский, другой итальянский, да несколько небольших парусных шхун. Доктор Нури отметил, что на кораблях не подняты карантинные флаги, а на берегу не видно ничего, что говорило бы о принятых карантинных мерах. Взглянув же налево по ходу «Азизийе», на западный берег залива, где за кое-как сколоченными, заброшенными причалами громоздились старые и новые таможенные здания, ночлежки для бедняков и убогие, ветхие домишки, доктор сказал себе, что здесь, возможно, вспыхнет один из очагов эпидемии.

Его стоявшая рядом супруга завороченно смотрела вниз, на таящиеся глубоко под бирюзовой водой скалы, на стремительных шипастых рыбок размером с ладонь, на зеленые и темно-синие водоросли, схожие с изящными цветами; она вглядывалась в море так, словно перед взором проходили воспоминания ее собственной жизни. В зеркальной глади воды ярко отражались розовато-белые (в большинстве своем) и желтовато-оранжевые здания, деревья самых разных оттенков зеленого, крепостные башни и свинцово-серые купола церквей и мечетей. До слуха Пакизе-султан и доктора Нури долетал легкий плеск, с которым острый нос «Азизийе» резал море. На какое-то мгновение стало так тихо, что люди на палубе различали даже пение петуха, лай собак и ослиный рев.

Капитан дал два гудка. Каждую неделю на Мингер заходил всего один пароход из Стамбула и по два парохода из Измира, Александрии и Салоник, так что появление не предусмотренного расписанием корабля обратило на себя внимание всего Арказа. Звук гудка, как обычно, отразился эхом от городских холмов. Колагасы почувствовал оживление на знакомых с детства улицах. По набережной, вдоль выстроившихся на берегу гостиниц, транспортных агентств, ресторанов и кофеен ехал экипаж; выше, за деревьями, на проспекте Хамидийе, где находились резиденция губернатора и почтамт, развевался османский флаг. На коротком, уходящем круто вверх по склону Стамбульском проспекте, том, что соединяет набережную и параллельный ей проспект Хамидийе, виднелись редкие прохожие. Колагасы радостно было, пусть издалека, видеть их шляпы и фески. Рекламные плакаты Оттоманского банка и агентства Томаса Кука, которые он видел в прошлый свой приезд на остров, по-прежнему были на месте. Появилось и кое-что новое: на крыше одного из отелей воздвиглись огромные буквы его названия, «Сплendid палас». Родительского дома, где колагасы провел все свое детство, из гавани видно не было, но приземистый минарет маленькой мечети Благодетельного Саима-паши в самом начале спускающейся к рынку улочки уже удалось разглядеть.

Арказский залив – это естественная гавань, береговая линия которого изгибается почти правильным полумесяцем. Величественная крепость, возведенная на юго-восточной оконечности этого серпа, некогда сама заключала в себе целый город с гарнизоном, подобно замку Святого Петра в Галикарнасе, нынешнем Бодруме, или тому, что крестоносцы построили на Мальте. Однако, несмотря на огромные размеры каменной твердыни и естественный характер гавани, соорудить пристань для больших современных судов все никак не получалось. Собранные на скорую руку причалы, с которых тридцать лет назад, в золотые деньки торговли мингерским мрамором, каждый день грузили камень на пароходы, идущие в Измир, Марсель и Гамбург, для современных кораблей не подходили. А после того как семь лет тому назад небольшой русский корабль сел на скалы, пытаясь пришвартоваться к одному из этих причалов, пассажирским пароходам, размеры которых в те годы неуклонно росли, было запрещено заходить в гавань.

Как и все пассажирские суда, прибывающие в Арказ, «Азизийе» с грохотом бросил якорь у входа в залив и стал ждать. В детстве колагасы обожал этот момент. Пароход привозил на остров свежую почту, новых людей, новые истории о том, что происходит в мире, новые товары для лавок и магазинов; вместе с ним в город приходило радостное оживление. Едва корабль бросал якорь, как за дело брались многочисленные лодочники, чьей задачей было доставить на набережную пассажиров, их багаж и прочие грузы. У каждого лодочника в подчинении состояла целая команда гребцов и носильщиков, и эти команды соревновались друг с другом, кому удастся перевезти на берег больше людей и грузов и заработать больше денег.

Заслышав пароходный гудок, Камиль, сын Махмуда, ученик военной средней школы, и его друзья, подобно многим другим детям и взрослым, спешили на набережную посмотреть на тамошнее столпотворение. Зная, что лодочники стремятся обогнать друг друга, ребята спорили меж собой на миндальное курабье из пекарни Зофири или на пропитанный розовым сиропом чурек с грецким орехом, какая лодка первой доберется до корабля. Порой на море поднимались волны и лодки на миг пропадали из виду, отчего у всех душа уходила в пятки, но потом снова показывались, неуклонно продвигаясь вперед. На набережной тем временем толпились встречающие (с чадами и домочадцами), слуги, носильщики и те, кто собрался отбыть с острова. Когда же на берег прибывали пассажиры парохода, их принимались осаждать гостиничные портье, гиды, извозчики и носильщики, норовящие без спроса подхватить их багаж; тут же ошивались всякого рода мошенники, карманные воришки и нищие. Чтобы положить этому конец, губернатор Сами-паша распорядился отправлять для встречи пассажирских пароходов военные патрули. Однако толку от них было немного, и каждый раз на набережной царил все та же сумятица, сопровождающаяся перебранками и потасовками.

Предаваясь воспоминаниям, колагасы одновременно следил за тем, как Пакизе-султан храбро, хоть и цепляясь за руку супруга, спускается по трапу в лодку, и размышлял о том, что толпа, пыль и шум на набережной могут обеспокоить ее высочество. В прежние годы, бывало, некоторые нахальные мальчишки, завидев на берегу европейского путешественника или богатого араба, принимались паясничать перед ними в надежде выклянчить денег. Они тоже могли доставить принцессе неудобство. Однако, когда лодка приблизилась к причалу, колагасы заметил, что на набережной наведен небывалый порядок, и понял, что власти вилайета, проявив особое уважение к родственнице султана, подготовили для нее торжественную встречу.

Губернатор Сами-паша уже три года как не покидал Мингер, однако благодаря газетам и время от времени заглядывающим на остров удачливым друзьям был в курсе стамбульских слухов и сплетен и всегда узнавал, пусть и с запозданием, какой паша из-за той или иной оплошки попал в опалу; какому министру и как удалось завоевать расположение Абдул-Хамида; за чьего сына его величество собирается выдать очередную свою дочь, которой пришло время выходить замуж; какие страхи и подозрения одолевают султана в последнее время и кого в какую страну назначили послом. Вот и о том, что месяц назад Абдул-Хамид выдал трех дочерей своего стар-

шего брата – «лишившегося рассудка» и отрешенного от власти султана Мурада V – за людей, не занимающих никаких важных постов, Сами-паша тоже слышал и читал опубликованные в газетах официальные сообщения на сей счет. Дошло до его сведения и то, что супруг младшей из сестер – талантливый врач-эпидемиолог.

Дабы устроить первой в истории дочери султана (пусть и бывшего), которая выехала за пределы Стамбула, достойную ее титула торжественную встречу, Сами-паша велел начальнику гарнизона отправить на набережную военный оркестр. Офицеры на острове были по большей части людьми необразованными, а то и неграмотными, выслужившимися из рядовых. После на шумевшего Восстания на паломничьей барже, которое вспыхнуло в результате неудачной попытки введения карантинных мер, Абдул-Хамид приказал перебросить на Мингер из Дамаска две роты сирийских солдат, не знающих турецкого. Два года тому назад один молодой капитан, сосланный на остров за дисциплинарный проступок, от скуки решил организовать военный оркестр – как в Стамбуле, только куда скромнее. А когда капитана помиловали и вернули в столицу, Сами-паша, готовившийся в прошлом году отпраздновать двадцать пятую годовщину вступления Абдул-Хамида на престол, велел оркестру продолжать репетиции, прибегнув к помощи преподавателя музыки из греческого лицея по имени Андреас.

Вот потому-то Пакизе-султан и ее супруга при вступлении на землю острова Мингер встретили звуки марша «Меджидийе», сочиненного в честь отца правящего султана. Затем оркестр сыграл марш «Хамидийе», прославляющий самого Абдул-Хамида. От бодрой музыки у всех, кого томил страх перед надвигающейся эпидемией, стало легче на душе. Носильщики, зеваки, привлеченные в гавань пароходным гудком бездельники, наблюдающие церемонию издали извозчики, лавочники, торговцы, работники почтамта, жители окрестных домов, выглядывающие из окон и с балконов, – все на миг ощутили радость и веселье. Постояльцы гостиниц на набережной и Стамбульском проспекте, европейцы и путешественники, пьющие утренний чай на свежем воздухе, а также некоторые местные богачи в своих особняках, встав с кресел, пытались сообразить, что означает это внезапное выступление военного оркестра. Тем временем зазвучал третий мотив – веселый военно-морской марш «Бахрийе», сочиненный еще в детском возрасте гениальным музыкантом, шехзаде Бурхане-дином-эфенди, которого Абдул-Хамид любил больше других своих сыновей (всего их было восемь) и никогда не отпускал далеко от себя.

После долгих лет тишины и мира в Арказе и на всем острове вот уже два года было беспокойно, и люди устали от постоянных стычек, убийств и дурных предзнаменований – а тут еще и слухи о чуме. Когда заиграла музыка, угрюмые лица христиан и мусульман смягчились, и обнадеженный губернатор Сами-паша истолковал это так, что мингерцы, уstraшенные опасным развитием событий, которое, как на других средиземноморских островах Османской империи, грозит перерасти в открытое противостояние между крестом и полумесяцем, отнюдь этого не желают и ждут от властей – и в первую очередь от него, губернатора, – решительных мер, способных восстановить недавние мир и спокойствие.

Сами-паша приветствовал сошедшего на набережную дамату Нури и представился. Губернатор так и не смог определиться, как вести себя с Пакизе-султан, чтобы не возбудить подозрений у Абдул-Хамида. По здравом размышлении он решил сообразовываться с тем, как поведет себя ее муж.

Женившись на представительнице Османской династии, дамат Нури быстро научился принимать как должное помпезные церемонии и нескончаемый поток похвал и лести. Его не слишком удивил военный марш, грянувший на набережной, едва они с женой выбрались из раскачиваемой волнами лодки, хотя протоколом это и не было предусмотрено. Он также пропустил мимо ушей долгие поздравления губернатора с женитьбой. В скором времени вновь прибывших окружила толпа людей, наперебой говорящих по-гречески, по-французски, по-турецки, по-арабски и на мингерском языке. Сами-паша приготовил для своих гостей то самое

бронированное ландо, в котором разъезжали Бонковский-паша с помощником, и приставил к ним целую армию опытных охранников – других, не тех, что упустили Бонковского. Эти уса-тые стражи, с виду настоящие громилы, не могли не привлекать внимания, так что, пока ландо, свернув с набережной, катило вверх по склону, прохожие в шляпах и фесках замедляли шаг и с любопытством глядели на его пассажиров. В любом, даже самом развитом провинциальном городе Османской империи (за исключением Измира, Салоник и Бейрута) человек в шляпе и галстуке непременно оказывался христианином. Доктор Нури знал об этом по опыту, а его жене это сразу же подсказала интуиция. И оба они поняли, что мусульмане в Арказе живут не здесь, не на главных проспектах рядом с роскошными отелями, а где-то в других местах, на окраинах. Теперь доктор Нури смотрел на Арказ как на город, который скоро будет охвачен мором и станет свидетелем страшных событий; но он ни с кем не мог поделиться этой тайной.

Проезжая по Стамбульскому проспекту, супруги с интересом разглядывали из окошка бронированного ландо европейского вида здания на Стамбульском проспекте: отели, рестораны, конторы транспортных агентств и сосредоточенные на восточной стороне большие магазины, в которых торговали одеждой, галантерейными товарами, обувью, привезенными из Измира и Салоник тканями, посудой и мебелью, а также книгами. (В единственном на острове книжном магазине «Медит» можно было приобрести издания на греческом, французском и турецком языке.) Торговцы уже растянули над витринами уберегающие от солнца разноцветные полосатые тенты. Супруги дивились роскошной зелени тенистых садов и разнообразию их растительности, которое отнюдь не исчерпывалось пальмами, соснами, липами и лимонными деревьями. Кружил голову аромат синих, фиолетовых и розовых роз. Манили, чаровали узенькие, извилистые улочки-лестницы, пробиравшиеся между скалами наверх или же спускавшиеся вниз, в укромные уголки города у самого берега речки. Маленькие церковки, мечети с одним минаретом, увитые плющом домики с деревянными эркерами, венецианские особняки с готическими окнами, византийский акведук из красного кирпича... У дверей и окон посиживали, наблюдая за прохожими, сонные старики и ленивые кошки; глядя на эту картину, Пакизе-султан и ее муж чувствовали, что этот мир им куда лучше знаком и близок, чем Китай, нарисованный их воображением. Из-за пустынности улиц и того, что все вокруг выглядело таким скромным и маленьким, а еще из-за страха перед чумой им казалось, будто они попали в таинственную сказку.

Сами-паша успел подготовить для новобрачных покои в собственной резиденции, однако сообщил, что, если там им покажется недостаточно удобно, позже можно будет перебраться в другое место, где по его распоряжению тоже все приготовили для приема высоких гостей. Доктор Нури и Пакизе-султан решили, что здесь, так близко к центру власти, будут чувствовать себя в безопасности.

Резиденция губернатора Мингера была построена на средства, выделенные специальным распоряжением Абдул-Хамида в 1894 году, в те дни, когда он топил в крови армянские восстания<sup>68</sup>. Это было внушительное двухэтажное здание в стиле неоклассицизма, с колоннами, арками, эркерами и балконом, производившее должное впечатление и на богатых господ в шляпах, явившихся в центр города за покупками и по-гречески беседующих с продавцами, и на бедняков, лишившихся работы после закрытия мраморных каменоломен и без дела шатающихся по набережной и проспекту Хамидийе, и на крестьян, приехавших в Арказ по делам. Люди, взиравшие на богато украшенный, изящный фасад, на большой балкон, с которого столь удобно было обращаться к народу, и на главный вход с белыми колоннами и широкой лестницей, вполне могли счесть, что распадающаяся Османская империя еще сильна и искренне прилагает усилия к тому, чтобы выглядеть сразу и верной исламу, и современной. Губернатору

<sup>68</sup> Имеются в виду массовые убийства армян в 1894–1896 годах, по разным оценкам унесшие жизни от 50 до 300 тысяч человек.

Сами-паше было приятно, что племянница султана и ее супруг поселятся в том же доме, где жил и работал он сам.

Едва войдя в выделенные им покои, состоящие из двух комнат, Пакизе-султан сразу почувствовала, как приятно там пахнет розовым мылом и деревом. У окна, из которого открывался замечательный вид на крепость, гавань и город с его чудесными садами, стоял столик. Взглянув на него, Пакизе-султан вспомнила, что в последние свои дни в Стамбуле, после счастливых событий, враз изменивших ее жизнь, она получила в подарок от сестры Хатидже стопку конвертов, две пачки роскошной писчей бумаги и изящный письменный прибор из серебра. «Милая моя Пакизе, – сказала Хатидже-султан любимой младшей сестренке при расставании, – ты едешь в Китай, в далекую сказочную страну, кто знает, что тебе там предстоит испытать и увидеть! Пообещай писать мне обо всем, что будет с тобой происходить. Смотри, сколько я даю тебе бумаги, – так пиши же побольше, и каждый день!» И Пакизе-султан пообещала любимой сестре сообщать ей обо всем, что увидит, услышит и переживет. Потом они обнялись и немного поплакали.

## Глава 11

Тело Бонковского-паши между тем лежало двумя этажами ниже той комнаты, где, сидя за столиком у окна, писала письмо Пакизе-султан, – в кладовой, обложенное льдом, который принесли с кухни. Сначала останки главного санитарного инспектора доставили в больницу Теодоропулоса, но она была переполнена больными чумой, так что губернатор приказал перенести тело в свою резиденцию. Сами-паша намеревался устроить торжественные похороны при большом стечении народа, чтобы, с одной стороны, успокоить местную оппозицию, а равно и Абдул-Хамида и стамбульских чиновников, а с другой – устроить убийц.

Получив известие о происшедшем, губернатор немедленно отправился на площадь Хрисополитиссы, осмотрел окровавленный, изуродованный труп Бонковского с обезображенным до неузнаваемости лицом, после чего, потрясенный увиденным, вернулся в свою резиденцию и сразу же распорядился начать аресты. За два дня, прошедших между убийством и приездом на остров доктора Нури, под стражу было взято около двадцати человек, принадлежащих к трем разным общественным группам.

В соответствии с приказом из Стамбула, прежде чем созвать заседание Карантинного комитета, губернатор пригласил в свой кабинет дамату Нури и начальника Надзорного управления Мазхара-эфенди и обсудил с ними положение дел.

– По моему убеждению, это убийство – результат заговора, – начал Сами-паша. – Пока мы не прольем свет на случившееся, пока не отыщем убийц, остановить эпидемию будет невозможно. Того же мнения придерживается его величество, оттого он и поручил вам оба эти задания. Если вы не будете постоянно держать в уме политическую сторону дела, здешние консулы обведут вас вокруг пальца, как малых детей.

– Моя работа в карантинной службе Хиджаза была по большей части политической, – сказал доктор Нури.

– Благодарю за понимание. За любым делом, которое на первый взгляд не имеет ни малейшего касательства к политике, могут стоять злые намерения и интересы заговорщиков. С вашего позволения, я расскажу вам об одной большой проблеме, с которой столкнулся пять лет назад, когда только-только прибыл на остров и сел в это кресло. В те годы все команды лодочников и грузчиков, встречавшие пароходы, были связаны с той или иной иностранной пароходной компанией. Например, «Ллойд» работал только с Усачом Алеко и его гребцами и грузчиками, а «Пантелеймон» желал иметь дело исключительно с лодочником Козмой-эфенди и его людьми. Представители крупнейшего агентства Томаса Кука, Теодоропулосы, из весьма уважаемой греческой семьи, нанимали исключительно ватагу Истепана-эфенди.

Все эти богатые греки, представители пароходных компаний, были в то же время консулами великих держав. Андон Хампури, из киприотов, представитель «Мессажери мари-тим», по совместительству являлся французским консулом, да и сейчас им остается. Агент «Ллойда», грек с Крита месье Франгули – консул Австро-Венгрии и Германии; агент компании «Фрассине» месье Такела – итальянский вице-консул. Все они требуют, чтобы их величали консулами. И все они не желали и слышать о Сейите, под чьим началом работают лодочники-мусульмане: он, мол, грубиян и невежда. Каких только предлогов не выдумывали, чтобы не давать работу ему и его людям. Но по справедливости, право на разгрузку любого корабля, под османским флагом он пришел или под каким другим, имеют все лодочники и носильщики. А между тем лодочникам-мусульманам доставалось так мало работы, что им не на что было жить, и они продавали свои лодки. Как только я встал на защиту мусульман, в Стамбул полетели доносы на меня. В газетах принялись писать, что, если власти будут сеять религиозную рознь, поддерживать одну нацию в ущерб другой, империя распадется. Согласны ли вы с этим утверждением?



– Отчасти согласен, паша... Важно во всем соблюдать меру.

– Но ведь они-то намеренно поддерживают христиан. Его величество оставил доносы без внимания. И это что-то же значит, если его величеству угодно держать меня здесь, в то время как губернаторы других вилайетов постоянно меняются местами? Его величество счел мою непреклонность в отношении консулов правильной и уместной. Убийство Бонковского-паши – ответ на это и на злосчастное происшествие с паломничьей баржей.

По моему мнению, за убийством стоят сводный брат шейха Хамдуллаха Рамиз и его подручный, албанец Мемо, грабящий греческие деревни. Они готовы на все, чтобы представить врачей-христиан врагами и стравить христиан с мусульманами. А то, что их стараниями дело может обернуться отнюдь не в пользу мусульман, им и в голову не приходит. Скоро мы выясним, кто замыслил убийство, кто его исполнил и о чем эти безмозглые негодяи думали. Мазхар-эфенди со всеми поговорит в тюрьме, и, не сомневаюсь, кто-нибудь да сознается.

– Но ведь вы, паша, уже сейчас назначили виновных.

– Его величество не потерпит промедления. Он полагает, что если мы как можно скорее не найдем и не накажем тех, кто замыслил и совершил это гнусное преступление, то тем самым обнаружим бессилие государства и не сумеем обеспечить строгое соблюдение карантинных мер.

– Необходимо, чтобы осуждены были те, кто без всякого сомнения причастен к убийству.

– Логика подсказывает мне, что греческие националисты тут ни при чем. Им же не хочется, чтобы греки на острове гибли от чумы? Стало быть, в Бонковском-паше они видели союзника, и им даже в голову не пришло бы его убить. Вы прекрасный врач, заслуживший доверие его величества. Буду с вами откровенен, ибо этого требуют интересы Османской империи. Его величество султан сначала прислал на остров врача-христианина. Врача убили. Это тяжкий груз на моей душе. Теперь его величество прислал мусульманина. Вас я буду охранять с особым старанием, приму все необходимые меры. Но вы должны прислушаться к моим словам.

– Я весь внимание, паша!

– Не только консулов вы должны остерегаться! Если к вам под каким-нибудь предлогом проберутся журналисты, хоть греки, хоть мусульмане, например завтра на похоронах, ни за что не говорите с ними. Все без исключения газеты, выходящие на греческом, едят с руки у греческого консула. Конечная цель Греции – в случае беспорядков с помощью иностранной поддержки прибрать Мингер к рукам или, по меньшей мере, отторгнуть наш остров от Османской империи, как это случилось с Критом. Им ничего не стоит и всякие выдумки опубликовать. Если же я призову их к ответу за распространение ложных сведений, консулы бросятся отправлять послам в Стамбул телеграммы, а послы начнут донимать жалобами правительство и Министерство двора. Там им немного поморочат голову, а потом пришлют мне зашифрованную телеграмму с приказом освободить греческих журналистов. А я через некоторое время буду делать вид, будто не замечаю, что закрытая было газета снова издается теми же людьми, печатается в той же типографии, только под другим названием.

У нас тут все не так строго, как в Салониках, Измире или Стамбуле. При встрече с этими газетчиками – а город у нас маленький, где-нибудь да и встретишься – я обмениваюсь с ними шутками, справляюсь о здоровье, обхожусь по-дружески. Собственно, во всех газетах, в том числе и тех, что печатаются на турецком, есть наши агенты-осведомители. Однако, если при вас кто-нибудь из консулов заговорит о том, что православных здесь большинство, возражайте! Соотношение христиан и мусульман у нас на острове примерно один к одному. Кстати, именно по этой причине дед вашей супруги, покойный султан Абдул-Меджид, через некоторое время после издания Хатт-и Шерифа<sup>69</sup> выделил Мингер в отдельный вилайет – прежде это был

---

<sup>69</sup> *Хатт-и Шериф* – опубликованный в 1839 году «священный указ» султана Абдул-Меджида, давший начало реформам Танзимата.

всего лишь скромный санджак Джезаир-и Бахр-и Сефида<sup>70</sup>. На всех других островах мусульман насчитывалось в десять раз меньше, чем греков, а здесь примерно столько же. Произошло это потому, что наши предки ссылали сюда кочевников из некоторых склонных к восстаниям племен и твердолобых фанатиков, последователей отдельных тарикатов: загоняли их на корабли и высаживали на северном побережье, предоставляя искать убежища в горных долинах. Это насильственное переселение, продолжавшееся более двух столетий, наложило свой отпечаток на наш остров. Затем англичане и французы потребовали, чтобы власти Османской империи отказались от такой политики. Тогда-то, в тысяча восемьсот пятьдесят втором году, султан Абдул-Меджид и сбил их с толку, неожиданно изменив статус острова. Разумеется, жители Мингера довольны тем, что их маленький остров стал отдельным вилайетом. Православных здесь чуть-чуть больше, чем мусульман, но это не важно, потому что и православные, и католики в первую очередь мингерцы по происхождению и предки их, до того как остров захватила Византия, говорили по-мингерски. Большинство до сих пор у себя дома объясняются на этом языке. Собственно, счастье нашего острова в том и состоит, что большинство его жителей у себя дома, да и на рынке говорят по-мингерски, – иными словами, в том, что они являются потомками народа, тысячи лет назад обитавшего очень далеко отсюда, к северу от Аральского моря, а потом пришедшего сюда. Об этом нам рассказал археолог Селим Сахирбей, приезжавший доставать статую из пещеры. Не думаю, что православным, которые у себя дома говорят не по-гречески, так уж сильно хочется броситься в объятия Греции. Опасения у меня вызывают семьи, которые еще с византийских времен считают себя в первую очередь греками и дома говорят по-гречески, а также те, что перебрались сюда из самой Греции, из Афин, – новое, современное поколение. Они теперь заодно. И еще есть вооруженные банды греков, прибывших с Крита и из Греции. После недавнего успеха на Крите они особенно осмелели. Эти негодяи проникли в греческие деревни на севере острова и требуют, чтобы крестьяне платили налоги им, а не чиновникам его величества, устраивают беспорядки. Завтра на похоронах я вам всех покажу.

– Скажите, паша, зачем нужно было сажать в тюрьму доктора Илиаса, специалиста не менее уважаемого, чем сам покойный Бонковский?

– Да, мы арестовали и доктора Илиаса, и аптекаря Никифороса, – ответил губернатор. – Я, впрочем, полностью уверен в их невиновности. Но аптекарь накануне убийства встречался с Бонковским-пашой и долго с ним разговаривал. Это уже достаточное основание для ареста.

– Если вы обидите греков, будет непросто даже объявить карантин, паша.

– Что же до доктора Илиаса, то после внезапного исчезновения Бонковского-паши он остался в здании почтамта, это подтверждают свидетели. Стало быть, преступление он совершить не мог. Однако доктор был так напуган, что, оставь я его на свободе, тотчас сбежал бы в Стамбул. А ведь он свидетель номер один. К тому же его, как свидетеля, тоже могли убить. Ему уже начали угрожать, требуя помалкивать.

– Кто?

Сами-паша обменялся многозначительным взглядом с начальником Надзорного управления и, помолчав, сообщил доктору Нури, что консулы тянут время, так что Карантинный комитет получится собрать только завтра.

– Подданные Османской империи не могут быть консулами других держав, поэтому на самом деле они все вице-консулы, но злятся, когда я их так называю. Эта кучка возмнивших о себе невежественных торговцев, всюду сующих свой нос, раздувала слухи о чуме, чтобы доставить мне неприятности.

Губернатор уже успел приказать, чтобы открыли больницу «Хамидийе», которую надеялись достроить еще в прошлом году, к двадцатипятилетней годовщине правления Абдул-

<sup>70</sup> *Джезаир-и Бахр-и Сефид* – вилайет Османской империи, в который входили острова Эгейского и Средиземного морей.

Хамида, но до сих пор не достроили и не успели толком оборудовать. Прощаясь с даматом Нури, он обмолвился, как о чем-то совершенно не важном, что завтра выпустит из тюрьмы аптекаря Никифороса и доктора Илиаса, в сопровождении которого дамат Нури сможет посетить больницу.

## Глава 12

Одним из первых людей на острове, взглянувших правде в глаза и согласившихся с тем, что выходить на улицу опасно, была Пакизе-султан. Поскольку сама она никуда не отлучалась, то попросила колагасы, отвечавшего за безопасность принцессы, все время сопровождать ее мужа. В своем рассказе о «появлении на исторической сцене» колагасы Камиля мы будем отчасти повторять то, что написано в мингерских учебниках истории, порой исправляя неточности.

Колагасы родился в 1870 году и чин имел для своих лет, увы, невысокий. Он окончил военную среднюю школу, чью крышу, покрытую розоватой черепицей, было видно из гавани. И поскольку из пятидесяти четырех выпускников оказался третьим по успеваемости, его затем отправили в Измирское военное училище. Однажды, приехав летом домой, он узнал, что отец его умер. (Прибыв теперь на остров, он в первый же день, как было у него заведено, посетил могилу родителя.) Еще через два года, в новый свой визит, он узнал, что его мать вышла замуж. Ее новый муж, толстый недалекий Хазым-бей, ему не понравился, и следующие два лета колагасы провел в Стамбуле. Потом Хазым-бей умер, и, когда Камиль снова добрался до дома, мать заставила его поклясться, что отныне он будет навещать ее каждое лето. Четыре года назад, во время войны с Грецией, колагасы получил медаль, до тех же пор никаких особых военных заслуг за ним не числилось. В тот год мать, поджидавшая сына в начале лета, сперва испугалась, когда он, пройдя через задний двор, вдруг открыл кухонную дверь, а потом, увидев медаль, расплакалась.

Большую часть того времени, когда ему не нужно было находиться в резиденции губернатора или сопровождать доктора Нури, колагасы проводил, прогуливаясь по улицам своего детства, и дома, с матерью. Та в первый же день пересказала ему все местные сплетни за последний год, поведала, кто кого взял в жены и почему. А между делом выпрашивала сына, не решил ли он еще жениться.

– Решил! – сказал в конце концов колагасы. – А есть ли у тебя на примете подходящая девушка?

– Есть! – обрадовалась мать. – Но конечно, нужно, чтобы она тебя увидела и чтобы ты ей понравился.

– Разумеется. Кто она?

– Как же тебе одиноко, сынок! – вздохнула Сатийе-ханым, услышав в вопросе сына жадное нетерпение, присела рядом и поцеловала его в щеку.

Десять лет назад колагасы совершенно искренне воспротивился бы поиску невесты с помощью свахи. При выпуске из военного училища он, как очень многие его сверстники-офицеры, был идеалистом и полагал неправильным, что женщин заставляют закрывать свои лица и волосы, как это принято у арабов. Деревенские богатеи, имеющие четырех жен, и состоятельные старики, женящиеся на молоденьких девушках, вызывали у него отвращение. Подобно многим молодым офицерам, он считал дурные, косные традиции причиной того, что Османская империя после столетий побед так стремительно ослабела по сравнению с Западом. Такой, можно сказать, европейский образ мыслей объяснялся отчасти тем, что колагасы Камиль вырос на Средиземном море, на Мингере, бок о бок с православными. Читал он и манифесты революционно настроенных курсантов училища, направленные против султана. Как-то раз он за одну ночь проглотил жизнеописание Наполеона, которое передавали из рук в руки, понял, чего хотели герои Великой французской революции, провозгласившие лозунг «Свобода, равенство, братство!», и время от времени начинал искренне верить, что они были правы.

Однако в провинциальных городках, где проходила его служба, долгими ночами наедине с бутылкой и в дни, когда вдруг накатывало отчаяние, порой так нестерпимо хотелось ему женской ласки, что некоторые из своих высоких принципов колагасы начал забывать. По при-

меру многих других офицеров он, когда ему не было еще и двадцати пяти лет, начал прислушиваться к тем, кто говорил: «Знаю я одну вдову, будет тебе хорошая пара. Очень опрятная».

Последовав очередному такому совету, он даже, будучи двадцати трех лет, женился в Мосуле<sup>71</sup> на едва понимающей по-турецки арабке, вдове, старше его на двенадцать лет. Матери он об этом не рассказал. Это был тот род брака, к которому прибегали офицеры и чиновники, чтобы потом, когда настанет время перевода в другой город, сказать жене: «Ты свободна», развестись и навсегда забыть про нее. Женщина, многое повидавшая в жизни, тоже это знала. Так что, когда колагасы перевели в Стамбул, он без особых угрызений совести развелся с арабской красоткой, однако впоследствии сильно скучал по огромным глазам Айше, по ее ласковому, пытливому взгляду и сильному, красивому телу.

В те годы холостые и одинокие чиновники и военные, попадая в очередной провинциальный город или гарнизон, первым делом выясняли, где тут можно найти доступных женщин, и заводили дружбу с врачами, не забывая беречься от сифилиса и гонореи. Эти люди, отправленные служить в провинцию и мечтающие только об одном: как бы поскорее вернуться в Стамбул, быстро находили друг друга. Османское чиновничество представляло собой отдельную касту, обреченную скитаться из города в город, и женитьба служила им одним из способов как-то расцветить эту одинокую жизнь. Колагасы Камиль ощущал свое глубокое одиночество не только когда разговор заходил о браке, но и всякий раз, когда сталкивался на бескрайних просторах Османской империи с какими-нибудь неустройствами, злоупотреблениями, несправедливостью (а такое бывало часто). Такие, как он, должны были управлять кораблем государства, но корабль тонул, и поделаться с этим хоть что-нибудь почти не представлялось возможным. И когда он наконец потонет, самая тяжкая участь будет ждать этих рабов государства. Поэтому многие из них не могли заставить себя смотреть на большую карту Османской империи и не способны были думать о том, каким будет конец этой державы.

Разумеется, можно было создать себе собственное, личное счастье, но колагасы Камиль, сколько ни бросала его служба с континента на континент, с востока на запад, с одной войны на другую, видел очень мало офицеров, которые бы сумели обрести счастье в браке. И все же он часто мечтал о подруге жизни – пусть они и не будут счастливы вместе, – с которой он сможет разделить постель и провести всю свою жизнь; и когда-нибудь, как это было у родителей, они будут вести уютные беседы, не стесняясь никаких предметов.

Мать и сын долго сидели рядом на диване в полном молчании. На деревьях во дворе каркали вороны – точно так же, как в бытность Камиля маленьким мальчиком. Потом, когда он еще раз повторил, что всерьез надумал жениться, мать сказала ему, что «подходящую девушку», про которую говорила, зовут Зейнеп и она – дочь тюремщика из крепости, умершего пять дней назад.

Сатийе-ханым всех девушек считала «очень красивыми», поэтому сначала колагасы не принял всерьез ее долгие восторженные похвалы Зейнеп. Однако, выслушивая от матери все новые и новые истории всякий раз, как он заглядывал домой, в конце концов преисполнился любопытства.

Сначала он давал выговориться матери, а затем брал в руки книгу, которую читал каждое лето, в каждый свой приезд на остров, – отпечатанную в Женеве на турецком языке и тайно переправленную в Стамбул старую книгу Мизанджи Мурата<sup>72</sup> о Великой французской революции и Свободе – и предавался мечтам. Случись кому-нибудь обнаружить у него крамольное сочинение, это могло бы омрачить всю его последующую жизнь, так что, уезжая с Мингера,

<sup>71</sup> Мосул – город на территории современного Ирака.

<sup>72</sup> Мизанджи Мурат (1854–1917) – выдающийся османский государственный деятель, журналист, переводчик, историк и писатель. Находясь в оппозиции к режиму Абдул-Хамида II, провел в эмиграции два года (1895–1897), однако затем вернулся в Стамбул.

колагасы никогда не брал книгу с собой и ни с кем не делился идеями, о которых в ней было написано.

## Глава 13

Пока бронированное ландо губернатора везло доктора Нури в карантинную службу Мингера, его на время покинуло ощущение, что в Арказе вот-вот разразится эпидемия чумы. Был самый обычный день в провинциальном городе. Доктор слушал птичий щебет, долетавший из-за низких садовых изгородей, что тянулись вдоль ведущей к морю улицы, вдыхал аромат лавра и аниса и дивился густой тени деревьев – таких великанов он не видел еще ни в одном городе империи.

Доктор Нури уже более десяти лет состоял в османской карантинной службе; много раз случалось ему срочно отправляться на борьбу с заразой в вилайеты и города, разделенные неделями пути. Собственно говоря, выявлять эпидемии и первыми сообщать о них в Стамбул обязаны были местные отделения карантинной службы. Однако в большинстве случаев эту срочную и чрезвычайно важную работу брали на себя не карантинные чиновники, а врачи греческого происхождения, ведущие частную практику или принимающие пациентов в местных маленьких больницах, клиниках и аптеках. Дело в том, что сотрудники карантинной службы, будучи чиновниками, не спешили отправлять в столицу сведения, которые могли бы там не понравиться, поскольку знали, что за это им придется отвечать.

Однако глава мингерской карантинной службы доктор Никос, находившийся в подчинении у губернатора и у своего стамбульского начальства, действовал быстро и проявил настойчивость. Именно он первым сообщил об эпидемии. Вопреки желанию губернатора, который слышать о чуме не хотел, доктор отослал в столицу несколько телеграмм, которые в итоге и привели на Мингер Бонковского-пашу. Узнав о телеграммах, губернатор заподозрил в главе карантинной службы (и без того лице для него сомнительном, ибо доктор Никос был греком с Крита) греческого националиста, который злонамеренно раздувает масштабы распространения обычного «летнего поноса», чтобы показать беспомощность османских властей.

Едва завидев доктора Никоса, вышедшего встретить его на улицу, дама Нури сразу вспомнил этого пожилого сутулого человека с козлиной бородкой.

– Мы с вами познакомились девять лет назад в Синопе<sup>73</sup>, когда там завихривел весь гарнизон, – сказал он, улыбаясь. – А семь лет назад мы вместе работали в Ускюдаре<sup>74</sup>, во время эпидемии холеры.

Глава карантинной службы с преувеличенной учтивостью поприветствовал дамату Нури. Затем они прошли в зал с белыми стенами и сводчатым потолком.

– Ваш покорный слуга, – начал доктор Никос, – руководил карантинной службой и практиковал в Салониках, потом на Крите и вот теперь перебрался сюда. Родом я не с Мингера, мингерского языка не знаю, не получилось выучить, но остров этот мне очень нравится.

Мингерский Департамент здравоохранения занимал небольшое каменное здание в готическом стиле, построенное венецианцами четыреста с лишним лет назад как часть дворца дожа. В XVII–XVIII веках, уже при османах, здесь располагался примитивный военный госпиталь.

– Так вы начали учить мингерский, но из этого ничего не получилось?

– В том-то и дело, что даже не начал... Не смог найти учителя. Тех, кто проявляет интерес к этому языку, господин начальник Надзорного управления заносит в свою картотеку как националистов... Мингерский – сложный язык, древний, но застывший на примитивной стадии.

Наступила тишина. Дамат Нури обводил взглядом шкафы с документами.

---

<sup>73</sup> Синоп – портовый город на Черноморском побережье Турции.

<sup>74</sup> Ускюдар – район в азиатской части Стамбула.

– Такой чистоты и порядка, – проговорил он, – я не видел ни в одной другой карантинной службе.

В ответ доктор Никос показал гостю небольшой ботанический садик, который от нечего делать устроил на заднем дворе исторического здания его предшественник (тот тоже был не местный, из Эдирне), и, улыбаясь, рассказал, как в те счастливые дни, когда не случалось ни эпидемий, ни других напастей, вместе с санитарями поливал из ведерка с носиком хамеропсы<sup>75</sup> в горшочках, хурму, тамаринды<sup>76</sup>, гиацинты, мимозы и лилии. Потом вытащил несколько картонных папок с документами, также пребывавшими в идеальном порядке. Поскольку в последние два года работы ему выпало не так уж много, доктор Никос с тщательностью истинного османского чиновника разложил по темам старые письма и телеграммы, отправленные в свое время в Стамбул. Дамат Нури, которому случалось видеть бедность и запустение в карантинных службах многих вилайетов, не мог не оценить того, сколько труда и тщательности было вложено в эту работу, и некоторое время, словно вырванные из длинной поэмы четверостишия, читал письма, извещавшие по-французски об имевших место за последние тридцать лет подозрительных случаях смерти, причины коих так и не удалось в точности установить, о болезнях скота и об эпидемиях.

Впервые в Османской империи карантинные меры стали применять семьдесят лет назад, во время первой в Стамбуле крупной эпидемии холеры 1831 года. Меры эти, в особенности врачебные осмотры женщин и погребение умерших в хлорной извести, вызывали протест у мусульманского населения, что породило множество беспочвенных слухов, споров и беспорядков. В 1838 году султан Махмуд II<sup>77</sup>, проводивший политику европеизации, вынудил шейх-уль-ислама дать фетву<sup>78</sup> о том, что карантин не противоречит мусульманской религии, велел опубликовать ее в официальной газете «Таквим-и Вакайи», сопроводив статьей о пользе мер, препятствующих распространению заразных болезней, и пригласил в империю европейских врачей. Кроме того, султан создал в Стамбуле особый комитет, состоявший по большей части из чиновников и врачей-христиан, в который повелел включить также и европейских послов, чтобы те могли давать советы относительно проводимых реформ. Это был первый в Османской империи Карантинный комитет – и прообраз Министерства здравоохранения. Под присмотром комитета во всех вилайетах империи, в особенности в портовых городах, были созданы отделения карантинной службы, и за семьдесят лет сформировалась особая карантинная бюрократия.

Благодаря своему опыту дамат Нури сразу понял, что доктор Никос – один из достойнейших, избранных членов этой касты. Но пора уже было задать прямой вопрос:

– Как вы думаете, кто убийца?

– Бонковского-пашу убил человек, знакомый с историй доктора Жан-Пьера, – осторожно высказался доктор Никос. Ясно было, что он успел все обдумать и к вопросу был готов. – Его убил кто-то, кому хотелось, чтобы об этой смерти стали говорить: «Убили, конечно, отсталые мусульмане, не желающие карантина». Так я думаю.

Печальная история доктора Жан-Пьера, происшедшая полвека тому назад, была известна всем врачам османской карантинной службы, будь они христианами, евреями или мусульманами. Она служила примером того, как ни в коем случае не должен себя вести врач христи-

<sup>75</sup> *Хамеропс* – род пальм, низкорослое многоствольное дерево с кроной из веерных листьев с колючими черешками, характерное для Средиземноморья.

<sup>76</sup> *Тамаринд* – тропическое дерево семейства бобовых.

<sup>77</sup> *Махмуд II* (1785–1839) – 30-й османский султан, правивший с 1808 по 1839 год. В 1820–1830-х годах заложил основы Танзимата, проведя ряд прогрессивных реформ.

<sup>78</sup> *Шейх-уль-ислам* – высшее мусульманское духовное лицо в Османской империи. *Фетва* – решение по какому-либо вопросу, выносимое мусульманским духовным лицом и основанное на принципах ислама и на прецедентах мусульманской юридической практики.



анского или иудейского вероисповедания, который во время эпидемии работает в мусульманских кварталах. В 1842 году в Амасье<sup>79</sup> началась эпидемия чумы, и молодой султан Абдул-Меджид отправил в этот захолустный городок знаменитого доктора из Парижа, дабы тот по завету покойного Махмуда II применил там современные европейские способы борьбы с эпидемиями. Молодой врач, француз Жан-Пьер, был поклонником Вольтера и Дидро и скептически относился к религии. Он твердил провинциальным чиновникам-мусульманам, что если отказаться от предрассудков и мыслить логически, то все люди равны и, в сущности, всем им свойственны схожие чувства и убеждения. Те в ответ усмехались и отпускали ехидные шуточки, но доктор пропускал их мимо ушей. Так что, когда губернатор и его подчиненные попытались ввести карантинные меры, а народ в ответ стал требовать: «Хотим врача-мусульманина!», Жан-Пьер удивился, однако не уступил. «В науке, в медицине нет более ни христиан, ни мусульман!» – заявлял он и настаивал на том, что должен осматривать больных женщин.

Жившие в Амасье богачи и христиане покинули город, лавки и пекарни закрылись, и мусульмане начали голодать, но более сговорчивыми от этого не сделались. Они не желали пускать доктора Жан-Пьера в свои дома и показывать ему больных. Эпидемия между тем разгоралась все сильнее. Тогда Жан-Пьер волей-неволей обратился к военным. С помощью вооруженных солдат он выламывал двери, насильно разлучал матерей с детьми, ставил стражу у подозрительных домов, запрещал их обитателям выходить на улицу, заставлял засыпать погребаемые тела известью и бросать в тюрьму всех, кто не соблюдал карантинных мер. На жалобы и ропот мусульман он не обращал внимания, лишь говорил, что все, что он делает, совершается с позволения и по приказу султана Абдул-Меджида. Кончилось это тем, что однажды поздним дождливым вечером, направляясь в окраинный квартал Амасьи, доктор Жан-Пьер вдруг исчез, словно его и не было. Пропал без вести.

Врачи карантинной службы знали, что в тот вечер доктор Жан-Пьер был убит, но, рассказывая друг другу эту историю, грустно улыбаясь, словно медик-идеалист все еще мог в один прекрасный момент вдруг выйти из-за угла.

– Сегодня в Османской империи ни один врач-христианин не пойдет в мусульманский квартал осматривать больных, не прихватив с собой револьвер, – заметил доктор Никос.

– А есть ли на острове врачи-мусульмане? – осведомился дамад Нури.

– Было двое. Один отчаялся ждать, когда достроят больницу «Хамидийе», и два года назад уехал в Стамбул. Эх, надо было ему тут, на острове, жену подыскать, тогда бы не уехал. А другой, Ферит-бей, сейчас должен быть в «Хамидийе».

Карантинная служба была одним из тех учреждений, которые во множестве создавались в Османской империи за последние сто лет с самыми благими намерениями и по европейским образцам, дабы справиться с какой-нибудь проблемой, однако не только не справлялись, но и в скором времени сами становились частью проблемы. В отделения службы на местах набирали клерков, охранников, санитаров, а потом начинали задерживать им жалованье. Месяцами не платили и врачам, вынуждая их в нарушение правил принимать больных частным образом в аптеках или зарабатывать на жизнь иными способами.

В 1901 году в Османской империи на государственной службе состояло 273 гражданских врача, и большинство среди них составляли православные греки. Нехватка медиков особенно остро ощущалась в мусульманских районах, имеющие же доктора, когда дело доходило до борьбы с эпидемиями, не горели желанием браться за эту работу, требующую смелости и самоотверженности, даже героизма. Что же до опытных врачей-мусульман, готовых работать в бедных кварталах и убеждать непримиримых к карантину набожных единоверцев хоронить покойников в извести и позволять осматривать своих жен и дочерей, то таких, можно сказать, и вовсе не было. Впрочем, всякий, кто приходил работать в карантинную службу, быстро

<sup>79</sup> Амасья – город на севере Турции.

догадывался, что, по убеждению султана и Министерства иностранных дел, в первую очередь бороться следует не с эпидемиями, а со слухами о них. Да-да, из-за международно-политического аспекта своей деятельности карантинная служба с самого начала была напрямую подчинена Министерству иностранных дел.

– На Мингере было три больших эпидемии холеры, – повел рассказ доктор Никос, словно желая сменить тему. – В тысяча восемьсот тридцать восьмом, шестьдесят седьмом и восемьдесят шестом годах, причем последняя вспышка оказалась слабее двух предыдущих. Поскольку спрос на мингерский камень упал и торговля сошла на нет, в последние десять лет заразу на наш остров не завозили, и Стамбул о нас забыл. Сколько бы я ни писал начальству, просьбы мои оставляют без внимания. Потом телеграфируют: «К вам назначен молодой доктор такой-то, мусульманин. Уже в пути. Встречайте!» Мы радостно бежим на пристань, но с парохода компании «Мессажери» никто не сходит. А все потому, что назначенный на остров господин доктор или подал в отставку, желая остаться в Стамбуле, или через знакомых во дворце добился, чтобы назначение в последний момент отменили.

– Да, вы правы, – признал дамат Нури. – Однако, как видите, его величество все же отправил к вам врача-мусульманина и он – то есть я – все-таки сошел на берег.

– Послушайте, вы не поверите, но у нас нет денег даже на то, чтобы купить хлорной извести, – продолжал доктор Никос. – Мы или умоляем господина губернатора выделить нам сколько-нибудь из запасов гарнизона, или поднимаем портовый сбор на санитарные нужды и покупаем необходимые материалы и лекарства на эти деньги.

Действительно, у отделений карантинной службы было право, в соответствии с международными законами, взимать плату за свою работу с судов и их пассажиров. Суть карантина (с итальянского это слово переводится как «сорок дней») изначально заключалась в том, чтобы изолировать больных и не давать им заражать здоровых. Шли века, и накопленный в Европе и Средиземноморье опыт эпидемий позволил сократить сорок дней до двадцати, а потом и до более коротких сроков в зависимости от конкретной болезни. В последние сорок лет благодаря открытию французского врача Пастера, который обнаружил, что причиной инфекционных заболеваний являются микроорганизмы, карантинные методы стали более разнообразными. Критерии «чистого» и зараженного порта, правила перевозки грузов и пассажиров, основания для поднятия на судне желтого флага, означающего, что на борту зараза, количество дней, положенных для изоляции, и размеры карантинных сборов все время менялись.

Несмотря на подробные директивы по всем этим вопросам, карантинный врач, такой как доктор Никос, все же обладал некоторой свободой действий, тем более что поднимался на борт судна в сопровождении солдат. Не заметив (за взятку) на пароходе компании «Ллойд», идущем под флагом Германской империи, больного в лихорадке и тем самым позволив судну прибыть в Стамбул на пять-семь дней раньше, карантинный врач мог спасти какого-нибудь коммерсанта от банкротства; и наоборот, написав (всего лишь при тени подозрения) рапорт о том, что на приближающемся к порту корабле не только пассажиры, но и все грузы заражены опасной болезнью, он волен был в одночасье разорить немало лавочников.

А еще карантинный врач мог одним своим словом прервать чей-нибудь хадж. Пусть человек годами копил деньги, пусть продал дом, чтобы отправиться в двухмесячное, полное трудностей путешествие; пусть он спорит, угрожает, плачет и трясется от ярости – во власти врача было разлучить его с попутчиками, ссадить с корабля и поместить в палатку карантинного лагеря. Доктору Нури случалось быть свидетелем того, как начальник карантинной службы какого-нибудь захолустного приморского городка, с трудом сводящий концы с концами, начал применять эту свою власть для того, чтобы отомстить за свою тяжелую жизнь, нагнать страху на богачей или приструнить успешных коммерсантов. Эта власть, конечно, могла служить для карантинных врачей источником средств к существованию.

На языке у дамат Нури вертелся вопрос, когда доктор Никос в последний раз получал жалованье, но он его не задал, а вместо этого принял несколько высокомерный вид, с которым представители власти привыкли встречать жалобы чиновников и врачей на безденежье и нехватку того и этого.

– В Хиджазе, когда у нас не было извести, мы засыпали уборные и выгребные ямы угольной пылью.

– Современный метод, ничего не скажешь! Нет, я предпочитаю разводить известь в воде в пропорции не один к десяти, а один к двадцати или тридцати.

– Что можно использовать в качестве дезинфицирующего раствора?

– У нас есть немного медного купороса, найдется он и у аптекаря Никифороса. Но в условиях эпидемии он быстро кончится. Еще есть карболовая кислота и сулема, которую в Стамбуле называют хлористой ртутью, но их тоже мало. У мусульман знаний о микробах и заразных болезнях хватает только на то, чтобы протирать золотые и серебряные монеты уксусом. Самое большее, соглашались на окуривание сернистой селитрой, пользы от которого не больше, чем от амулетов достопочтенного шейха-эфенди. Нам понадобится очень много дезинфицирующего раствора.

– Тем, кто будет его разбрызгивать, врачам, которые будут работать в мусульманских кварталах, нелегко придется после убийства Бонковского-паша, – произнес дамат Нури, желая скорее вернуться к теме, которая волновала его больше всего.

– Я присутствовал на лекциях по органической и неорганической химии, которые Бонковский-паша читал в Военно-медицинской школе. В бытность мою в Ливане он приезжал туда в качестве главного санитарного инспектора. Он был великим ученым. На такого человека руку подняли! Когда будете посещать больных, не уповайте на то, что вы мусульманин, просто берите с собой этого колагасы или еще какую-нибудь охрану.

– Не беспокойтесь, я буду осторожен. Однако если убийца намеревался саботировать карантин, то вам тоже следует быть начеку. Только вот кто же этот злонамеренный человек, которого мы должны бояться?

– Господин губернатор хорошо сделал, что сразу посадил за решетку Рамиза, сводного брата шейха Хамдуллаха. Надо сказать, что губернатор больше всех других шейхов текке опасается трогать именно Хамдуллаха. Потому-то Рамиз и распоясался. Мне кажется, убийца бедного Бонковского рассчитывал, что преступником сочтут Рамиза.

– Но ведь в этом деле есть элемент случайности. Вы же знаете, что Бонковский-паша по собственной воле у всех на глазах улизнул из почтамта. Ни Рамиз, ни кто-либо еще не могли знать об этом заранее.

– Убийца мог увидеть его случайно и быстро сообразить, что вину за преступление возложат на мусульман. Ведь и среди врачей-греков есть такие – хотя, конечно, не у нас на острове, но в других местах, – кто даже не дает себе труда говорить с мусульманами на турецком языке.

– Мусульмане правы, когда жалуются на грубость и высокомерие некоторых врачей-христиан, – осторожно согласился дамат Нури. – Вы сами недавно говорили, что они могут противиться карантину исключительно по причине своего невежества.

– Да, это так и есть. Но хотя карантин им поперек горла, чумы они все же боятся и не прочь, чтобы кто-то заслуживающий доверия надоумил их, как себя вести. И вообще, между неприятием карантинных мер и готовностью к убийству – огромная разница. Бонковский-паша и его помощник доктор Илиас приходили в те кварталы лишь для того, чтобы осмотреть больных и оказать им помощь. С ними не было ни одного солдата, никто не выламывал двери, не применял силу. Бонковский-паша не причинял мусульманам никакого вреда. Зачем же им его убивать? Зачем полагать, что его убил обязательно мусульманин? Я уже сейчас могу сказать вам, к какому результату приведет добросовестное расследование!

– К какому же?

– Имени убийцы я не знаю... Но это жестокий, бессердечный человек, которого не заботит судьба обитателей Мингера, пусть они хоть все пропадут пропадом. Я очень люблю здешний народ и в обиду его не дам.

– А обитатели Мингера и в самом деле, по вашему мнению, отдельный народ?

– Если бы начальник Надзорного управления узнал, что вы задаете такие вопросы, он бы поспешил под каким-нибудь предлогом упечь вас за решетку и устроить вам допрос с пристрастием, – отозвался доктор Никос. – Да, у себя дома некоторые из местных говорят на своем старом языке, но их познаний в нем хватает только для торга на базаре.

## Глава 14

Вернувшись в резиденцию губернатора, доктор Нури столкнулся в дверях с колагасы. Тот нес на почтамт письмо, которое только что написала и запечатала Пакизе-султан.

Тем вечером супруги впервые за время совместной жизни поужинали наедине и весьма скромно. Повар губернаторской кухни принес им пирожки и йогурт. И доктору Нури, и Пакизе-султан было не по себе – из-за стесненных условий и опасения, не заразились ли они чумой; крысоловки, расставленные у стен, тоже действовали на нервы. Оба понимали, что безмятежные, тихие дни, наступившие для них после свадьбы, остались позади. Проспект Хамидийе и окрестности гавани до десяти часов вечера кое-как освещались керосиновыми фонарями. Когда же улицы погрузились в темноту, супруги подошли к окну и долго смотрели на таинственный силуэт Арказа, слушая доносившийся с берега легкий плеск волн, шуршание ежей в саду и стрекот цикад.

Ранним утром следующего дня дамат Нури встретился в здании карантинной службы с выпущенным из тюрьмы доктором Илиасом.

– Бонковский-паша был мне ближе отца... – проговорил доктор. – А меня бросили в тюрьму как подозреваемого, будто я мог иметь какое-то отношение к его убийству. Это же тень на моей репутации, как они об этом не подумали?

– Но теперь-то вы на свободе.

– Об этом написали стамбульские газеты. Чтобы оправдаться, я должен немедленно вернуться в Стамбул. Известно ли его величеству о том, что меня удерживают здесь?

Прежде чем поступить в распоряжение Бонковского, доктор Илиас, уроженец Стамбула, был ничем не примечательным терапевтом. Став по стечению обстоятельств помощником главного санитарного инспектора и объездив всю империю, он обрел известность, начал писать для газет статьи о здравоохранении, эпидемиях и гигиене. Ему платили весьма высокое жалованье. Пять лет назад он женился на Деспине, гречанке из довольно богатой стамбульской семьи. По представлению Бонковского Абдул-Хамид наградил его орденом Меджидийе. Жестокое убийство главного санитарного инспектора в одночасье положило конец этой интересной и счастливой жизни.

Дамат Нури мельком подумал, что доктору Илиасу не раз случалось вместе с Бонковским удостоиваться аудиенции у его величества, так что, должно быть, он видел Абдул-Хамида чаще, чем муж его племянницы. (Дамат Нури встречался с султаном всего три раза.)

– Разумеется. Его величество изволил распорядиться, чтобы вы остались на острове и помогли нам пролить свет на это чудовищное злодеяние.

В тот день после полудня доктору Илиасу подбросили анонимную записку, предупреждавшую, что он будет убит следующим.

– Писульку эту состряпали лавочники, не желающие карантина, – заявил губернатор. – Решили воспользоваться удобным случаем, вот и всё. Нисколько в этом не сомневаюсь.

Затем, желая приободрить перепуганного Илиаса-эфенди, Сами-паша распорядился переселить его из ветхого особняка, где по-прежнему жил врач и куда подбросили записку, в гостевой дом при гарнизоне. Там повсюду стояли крысоловки, и оттого риск заразиться выглядел меньше, да и вообще было безопаснее. Возможные убийцы остались далеко.

В тот день дамат Нури и доктор Илиас (а также колагасы и приставленная властями охрана), как и намечалось губернатором, а также главой карантинной службы, отправились в бронированном ландо по больницам. В Арказе их было две: официально еще не открытая, маленькая и плохо оборудованная «Хамидийе», где лечились военные и состоятельные мусульмане, и построенная стараниями греческой общины больница Теодоропулоса. Называлась она так, потому что деньги на строительство дала семья Стратиса Теодоропулоса, уро-

женца Измира, который в свое время разбогател на торговле мингерским мрамором. В этой больнице было тридцать коек. Как и «Хамидийе», она служила также приютом для бедных, бездомных и немощных. Горожане любили отдохнуть в благоухающем лимоном больничном саду, поскольку оттуда открывался замечательный вид на крепость. С началом эпидемии в больницу Теодоропулоса стали волей-неволей приходить и мусульмане, у которых не было другой возможности показаться врачу.

У дверей доктор Нури увидел толпу встревоженных горожан. Три дня назад, когда число больных чумой начало увеличиваться, посредине самой большой палаты поставили ширму, чтобы отделить их от остальных пациентов. В короткое время часть, предназначенная для зачумленных, стала более многолюдной и теперь оказалась переполнена недавно поступившими больными. Они громко бредили, их рвало, порой кто-нибудь начинал кричать от невыносимой головной боли или биться, словно безумный, в предсмертных судорогах. Все это, конечно, пугало больных по другую сторону ширмы. Что же до бездомных, нищих и стариков, то большинство из них за последнюю неделю разбрелись кто куда. Директор больницы, пожилой доктор Михаилис, рассказал дамату Нури и доктору Илиасу, что между обычными больными, страдающими, скажем, астмой или заболеваниями сердца, и отчаявшимися, обезумевшими от страха зачумленными то и дело вспыхивали стычки из-за коек, в которые втягивались и родственники.

Радушно поприветствовав гостей, доктор Михаилис признался, что до последнего не верил, будто имеет дело с чумой. Поначалу он ждал результатов лабораторных анализов, а тревожные признаки: жар, рвоту, учащенный пульс, слабость и истощение – хотя и принимал всерьез, но находил похожими на симптомы холеры.

С больными доктор Михаилис обращался строго, однако выражение его лица говорило: «Не волнуйтесь, справимся!», и оттого пациенты доверяли ему, показывали налитые гноем бубоны на шее, в подмышках, в паху и из последних сил молили его подойти к своим койкам. Еще в палате находился доктор Александрос из Салоник, молодой человек с густыми бровями.

От него доктор Нури узнал, что старик, который постоянно впадает в сонное забытие, а если на несколько минут просыпается, то начинает стонать и плакать, – рыбак (рыбацкий пирс и квартал, где жили рыбаки, находились рядом с пристанью, с которой когда-то отгружали мингерский мрамор), пришедший в больницу два дня назад. Работающий в палате санитар рассказал, что находящаяся в полубессознательном состоянии пожилая женщина, тихо близящаяся к смерти, приходится сидящему рядом мужчине с заплаканными глазами не женой, а сестрой; в первый день больную безостановочно рвало, а вчера она, как и многие другие пациенты, непрестанно бредила. Жар и бред наблюдались у всех больных. Один из них, портовый грузчик, встал с койки, но идти не смог: сделал два неверных шага, качаясь, будто пьяный, и рухнул обратно. Доктор Илиас уделил этому упорному человеку немало времени, желая вернуть ему надежду, волю к жизни и стремление выйти на свежий воздух; он даже предложил недужному полюбоваться в окно на замечательный вид и сказал, что наверхия башен похожи на забавные колпаки.

У всех больных глаза наливались кровью, нестерпимо болела голова, начинались странные подергивания конечностей. Некоторых одолевали страхи, подозрительность, тревога; другие время от времени совершали произвольные движения: крутили головой из стороны в сторону (как сидящий у окна таможенный чиновник) или словно бы пытались вскочить с койки (как мастер-гончар, владелец лавки на проспекте Хамидийе, у которого из глаз все текли слезы). У большинства больных на шее, за ушами, в подмышках или в паху было по нарыву величиной с половину мизинца – то, что европейцы называют бубоном. Однако, по уверениям врачей, у некоторых пациентов никаких бубонов не было, но тем не менее наблюдались жар, сонливость, слабость, за которыми вдруг наступала смерть – или же исцеление.

У одного тощего, кожа да кости, больного (кровельщика) так пересохло во рту, что язык не ворочался и бедняга лишь время от времени издавал непроизвольные, бессмысленные звуки. Иные отчаянно чего-то добивались, и доктор Нури пытался понять, чего именно. Да, бубон можно было вскрыть и дать выход гною, чтобы на некоторое время человеку стало лучше, чтобы к нему вернулись силы. Все больные, даже те, кому эта операция пока не требовалась, просили о ней, но это не было лечением. Пациенты, у которых начинался приступ, от боли порой так крепко вцеплялись в свои пропитанные потом и блевотиной простыни, что казалось, будто их кожа и ткань становятся единым целым. Иногда недуг вызывал неутолимую жажду, заставляя кое-кого из врачей принимать его за холеру. Стоны, крики боли и тяжкие вздохи сливались в один нескончаемый гул, словно бы набухавший от пара, что валил из котла у входа в больницу, где постоянно кипятили воду, и висящего в воздухе страха смерти.

Работая в Хиджазе и наблюдая бедных, невежественных паломников с Явы, из Индии и других уголков Азии, которых англичане и за людей-то не считали, доктор Нури стыдился сознавать себя образованным, знающим французский язык человеком. Теперь же совесть его тяготило сознание того, что он ничем, кроме пустых утешений, не в силах помочь несчастным, понимающим, что они подхватили смертельную заразу, – утешений тем более лживых, что ему известно: впереди их ждут еще более тяжелые дни.

В больнице «Хамидийе», куда врачи отправились затем, положение дел мало чем отличалось. Доктор Илиас, несмотря на боль утраты и страх, внимательно осматривал всех больных и сочувственно выслушивал их жалобы. Это тронуло дамата Нури.

Но когда они остались наедине, доктор Илиас проговорил:

– Долго так тянуться не может. Меня тоже убьют. Прошу вас, не забудьте, что его величество хочет, чтобы я как можно скорее вернулся в Стамбул!

Когда ландо направилось в сторону аптеки Никифороса, доктор Нури, желая посмотреть, что происходит на улицах города, попросил кучера ехать дальше дорогой. Удивительно и странно было видеть, что вокруг отелей на улицах, ведущих к гавани, по-прежнему течет обычная жизнь в европейском стиле, что мингерцы преспокойно сидят в кафе, закусочных, парикмахерских, вместе над чем-то смеются, строят планы пойти на рыбалку или совершить какую-нибудь торговую сделку. Когда ландо въехало в квартал Вавла и доктор Нури увидел весело бегающих по пыльным, неухоженным переулкам босоногих ребятишек, ему показалось, что он попал в прожаренный солнцем город где-то далеко на Востоке.

Аптекарь Никифорос сразу начал с того, что никаких неулаженных финансовых споров в связи с концессией и компанией между ним и покойным Бонковским не было.

Не стал ходить вокруг да около и доктор Нури.

– Как по-вашему, кому было выгодно убить Бонковского-пашу? – спросил он.

– Не все убийства совершаются из соображений выгоды. Иногда убивают, оказавшись в безвыходном положении перед лицом несправедливости, а бывает, что человек становится убийцей просто в силу стечения обстоятельств, заранее этого не замышляя. После того, что произошло с паломничьей баржей, крестьяне из деревень Чифтелер и Небилер, которым по приказу господина губернатора пришлось посидеть в тюрьме, и завсегдатаи текке Теркапчилар ненавидят врачей и все, что связано с карантинном. Кто-нибудь из них мог прийти в город, чтобы продать яиц, случайно увидеть Бонковского в Вавле и куда-нибудь его заманить. Я намекнул своему дорогому другу, что ему следовало бы сходить в Герме и Вавлу, посмотреть, что там и как. Убийцам, очевидно, это было известно, потому-то они и подбросили труп сюда, рассчитывая, что меня заподозрят.

– Да, вы один из подозреваемых, – подтвердил доктор Нури.

– Но это все подстроено, – вознегодовал аптекарь и повернулся за поддержкой к доктору Илиасу.

– Я предупреждал его, чтобы он не ходил в те кварталы один, – заговорил тот. – Раньше, в других городах, где мы боролись с заразой, Бонковскому-паше уже случалось ходить по улицам, если он не был удовлетворен тем, что ему показывали люди губернатора или глава карантинной службы.

– Зачем?

– На самом деле ведь ни одному губернатору или мутасаррыфу, ни одному богачу, торговцу не хочется, чтобы вводили карантин. Никто не расположен признавать, что всегдашняя привольная жизнь закончилась и он может даже умереть. Люди сопротивляются карантинным мерам, нарушающим их покой, отрицают, что вокруг гибнут им подобные, даже злятся на умирающих. Но, видя перед собой знаменитого главного санитарного инспектора и его помощника, они понимали, что положение дел и в самом деле очень серьезное, раз это заметили из Стамбула. Но здесь вышло иначе. Здесь нам не дали ни с кем встретиться.

– Эти меры были приняты по настоянию его величества, – напомнил дамат Нури.

– Бонковского-пашу весьма обеспокоили эти меры, – вставил аптекарь Никифорос. – Остров, где скрывают случаи смерти и замалчивают вспышку эпидемии, очень сложно подготовить к введению карантина. Тем более что здесь существует сила, готовая убивать карантинных врачей. Все мы теперь вправе страшиться следующего убийства.

– Не бойтесь! – успокоил фармацевта дамат Нури.

От этих опасений аптекаря и доктора Илиаса ему сделалось не по себе, даже как-то совестно: он чувствовал, что греки правы и у них куда больше оснований опасаться за свою жизнь, чем у мусульман. Поскольку эта книга, в конце концов, сочинение историческое, я не вижу ни малейших препятствий для того, чтобы уже сейчас сказать: интуиция не обманула дамату Нури и читателям, увы, предстоит увидеть, что не только аптекарь Никифорос и доктор Илиас, но также стамбульский художник будут убиты по политическим мотивам.

Фармацевт перевел разговор на достоинства своих товаров, образцы которых собирался подарить доктору Нури, и, обратив его внимание на этикетки «*La Rose du Minguère*» и «*La Rose du Levant*», завел, как и замыслил заранее, речь о друге юности Бонковского, художнике-армянине Огане Калемджияне, а заодно и о полотнище, конфискованном Сами-пашой.

– Подумайте только, господин губернатор вообразил, что это флаг!

В тот день, вернувшись в резиденцию губернатора, врачи встретились с Сами-пашой, и этот последний сухо объявил им, что рекламный стяг аптекаря Никифороса будет возвращен владельцу, как только Карантинный комитет соберется на заседание. Затем беседа была прервана: губернатору сообщили о внезапной смерти одного из его секретарей.

Вечером того же дня в маленькой изящной церкви Святого Антония была отслужена заупокойная месса по Станиславу Бонковскому. Хотя от султана поступила телеграмма с соболезнованиями, а стамбульские газеты опубликовали некрологи, воздающие обильную дань заслугам покойного, греческие журналисты не пришли, и церемония оказалась скромной и малолюдной. Родственники покойного не смогли приехать из-за чумы. Присутствовали пожилые члены местной католической общины и обосновавшийся на Мингере сын польского офицера, перешедшего на службу Османской империи. Больше всех горевал на похоронах доктор Илиас, расплакавшийся над окруженной красными розами могилой.



## Глава 15

Теперь, чтобы прояснить некоторые моменты нашей истории, мы должны вернуться на три года назад и рассказать о событиях, которые продолжали отзываться для губернатора Сами-паши политическими трудностями и тревожить его совесть. Речь идет о так называемом восстании на паломничьей барже.

В 1890-х годах великие державы, дабы остановить распространение холеры из Индии по всему миру через Мекку и Медину, среди прочих мер ввели десятидневный карантин для кораблей, плывущих из Хиджаза. В особенности настаивали на нем страны, чьи колониальные владения были населены мусульманами. Так, французы, не доверявшие карантинным мерам, применяемым в Хиджазе османскими властями, заставляли хаджи, возвращающихся во французскую колонию Алжир на пароходе «Персеполис» компании «Мессажери маритим», выдерживать еще один карантин, прежде чем отпустить их в родные города и деревни. Прибегали к этой предосторожности – на всякий случай – и османские власти, также не полагавшиеся на собственную карантинную службу в Хиджазе. Вскоре Стамбульский Карантинный комитет Стамбула ввел дополнительный карантин по всей империи, даже для тех судов, над которыми не развевался желтый флаг и на которых не было больных пассажиров.

А между тем необходимость ждать еще десять дней, прежде чем оказаться на родине, вызывала озлобление у хаджи, возвращавшихся из тяжелого, мучительного путешествия, во время которого погибли многие их товарищи. (В то время считалось обычным делом, если в пути умирал каждый пятый паломник из Бомбея и Карачи.) Поэтому карантинная служба призвала себе на помощь людей с оружием; во многих случаях врачи требовали, чтобы их сопровождали полицейские или солдаты. На маленьких островах, таких как Мингер, и в некоторых провинциальных портах, где не хватало карантинных помещений или же сложно было обеспечить их охрану, в качестве места для изоляции использовались арендованные задешево старые, ржавые шхуны или баржи. Иногда эти суда, как было принято, скажем, на Хиосе, в Кушадасы<sup>80</sup> и Салониках, отводили в какую-нибудь далекую бухту или ставили на якорь у пустынного берега, на котором разбивали армейские палатки.

Паломникам, спешащим добраться до дома, такой дополнительный карантин очень не нравился. Некоторые из них, сумев живыми вернуться из хаджа, умирали в эти последние десять дней. Между паломниками и врачами греческого, армянского и еврейского происхождения возникали трения и конфликты. Причиной тому, кроме карантина как такового, был еще и карантинный сбор. Кое-каким богатым и ловким паломникам удавалось, всучив докторам взятку, улизнуть в самом начале карантина, что обесмысливало его и еще больше раздражало оставшихся.

Однако промашка, допущенная три года назад властями Мингера, вызвала настоящий бунт против карантина, по своим ужасным последствиям не имевший себе равных в истории Османской империи. А дело было так. Из Стамбула пришла телеграмма, запрещающая пароходу «Персия», который следовал под британским флагом, входить в гавань Арказа. Начальник карантинной службы доктор Никос отыскал старую баржу, на нее пересадили сорок семь паломников с «Персии» и отбуксировали в бухту на севере острова, где баржа встала на якорь. Укрытый залив, окруженный неприступными горами и скалами, сочли пригодным для карантина, поскольку он мог служить для паломников своего рода естественной тюрьмой. Однако те же самые горы и скалы затрудняли доставку им продовольствия, чистой воды и лекарств.

А тут еще разразилась буря, из-за которой не удалось вовремя разбить на берегу палатки для врачей и солдат, а также для хранения медицинских материалов. Хаджи, едва живые после

---

<sup>80</sup> Кушадасы – город в Турции, на побережье Эгейского моря.

пяти дней качки на штормовых волнах, остались без еды и питья. Затем началась невыносимая жара. Большинство среди паломников составляли пожилые бородачи, зажиточные крестьяне, владельцы оливковых рощ и небольших хозяйств, впервые совершившие путешествие за пределы острова. Попадались среди них и молодые люди, помогавшие в пути своим отцам и дедам, тоже бородастые и очень набожные. Родиной весьма значительной их части были горные деревни Чифтелер и Небилер, на севере острова.

Через три дня на переполненной барже вспыхнула холера. И без того изможденные паломники мерли: каждый день с жизнью прощались один-два человека. Сил противостоять болезни у них уже не осталось. А между тем ни чиновников, ни докторов, по чьей милости они здесь оказались против своей воли, видно не было, и это выводило из себя даже самых смиренных и пожилых хаджи.

Два врача-грека, которые в конце концов добрались до карантинного лагеря, за три дня перевалив через горы верхом, не спешили подниматься на баржу и осматривать разъяренных паломников – понимали, что судно превратилось в помойную яму и рассадник заразы. Многие пожилые, обессиленные хаджи не понимали, зачем их тут держат, но чувствовали, что умирают, и им не хотелось, чтобы перед смертью их поливали дезинфицирующей жидкостью врачи-христиане с козлиными бородами, в странного вида очках. Правда, оба пульверизатора, доставленные в карантинный лагерь с таким трудом на лошадях, сломались в первый же день. Между паломниками порой разгорались ссоры. «Сбросим трупы в море!» – говорили одни. «Нет, это наши родственники, мученики, похороним их у себя в деревне!» – возражали другие. Так они впустую тратили силы на споры.

Эпидемия все не прекращалась, вокруг баржи плавали трупы, объединенные рыбами и птицами, и похоронить их не было никакой возможности. Это и стало причиной того, что в конце первой недели на барже вспыхнуло восстание.

Сначала разгневанные хаджи скрутили и сбросили в море двух приставленных к ним солдат. Те не умели плавать, как и сами паломники, да и вообще львиная доля мусульман Османской империи, и один из караульных утонул. В ответ на это губернатор Сами-паша и начальник гарнизона решили примерно наказать мятежников.

Тем временем молодые паломники подняли якорь, и, как ни странно, вместо того чтобы сесть на скалы, ветхая баржа через некоторое время уже болталась, словно пьяная, в открытом море. Спустя полтора дня течение принесло посудину в другую бухту, западнее первой, где баржа села-таки на скалы и набрала в трюм воды. Обессиленные хаджи не смогли сразу выбраться на берег и разбрестись по своим деревням. Если бы они это сделали, инцидент, несмотря на гибель солдата, возможно, был бы предан забвению. Но они продолжали сидеть на барже, переполненной гниющими трупами, и никак не могли расстаться со своими узлами, привезенными из дальних стран подарками и бутылками с водой из источника Замзам, зараженной холерными вибрионами.

Военный отряд, который по распоряжению губернатора следил с берега за перемещениями баржи, через некоторое время занял позиции на окружающих бухту скалах, и командир приказал паломникам сдаться, вернуться к соблюдению карантинных правил и не пробовать сойти на берег.

Трудно сегодня сказать, в полной ли мере был осознан этот приказ, но хаджи пришли в страшное волнение. Они поняли одно: сейчас их снова посадят на карантин, и теперь-то уж они все точно умрут. Карантин был для них дьявольским изобретением коварных гяуров<sup>81</sup>, желающих наказать оставшихся здоровыми хаджи, замучить их до смерти и прикарманить их деньги.

<sup>81</sup> *Гяур* – презрительное именование иноверца.

В конце концов те из паломников, у которых еще остались силы и которые могли пока что-то соображать, решили, что остаться на окруженной барже – значит обречь себя на смерть, и договорились пойти на прорыв.

И вот, когда хаджи пытались сбежать, петляя по козым тропам меж скал, переполошившиеся солдаты открыли по ним огонь. Палили и палили, словно перед ними была вражеская армия, явившаяся оккупировать Мингер. Некоторые, должно быть, мстили за своего утонувшего товарища. Прошло не менее десяти минут, прежде чем солдаты пришли в себя и перестали стрелять. Многие хаджи были убиты. Некоторым пули попали в спину. Однако другие, подобно героическим воинам, что бросаются под пулеметный огонь, успели повернуться грудью к солдатам османской армии, убивающим соплеменников на их собственном острове.

Губернатор запретил распространять сведения о случившемся, запретил говорить об этом даже намеками, так что и сегодня в точности неизвестно, сколько хаджи было убито и сколько в конце концов смогли вернуться в родные деревни.

Как лицо, ответственное за эту историческую трагедию, Сами-паша навлек на себя хулу и презрение, ему так и не удалось отмыться от обвинений в предумышленности происшедшего. Он ждал кары от Абдул-Хамида, однако вместо него наказанию подвергли пожилого начальника гарнизона, который отправился в ссылку, и солдат. Во сне паше стал являться седобородый старик, который смотрел на него с укором, словно желая сказать: «Ты же губернатор, большой человек, а совести у тебя нет!», но не произносил ни слова. Упрекавшим его в лицо Сами-паша говорил, что приказ направить на усмирение хаджи военных был правильным. В конце концов, речь шла о спасении острова от холеры. И вообще, это против его правил – потакать бандитам, которые завладели принадлежащим государству кораблем и убили солдата. Правда, затем губернатор обязательно прибавлял, что не приказывал открывать огонь – это была ошибка, совершенная солдатами по неопытности.

Обдумывая возможные способы защиты, Сами-паша счел за лучшее подождать, пока досадное происшествие забудется. Потому он так и старался не пропустить сведения об инциденте в печать, чего ему удавалось добиться какое-то время. В тот период губернатор любил поразглагольствовать о том, что умерших во время хаджа наша религия признает шахидами – мучениками, погибшими за веру, а это есть высочайшее звание, которого может удостоиться человек. Когда в Арказ приходили родственники погибших паломников, чтобы потребовать возмещения за смерть хаджи, Сами-паша приглашал их в свой кабинет, заводил речи об особом месте, уготованном в раю тому, кто испил шербет мученичества, уверял, что сделает все возможное, чтобы прошение было удовлетворено, однако предостерегал от попыток преувеличивать масштабы инцидента в разговорах с журналистами-греками.

После того как трагедия немного подзабылась, губернатор неожиданно сменил тактику: приказал арестовать по деревням и посадить в крепость десять хаджи, которых считал зачинщиками восстания, и грозно потребовал с них ответа за убийство солдата и похищение баржи. Просьбы о возмещении были отвергнуты.

В озлобленных на губернатора деревнях Чифтелер и Небилер, откуда было родом большинство хаджи, началось мусульманское движение сопротивления. Эти деревни, вместе с текке Теркапчилар, поддерживали шайку Мемо, терроризирующую греческие деревни на севере острова. Имелись основания предполагать, что за текке стоит шейх Хамдуллах, глава самого влиятельного на Мингере тариката Халифийе.

Жизнь Сами-паше осложняло еще и то, что о происшествии, посеявшем раздор между властями и простыми мусульманами, то и дело старались напомнить журналисты-греки. Например, однажды в интервью греческой газете «Нео Ниси», с которой у него были хорошие отношения, губернатор упомянул о «бедных», как он выразился, хаджи, которые обустроивают в своих деревнях общественные источники, – и даже это слово сумели обернуть против него. Вряд ли бы оно привлекло чье-либо внимание, если бы не журналист Манолис (разумеется,

грек), который с полемическим жаром разглагольствовал в своей газете о том, что хаджи на самом деле люди отнюдь не бедные, что среди богатых мусульман Мингера появилась мода распродавать свое имущество и отправляться в хадж, причем большинство из них по пути туда или обратно умирают. А между тем уровень образованности мусульманского населения Мингера существенно ниже, чем у православного, так не лучше ли было бы состоятельным деревенским мусульманам не оставлять свои деньги в далеких пустынях и на английских кораблях, что довольно глупо, а скинуться и открыть на острове рюштийе<sup>82</sup> или хотя бы отремонтировать обвалившийся минарет у мечети в своем собственном квартале?

Вообще-то, Сами-паша тоже был убежден, что школы важнее мечетей, но, читая эту статью, чуть не задохнулся от гнева.

И дело тут было не столько в пренебрежительном тоне, в котором Манолис писал о мусульманах, хотя тон этот тоже покорибил губернатора, а в том, что в греческой прессе снова вспомнили о Восстании на паломничьей барже.

---

<sup>82</sup> *Рюштийе* – средняя школа в Османской империи.

## Глава 16

Ранним утром того дня, когда должно было состояться собрание Карантинного комитета, доктор Нури приехал в больницу «Хамидийе». У входа он стал свидетелем спора между мусульманской семьей и чиновником, которого часто видел в резиденции губернатора, и поспоспешествовал тому, чтобы больного кузнеца положили на освободившуюся койку в переполненной палате.

За последние три дня количество больных, приходящих в «Хамидийе», увеличилось вдвое. В графе «причина смерти», где раньше врачи писали «дифтерия» или «коклюш», теперь в подавляющем большинстве случаев значилась чума.

Два дня назад из гарнизона доставили новые койки и разместили их на втором этаже, но и они почти все уже были заняты. Доктор Илиас и единственный на острове врач-мусульманин Ферит-бей делали пациентам перевязки, вскрывали бубоны, спешили от койки к койке.

Один молодой человек, узнав доктора Нури, подозвал его к постели матери, но пожилая женщина лежала в бреду, обливаясь потом, и даже не поняла, что к ней подошел врач. Доктор Нури открыл окно и, подобно многим медикам, ухаживающим за больными чумой, спросил себя, есть ли от лечения хоть какая-то польза. Некоторые врачи вели себя просто героически, пытаясь облегчить страдания пациентов, и очень тесно общались с ними.

В углу каждой палаты стояли бутылки с дезинфицирующей жидкостью. Доктора то и дело подходили туда, чтобы смочить руки, встречались там друг с другом, обменивались парой фраз. Один раз доктор Ферит, кивнув на бутылку с уксусом, произнес с едва заметной улыбкой:

– Знаю ведь, что особой пользы в этом нет, а все равно руки протираю, – и рассказал, что вчера вечером у молодого доктора Александра открылись жар и озноб и он, доктор Ферит, отправил его домой, велел не приходить наутро, если жар не спадет.

Дамат Нури помнил, как самоотверженно и бесстрашно работал молодой медик.

– Врачи и санитары знакомы с холерой, но как защитить себя от чумы – не знают, – вступил в разговор доктор Илиас. – Больной может внезапно кашлянуть тебе в лицо – и все, ты заразился. Следовало бы разработать какие-то правила на сей счет.

До заседания Карантинного комитета успели еще съездить в квартал Ора, в больницу Теодоропулоса, из одного конца города в другой. По дороге не разговаривали. Глядя на встревоженные лица людей, молча сидящих у своих домов, врачи понимали, что в переулках, по которым проезжает бронированное ландо, куда больше больных и умерших, чем они полагали. Горожан потихоньку охватывал страх смерти, однако паники, которую обоим докторам случалось наблюдать во время эпидемий, пока не было. В пекарне Зофири, знаменитой своими миндальными курабье и чуреками с розовым сиропом, не толпились покупатели. Однако парикмахер Панайот уже усадил в плетеное кресло ресторатора Димостени, который каждое утро приходил к нему бриться. Закусочные, лавки, кафе на проспекте и площади Хамидийе были открыты. За оградой одного из домов в переулке рядом с площадью врачи увидели рыдающего ребенка, а в глубине сада – сидящих в обнимку женщин, одна из которых, должно быть, пришла выразить соболезнования.

Перед больницей Теодоропулоса собралась устрашающих размеров толпа. Не оставалось сомнений, что эпидемия успела распространиться шире, чем они думали. Кроме того, убийство Бонковского и то обстоятельство, что султан сразу же прислал для введения карантина другого человека, недвусмысленно дали всем понять, что зараза, пришедшая на остров, это именно чума.

Пройдя внутрь, доктор Нури застал в переполненных палатах беспорядок и суматоху. Старик, что два дня назад все дремал, и обессиленный портовый грузчик умерли и упокоились в земле. Рядом с недавно поступившей гречанкой сидели две женщины и мужчина.

– Не пускайте больше родственников в больницу! – распорядился доктор Нури.

Доктор Михаилис собрал всех врачей в пустующей подвальной комнате, где дамам Нури рассказал коллегам, как в Китае немало медиков погибло, заразившись во время осмотра или вскрытия бубона, когда пациент внезапно дергался, чихал, блевал или плевался. Затем он поведал историю, услышанную на Венецианской конференции от английского собрата по ремеслу: в Бомбее чумной пациент, у которого ошибочно диагностировали дифтерию, закашлялся в предсмертных судорогах и капельки слюны попали в глаз санитару. Глаз немедленно промыли большим количеством противодифтерийного антитоксина, однако через тридцать часов санитар заболел и спустя четыре дня точно так же скончался в бреду и конвульсиях.

Эти упомянутые им тридцать часов стали предметом оживленного обсуждения: столько ли времени обычно проходит между проникновением микроба в организм и появлением первых симптомов? В Измире, сообщил доктор Илиас, бывало по-разному, и, поскольку человек не замечает ни как заражается сам, ни как заражает других, эпидемия будет распространяться быстро и скрытно, пока повсюду в городе люди не начнут вдруг умирать повально, как это случилось с крысами.

– К сожалению, именно это и происходит, – проговорил доктор Никос, и дама Нури очередной раз убедился, что глава карантинной службы винит в преступном промедлении не только губернатора и Стамбул, но и своих коллег.

– При таком повороте событий надо закрывать рынки, лавки, всю торговлю, – объявил доктор Илиас.

– По моему убеждению, сейчас будут уместны все меры изоляции, – согласился с ним доктор Нури. – Однако, даже если народ поначалу подчинится запретам, это не отменит того, что зараза уже распространилась. Люди будут умирать по-прежнему. И тогда пойдут толки о бесполезности карантинных мер.

– Не будьте таким пессимистом, – укорил его доктор Илиас.

Тут все заговорили разом. Из писем Пакизе-султан становится понятно, что на самом деле заседание Карантинного комитета началось здесь, в подвале больницы Теодоропулоса. Все присутствующие хотели, чтобы из Стамбула прислали докторов – разумеется, по возможности мусульман – и медицинские материалы.

Один из врачей заметил, что теперь, когда эпидемия успела разрастись, поставить заслон дальнейшему распространению заразы будет очень непросто, в особенности на некоторых улицах кварталов Вавла и Герме, и спросил доктора Илиаса, какие меры принимал в таких случаях Бонковский-паша.

– Он был безусловно убежден в действенности карантина и изоляции, – ответил доктор Илиас. – Одного лишь истребления крыс недостаточно. Паша держался того мнения, что при нехватке дезинфицирующих растворов целесообразно, опираясь на поддержку военных, освобождать дома и сжигать их. Семь лет назад эпидемию холеры в Ускюдаре и Измите удалось остановить, предав огню наиболее зараженные дома, – тогда в пепел обратили целые кварталы. Его величество султан очень пристально следил за развитием событий.

На этом собрание и кончилось: стоило разговору перейти на Абдул-Хамида, как все по привычке замолчали – никому не хотелось пасть жертвой доноса.

## Глава 17

Центральный почтамт вилайета Мингер открыли двадцать лет назад, когда колагасы Камилю было одиннадцать. Церемония выдалась пышной, незабываемой. (В разгар празднования один школьный учитель, грек, упал в море, захлебнулся и утонул.) До открытия почтамта телеграфная станция находилась в резиденции губернатора, в таинственной комнате, где время от времени что-то позвякивало, а старое почтовое отделение, по большей части разбившееся с посылками, располагалось в ветхом здании рядом с таможней. Маленький Камиль никогда не бывал ни там ни там.

Но после открытия центрального почтамта Камиль не упускал возможности уломать отца сходить с ним туда или хотя бы пройти мимо величественных дверей. Чего только не было за этими дверями: заключенные в рамочки тарифы, разноцветные почтовые конверты, открытки, серии марок с османскими и чужеземными цифрами<sup>83</sup>, разнообразные таблички и карта Османской империи, необходимая для того, чтобы понимать, как применяются тарифы. Карта, к сожалению, была не совсем верна, что однажды привело к спору между сотрудником почтамта, который требовал заплатить по международному тарифу, и клиентом, который, ссылаясь на устаревшую карту, утверждал, что отправляет свою посылку в вилайет Османской империи.

По правде говоря, османское почтовое ведомство и телеграфная служба объединились еще тридцать лет назад, и центральные почтамты открывались по всей империи (тогда значительно более обширной) еще при султанах Абдул-Азизе (который, как говорили, недолюбливал Мингер), в 1870-е годы, однако до острова черед дошел только при Абдул-Хамиде. При нем же в Арказе появились больница, полицейский участок, мост и военная школа; и не будет преувеличением сказать, что жители острова поэтому очень любили султана.

Каждый раз, завидя издали здание почтамта и уж тем более поднимаясь по ступеням к его внушительным дверям, колагасы испытывал такое же волнение, как и в детстве. В те годы час, когда на почтамт доставляли тюки с парохода, пришедшего из Стамбула, Салоник или Измира, был самым важным часом недели. У дверей собирались господа, ожидающие писем, лавочники, заказавшие доставку товара по почте, слуги, горничные, секретари и чиновники. Вообще-то, заказные письма с написанным на конверте адресом должны были разносить по домам, однако подобная корреспонденция стоила дороже, да и разносили ее очень долго, так что все предпочитали пройти до почтамта. (Адреса тогда писали как в голову взбредет, а некоторые, дабы письмо не потерялось по дороге, присовокупляли к адресу молитву.)

Большую часть толпы составляли зеваки и дети, пришедшие просто так, поглазеть. Некоторые с любопытством наблюдали, как вносят через задний вход вскрытые на таможне тюки и посылки, а потом раздают их тем, кому они предназначались. Если тюки и посылки доставляли из порта на телеге, медленно взбирающейся по склону, ребячьи бежала следом. В годы расцвета торговли мрамором на Мингер заходил итальянский пароход «Монтебелло», посещавший по пути в Триест многие острова. Камилю очень нравился этот корабль, у которого были свои особые марки, своя разноцветная таблица тарифов и собственная тележка для развозки почты. И еще он любил смотреть, как посылки, адресованные в дальние уголки острова, перегружают в почтовые экипажи и передают конным почтальонам. Обычно пожилой служащий почтамта, грек, поднимался на возвышение, украшенное тугрой<sup>84</sup> султана Абдул-Хамида, и начинал раздавать письма и пакеты, громко называя имена адресатов; если же те не откликались, он, обра-

---

<sup>83</sup> В османской письменности цифры обозначались буквами арабского алфавита.

<sup>84</sup> *Тугра* – персональный знак султана, содержащий его имя и титул, написанные каллиграфической арабской вязью. В Османской империи тугра ставилась, в частности, на всех государственных документах.

щаяся к толпе, просил: «Передайте такому-то, что для него есть письмо, пусть пошлет кого-нибудь на почту!» Раздав все, что было, почтарь объявлял тем, кто остался с пустыми руками: «Для вас сегодня ничего нет, теперь ждите парохода из Салоник в четверг утром», – и уходил. Проведенное нами исследование показывает, что в 1901 году мингерский центральный почтамт входил в число пятидесяти лучших из 1360 почтамтов Османской империи. Кроме него, на острове было еще двенадцать маленьких почтовых отделений, куда почта доставлялась морем, в экипажах и верхом. Губернатор Сами-паша любил порой похвастать, что по его распоряжению в два из этих отделений, в Херете и Кефели, проведена телеграфная линия.

Теперь у входа в почтамт был поставлен служащий, который обрызгивал всех входящих лизолом. Пройдя внутрь, колагасы с радостью обнаружил на обычном месте большие настенные часы фирмы «Тета». Прислушиваясь к эху своих шагов в просторном зале, он обвел взглядом окошки и стойки, за которыми принимали и выдавали письма и посылки, и заметил на высоких столиках для посетителей горшки с уксусом, от которых по залу распространялся приятный аромат. Почтовые служащие и клиенты избегали касаться друг друга пальцами. Колагасы знал от дамата Нури, что такие меры принимают там, где началась холера. Видимо, это было самое большее, что здесь смогли сделать. (Тут нам хочется сообщить читателю: колагасы стоял ровно на том месте, где Бонковскому-паше пришла в голову мысль улизнуть из почтамта через открытую заднюю дверь.)

Директор почтамта Димитрис-эфенди, как и все в Арказе, был в курсе, что колагасы прибыл на остров на пароходе «Азизийе», и слышал о недавнем замужестве трех дочерей Мурада V. Взвешивая тяжелый и толстый конверт с печатью, он прочитал написанное на нем и понял, что это письмо одной представительницы Османской династии другой, так что обращаться с ним надлежит особенно аккуратно.

Колагасы часто приходилось отправлять письма из портовых городов империи в Стамбул. При отправке простого письма из одного порта в другой достаточно было наклеить на конверт марку стоимостью в двадцать пара<sup>85</sup>. Если в каком-нибудь отдаленном городке (вроде Айнарора, Караферье или Аласонья<sup>86</sup>) в привокзальном почтовом отделении, состоящем из одной комнатки, не находилось марки в двадцать пара, почтовый служащий аккуратно разрезал пополам марку в один куруш. Глядя в табличку с тарифами, Димитрис-эфенди произвел подсчет и попросил заплатить за письмо Пакизе-султан три куруша: сорок пара по обычному тарифу, один куруш за то, что письмо заказное, и еще один за уведомление о вручении.

Колагасы был искренне уверен, что с эпидемией в ближайшее время будет покончено и Пакизе-султан с мужем, а с ними и он сам, продолжат путешествие в Китай на «Азизийе». Об этом он, не таясь, рассказал Пакизе-султан, когда объяснял ей, почему не согласился заплатить за уведомление о вручении. Это признание, которое с удивлением обнаружат в письмах Пакизе-султан те, кто будет их читать, несомненно, свидетельствует, что на тот момент молодому офицеру даже в голову не приходило, какую великую историческую роль суждено ему сыграть.

Колагасы Камиль взял кисточку из баночки с клеем и приклеил на конверт две марки с тугрой Абдул-Хаида, изящными голубыми узорами, звездой и полумесяцем. Димитрис-эфенди поставил на марки два штемпеля, а колагасы тем временем повернулся к часам на стене.

Подходя к этим большим настенным часам фирмы «Тета», он признался самому себе, что из-за них-то в первую очередь его всегда так тянуло на почтамт и что всякий раз, когда в далеких городах ему вспоминается родной остров, на ум приходят эти часы. А почему, собственно,

<sup>85</sup> *Пара* – мелкая денежная единица в Османской империи. Сорок пара составляли один куруш.

<sup>86</sup> *Айнароз* (Айнороз), *Караферье*, *Аласонья* – населенные пункты на севере нынешней Греции. (Ныне они носят названия Афон, Верия и Эласон соответственно.)



он и сам толком не понимал. Да, двадцать лет назад, когда он впервые пришел сюда, отец сначала с благоговейным видом показал ему тугру Абдул-Хамида у входа, а затем с теми же благодарностью и восхищением в голосе проговорил: «Смотри, сынок, это тоже дар его величества» – и подвел к часам фирмы «Тета», на циферблате которых (и на это также отец обратил внимание Камиля), как и на османских марках, были и арабские, и европейские цифры. В тот день отец рассказал ему, что для европейцев двенадцать часов – это не время восхода и заката солнца, как для мусульман, а полдень, когда солнце стоит в зените. На самом-то деле маленький Камиль знал об этом (благодаря звону церковных колоколов), но то было неосознанное знание, и, может быть, оттого он ощутил беспокойство, которое мы вправе назвать «метафизическим». Могли ли два разных циферблата с разными цифрами показывать одно и то же мгновение? И если султан, который, едва взойдя на трон, повелел построить в столице каждого вилайета Османской империи по часовой башне, желал, чтобы их часы повсюду показывали одно и то же время, то почему на них были нарисованы и арабские, и европейские цифры? Повзрослев, колагасы Камиль испытывал то же самое «метафизическое» беспокойство каждое лето, когда перелистывал и читал наугад пожелтевшие страницы старой книги с оторванной обложкой – книги о Великой французской революции и Свободе.

Возвращаясь с почтамта в резиденцию губернатора, где он должен был принять участие в заседании Карантинного комитета, колагасы Камиль некоторое время бездумно, словно сбившись с пути или поддавшись неким чарам, бродил по улицам вокруг часовой башни, которую начали возводить, да так и не достроили к двадцатипятилетию правления султана.

## Глава 18

Заседание Карантинного комитета Мингера, в котором приняли участие девятнадцать его членов и председатель, состоялось в первый день мая. Поскольку за последние двадцать пять лет ни одной серьезной эпидемии на острове не случалось, комитет существовал, по сути, только на бумаге, и это было первое серьезное его заседание. Глава православной общины и настоятель собора Святой Троицы, обладатель пышной бороды Константинос Ланерас и настоятель церкви Святого Георгия, страдающий астмой Иставракис-эфенди надели самые красивые свои рясы, клобуки, омофоры и большие нагрудные кресты.

Если не считать доктора Илиаса и дамату Нури, все члены комитета знали друг друга давно. Бывало, когда между общинами острова возникали распри из-за похищенных девушек, губернатор вызывал их в этот самый кабинет, чтобы выслушать стороны и, слегка пожурив, но никого не отправив в тюрьму, примирить. Или же когда требовалось протянуть новую телеграфную линию в один из городков внутренней части Мингера, Сами-паша, убежденный, что жители острова обязательно должны внести в это дело свой вклад, усаживал кое-кого из них вокруг старого деревянного стола и заводил душещипательные речи о любви подданных к его величеству.

Главы общин, владельцы аптек, консулы, военные из гарнизона, сам господин губернатор – словом, все знали, что чума, начав распространяться из западной части порта вверх по близлежащим холмам, успела очень сильно затронуть расположенные там мусульманские кварталы, и открыто говорили, что кварталы эти, в частности Герме, Чите и Кадирлер, необходимо окружить санитарным кордоном, дабы пресечь дальнейшее распространение заразы. Там ежедневно умирало уже по четыре-пять человек, однако заразившиеся чумой вольны были, как и прежде, свободно перемещаться по городу.

А еще шепотом переговаривающиеся члены комитета до начала заседания пришли к согласию относительно того, что убийство Бонковского-паши носило политический характер; никто, впрочем, открыто не говорил, кого следует подозревать. Один лишь французский консул месье Андон заявил, что это убийство есть не что иное, как направленный против науки, медицины и Запада удар, а нанесли его обезумевшие фанатики. И если, решительно прибавил французский консул, господин губернатор в самое ближайшее время не найдет убийц и тех, кто за ними стоит, это нужно будет расценивать как своего рода вызов европейским державам.

Решения, которые надлежало принять Карантинному комитету вилайета Мингер, были накануне вечером, пункт за пунктом, телеграфированы из Стамбула Министерством здравоохранения Османской империи. В Стамбул же список необходимых мер, то и дело обновляемый и корректируемый, передавали, опять-таки по телеграфу, из Международной карантинной службы. Мингерскому Карантинному комитету полагалось сообразовать предписанные меры с обстановкой, сложившейся на острове, официально объявить о введении этих мер и обеспечить их исполнение.

Все школы закрывались на каникулы. Этот пункт даже не обсуждали. Большинство родителей и так уже перестали пускать туда своих чад. По школьным дворам шатались только ребята из неблагополучных семей, где детьми не очень-то интересовались. Однако вопрос о государственных учреждениях – какое не закрывать, а какому приостановить свою работу – предоставили решать самим этим учреждениям и их начальникам. Начиная с утра третьего дня после заседания под карантин попадали все суда, приходящие на остров из Александрии, Северной Африки, Суэцкого канала, близлежащих островов и вообще с Востока. Они рассматривались как «безусловно заразные», и все их пассажиры могли ступить на берег лишь после пяти дней изоляции. Также было решено применять пятидневный карантин ко всем судам, отправляющимся с острова.

Составление и утверждение списка товаров, запрещенных к ввозу и продаже (схожего с тем, что составляли во время холеры), сильно затянулось.

– Не скупимся же мы на запреты, паша! – изрек обычно немногословный германский консул Франгули. – Можно подумать, что чем больше мы всего запретим, тем быстрее кончится эпидемия.

Губернатор удивленно поднял брови, поскольку знал, что членам комитета, как и многим другим знакомым ему чиновникам и государственным деятелям, возможность что-нибудь запретить только в радость:

– Не беспокойтесь, Франгули-эфенди! Когда мы развесим по городу объявления о запретах, все так перепугаются, что начнут немедленно их соблюдать, и нам не понадобится помощь ни военных, ни полиции.

Пункт о том, что все трупы надо хоронить в извести под присмотром властей, вызвал споры. Пожилой врач-грек Тасос-бей заявил, что применять эту меру будет непросто, особенно к покойным из среды фанатично настроенных бедных мусульман, поскольку неизбежно возникнут конфликты, и лучше бы в такие места направлять вместе с врачом не обычную карантинную стражу, а солдат из мингерского гарнизона. Так впервые всплыл вопрос о необходимости обратиться к помощи военных. Губернатор был убежден, что власть, которая не способна обеспечить дезинфекцию зараженных домов и обработку трупов известью, не сможет остановить эпидемию, и возражать не стал.

Вслед за этим было принято решение, как и предписывал Стамбул, немедленно дезинфицировать вещи умерших от чумы. Властям следовало объявить утвержденную стоимость дезинфектанта и пресекать продажу его на черном рынке. Было запрещено притрагиваться к вещам умерших, забирать их, использовать и продавать, а также входить в дома, где кто-то скончался от чумы, до тех пор пока эти вещи и дома не будут продезинфицированы и пока не последует разрешение медицинских работников. Все лавки старьевщиков постановили продезинфицировать и закрыть.

Скептически настроенные консулы и усталые врачи задавали вопросы о том, найдется ли на острове достаточно пожарных, которых можно привлечь к этому делу, и работников карантинной службы, хватит ли лизола и прочих дезинфицирующих веществ, но губернатор, уже не слушая возражений, велел секретарю внести решения в протокол. Согласились также поощрять борьбу с крысами, заказать в Измире, Салониках и Стамбуле крысоловки и яд и платить за каждый крысиный труп по шесть курушей из городской казны.

Перехватив недоверчивые взгляды некоторых членов комитета, заговорил дамад Нури:

– Остановить передвижение крыс – первое, что необходимо сделать.

Он рассказал, что во внутренних районах Индии скорость распространения чумы определялась не быстротой перемещения из одной деревни в другую людей, в страхе бегущих от болезни, а именно проворством крыс. Там, где проходила железная дорога и крысы, а вместе с ними и блохи, имели возможность забираться в поезда, чума распространялась гораздо быстрее обычного. А в тех местах, где сознательное население совместно с властями ополчалось на крыс, а также на кораблях, очищенных от грызунов, эпидемия замедлялась и затухала.

Доктор Нури напомнил и еще об одной истине: возбудитель чумы был открыт, а вот действенной противочумной вакцины пока не создали. В прошлом году в больницах Индии пробовали вводить пациентам различные дозы чумной сыворотки, однако это не улучшало сколько-нибудь заметно их состояния. Иными словами, заразившийся чумой человек в зависимости от возможностей своего организма или выздоравливал (некоторые даже не заболели), или через пять дней умирал. Кроме того, в тех местах, где не было крыс, наблюдались, пусть и редко, случаи передачи болезни от человека к человеку со слюной, мокротой и кровью. Эта пугающая неопределенность и отсутствие действенного лекарства вынуждали даже самых передовых, самых образованных врачей полагаться на изобретенный четыреста лет назад вене-

цианцами карантин и дедовские способы предохранения от заразы. Потому-то англичане, не считающие необходимым применение изоляции и санитарных кордонов в Лондоне, в Бомбее вводили эти меры силой, опираясь на войска.

Замешательство собравшихся заставило доктора Нури привести наглядный пример. Сами-паша в это время окуривал только что доставленное с почты письмо при помощи специального старинного устройства. Доктор Нури попросил пустить его по рукам и, когда устройство оказалось у него, показал, как его использовать. Такой же, только более усовершенствованный прибор он несколько лет назад приобрел в Париже, в знаменитой галерее Кольбер<sup>87</sup>.

– Извольте видеть, я тоже, как и все, иногда окуриваю письма, газеты, мелкие деньги, – сказал он. – Однако последняя, Венецианская конференция постановила, что нет необходимости дезинфицировать письма, книги и вообще бумагу, даже если они побывали в месте, где обнаружена зараза. И все же я не говорю пациентам и перепуганным людям во дворе больницы, тем, кому нужна хоть какая-то надежда, что окуривание бесполезно. И вы, господа, пожалуйста, так не говорите, иначе они и в дезинфекции разuverятся.

– Они верят только в намоленные бумажки и амулеты, – произнес кто-то тихо по-французски.

Чтобы показать, насколько затрудняется медицинская наука с ответами на вопросы о чуме, доктор Нури рассказал поразительную историю об одном враче из Гонконга, китайце, который работал в больнице «Тунва»<sup>88</sup>. Убежденный, что чума передается только через крыс и блох, а иначе ею заразиться никак нельзя, китайский доктор для доказательства этого остался спать в палате с больными – в больнице, мол, у нас чисто. И хотя в здании действительно не было ни крыс, ни блох, врач этот через три дня умер от чумы.

Рассказ доктора Нури произвел гнетущее впечатление на слушателей, что не укрылось от его взгляда.

– По моему мнению, окуна́ть металлические деньги в воду с уксусом тоже в общем бесполезно, – продолжал он. – Однако некоторые гонконгские врачи, прежде чем пощупать больному пульс, все же смачивают пальцы уксусом. Все эти предосторожности нельзя назвать совершенно бессмысленными, к тому же они обнадеживают и врачей, и пациентов. А ведь там, где не осталось надежды, вам не удастся убедить людей в необходимости соблюдать запреты, а стало быть, и с карантином ничего у вас не выйдет, хоть сколько солдат призовите на помощь. Правильно организовать карантин – значит, преодолев сопротивление людей, научить их умению оберегать самих себя.

– Стало быть, солдаты не нужны? – усмехнулся германский консул. – Да разве без военных заставишь народ слушаться?

– Без страха перед военными население не будет соблюдать запреты, – согласился французский консул. – Какие там кордоны! В кварталы, подобные Чите, Герме и Кадирлер, врачу-христианину нельзя будет даже зайти – сразу нападут, если, конечно, ему не хватит ума спрятать свой докторский чемоданчик. Очень хорошо, господин губернатор, что вы посадили в тюрьму этого Рамиза. Будет лучше, если он там и останется.

Губернатор попросил консулов воздержаться от предвзятости (это слово он произнес по-французски) в отношении любых текке, общин и даже отдельных лиц и заявил, что причин для тревоги нет, все меры будут неукоснительно соблюдаться.

– В таком случае нужно немедленно перекрыть все входы и выходы в Кадирлер, Чите и Герме! – провозгласил французский консул. – Там такой народ... Покойника из дому едва успели вынести, а они уже в его одежде преспокойно разгуливают по проспекту Хамидийе, по мосту, по рынкам, по набережной, в лавки заходят, в самую толпу лезут! Если сейчас же

---

<sup>87</sup> В этой парижской галерее, построенной в 1826 году, располагались модные бутики и галантерейные магазины.

<sup>88</sup> «Тунва» – первая в Гонконге общедоступная больница, открытая в 1872 году.

не установить санитарный кордон, через неделю на острове не останется ни одного здорового человека.

– А может, мы все уже и заразились, – проговорил настоятель Иставракис-эфенди, перекрестился и зашептал молитву.

– Кстати, шейх Хамдуллах не распространяет амулеты и намоленные бумажки, – сказал губернатор, – и не пишет кисточкой заговоры на руках и груди у несчастных больных, как это делают некоторые шарлатаны. Мы в этом уверены!

Узнав от самого губернатора, что тот следит за шейхом и держит его под контролем, консулы на некоторое время успокоились. Когда же они снова начали высказывать опасения, Сами-паша заявил:

– Завтра, когда будет объявлено о введенных запретах, вы увидите, что народ охотно подчинится нашим решениям. Вчера умерло шестеро, пять мусульман и один грек. Но после наших решений количество смертей пойдет на убыль – так, как это было в Измире.

– Но что, если население не захочет подчиниться, ваше превосходительство? Солдаты откроют по упрямам огонь, как тогда по паломникам? – осведомился французский консул.

Губернатор медленно, неторопливо окуривал только что врученную ему записку (тянул время, не спеша сообщать грустную новость). Потом сказал с искренней печалью в голосе:

– Господа, доктор Александрос-бей, врач из Салоник, которого все вы знаете и любите, заболел и умер. Причина смерти...

– Разумеется, чума, – перебил его глава карантинной службы Никос.

– Если бы вы сразу признали, что на острове чума, – заметил французский консул, – возможно, сейчас нам не пришлось бы скорбеть о докторе Александросе.

– Да будет вам известно, господа, что эпидемия возникла не по вине властей! – парировал губернатор.

Члены комитета еще некоторое время пререкались друг с другом. Наконец Сами-паша, желая пресечь разгорающуюся панику, провозгласил:

– Будет уместнее, если мы продолжим разговор завтра утром! – и, резко поднявшись с кресла, свойственной ему семенящей, но стремительной походкой вышел из высоких дверей кабинета.

## Глава 19

Покинув кабинет, губернатор первым делом заглянул в соседнюю комнату, где слуги, правильно рассчитавшие, что заседание затянется до позднего часа, расставляли керосиновые лампы в изящных грушевидных абажурах с цветочными и лиственными узорами и готовились угощать членов комитета хлебом (с оливками и тимьяном), который по приказу начальника гарнизона доставили из военной пекарни. Потом он спустился по лестнице во внутренний двор, где толпились клерки, жандармы, сотрудники консульств, охранники, журналисты, военные и молодые священники. Некоторые присели на расставленные вдоль стен стулья и скамьи. В воздухе стоял запах дезинфицирующего раствора, которым старательные пожарные от души поливали всех входящих.

Усевшись в кресло, он стал читать записки, положенные секретарем на стол, и сразу понял, что очень многие не последние на Мингере люди, как мусульмане, так и христиане, просят его оказать содействие в поисках местечка на каком-нибудь из отправляющихся с острова пароходов. Билетов не осталось! Это значило, с тревогой понял Сами-паша, что с острова бегут и его резиденцию осаждают просители, слуги и швейцары из богатых домов в надежде получить билет от него, губернатора.

Тут паша заметил на столе телеграмму и, еще не отдав ее секретарю на расшифровку, догадался, о чем она: да, супруга снова вдруг решила приехать к нему на Мингер. Наверное, до особняка в Ускюдаре еще не дошли вести об убийстве Бонковского-паши и о том, что на острове эпидемия? Или, возможно, Эсма-ханым желает сказать, что не может оставить его одного в такое тяжелое время и готова самоотверженно разделить с ним все, что ему суждено пережить? Сами-паше вспомнилось обычное, терпеливое и заботливое выражение ее лица.

Губернатором Мингера он был назначен пять лет назад. Албанец по происхождению, он молодым человеком в силу случайного стечения обстоятельств попал в Египет, где его взяли работать во дворец хедива<sup>89</sup>. Там он выполнял самые разнообразные поручения, был секретарем, адъютантом, переводчиком (поскольку знал французский) и благодаря недюжинному уму быстро возвысился. Затем перебрался в Стамбул и стал служить непосредственно Османской империи, сначала состоял в должности мутасаррыфа, а потом дослужился и до губернаторского поста; получал назначения в Алеппо, Скопье и Бейрут. Пятнадцать лет назад благодаря хорошим отношениям с Кыбрылы Камилем-пашой, который тогда первый раз стал великим визи-рем, Сами-паша вошел в правительство, а потом – по непонятной причине, так и оставшейся ему неизвестной, – был отправлен в отставку. После этого его назначали только на губернаторские посты в самых разных уголках империи. Сами-паша верил, что рано или поздно Абдул-Хамид простит ошибку, стоившую ему места в правительстве, снова призовет его в Стамбул и удостоит какой-нибудь важной должности. При каждом новом назначении он, как и всякий османский губернатор, то и дело переезжающий с места на место, объяснял это не тем, что плохо справлялся с прежней работой, а тем, что Абдул-Хамид еще не забыл о нем.

Когда Сами-паша стал губернатором Мингера, супруга не поехала с ним на остров. В последние годы постоянные переезды утомляли Эсму-ханым. Необходимость опять и опять ценою больших расходов и трудов обустриваться на новом месте лишь для того, чтобы вскоре его покинуть, отравляла ей жизнь. В далеких городах, где порой и по-турецки почти не говорили, она чувствовала себя одинокой. На этот раз она сказала: «Да мы туда и доехать-то не успеем, как вас еще куда-нибудь назначат» – и осталась в Стамбуле. Однако пребывание Сами-паши на Мингере неожиданным образом затянулось на пять лет. Губернатор все сильнее страдал от одиночества и наконец сошелся с учительницей истории из греческого лица, вдовой

---

<sup>89</sup> Хедив – титул вице-султана Египта, существовавший в 1867–1914 годах.

по имени Марика. Связь эта считалась тайной, однако догадывались и сплетничали о ней на острове очень многие.

Сами-паша составил и велел зашифровать телеграмму, в которой сообщал жене и двум замужним дочерям, что очень по ним скучает, но приезжать на Мингер им ни в коем случае не следует. Потом стал ждать, когда стемнеет. В окрестностях порта было полным-полно людей, жаждущих урвать билет на пароход и улизнуть с острова. Только когда площадь Вилайет обезлюдела, когда разъехались все экипажи, губернатор пробрался к задней двери и вышел на улицу. Пахло свежим конским навозом (Сами-паше, как и большинству жителей Мингера, нравился этот запах). Нерадивые, по обыкновению, работники городской управы еще не зажгли на главных улицах керосиновые фонари, но, если бы и зажгли, все равно в полутьме никто бы его не узнал. Спешили домой женщины с детьми, рядом с лавками и магазинами просили милостыню нищие, кое-кто из прохожих что-то бормотал себе под нос, вслух разговаривая с самим собой, брели своей дорогой старики с ослепшими от слез глазами. У входа в большой магазин «Дафни» висело объявление о том, что в продажу поступили крысоловки из Измира, но сам магазин был закрыт весь день. Некоторые хитрые мясники и зеленщики, взяв пример с торговцев коврами и одеялами, попрятали свой товар, пока к ним не пришли из карантинной службы. Осведомители об этом уже докладывали, так что губернатор не удивился, увидев запертые на замок темные лавки. Закусочные еще не закрылись и по-прежнему распространяли вокруг себя запахи вареного мяса и разогретого на сковородах оливкового масла. В порту толпились празднующие зеваки. В этой части города люди вели себя так, как будто ничего не произошло. Может, им и было страшно, но губернатор ничего такого не заметил. По лицам полицейских он порой догадывался, что его узнали. Сами-паша любил ходить по городу инкогнито вечерними часами, когда еще только смеркалось.

На площади Хрисополитиссы его ждал скромный, почти незаметный в полутьме фаэтон. На козлах сидел пожилой кучер Зекерия. Аптека подлеца Никифороса была закрыта. Губернатор не сомневался, что на площади дежурит полицейский в штатском, но где он? Начальник Надзорного управления Мазхар-эфенди, человек на редкость толковый, заслуживал доверия, и все находящиеся под его началом полицейские и агенты были отлично вышколены. Губернатор очень хорошо понимал, что если его связь с Марикой еще не послужила поводом для политического скандала или афронта по дипломатической линии, то благодарить за это следует Мазхара-эфенди, который не позволяет сплетникам слишком уж распускать языки. Иногда ему казалось, что Мазхар-эфенди поддерживает непосредственную телеграфную связь если не с самим Абдул-Хамидом, то уж с Министерством двора – точно.

Губернатор сел в фаэтон. По правде говоря, тут и ходьбы было всего ничего, но зимой после прогулки по улице, превратившейся под дождем в подобие распаханного поля, сапоги становились чересчур грязными, чтобы войти в дом учительницы истории. А летом Сами-паша продолжал ездить к ней в фаэтоне просто по привычке. Маршрут был обычный: миновали особняк Мимияносов, богатого и издавна уважаемого греческого семейства, и свернули в переулки квартала Петалис. Однако на этот раз Сами-паша сошел с фаэтона не на углу, в тени конских каштанов, а на площади, выходящей к небольшой пристани.

Три располагавшиеся на площади таверны (одна из них называлась «Романтика») стояли пустые. У входа в ресторан «Бузуки» посетителей обрызгивали лизолом. Игнорируя взгляды узнавших его людей, губернатор пошел к дому своей Марики. Теперь, когда на остров обрушилась эпидемия и смерть подобралась так близко, ему вдруг показалось ненужным и унижительным по-воровски скрывать эту «тайную» связь, о которой, как он полагал, и без того все уже знают. Когда Сами-паша привычно открыл калитку заднего двора, в курятнике панически – а вдруг лиса! – закудахтали куры, но тут же смолкли, и он почувствовал, как птицы смотрят на него из темноты. Он еще только подходил к одноэтажному домику, а кухонная дверь, как

обычно, тихо открылась сама, и Сами-паша почувствовал всегдашний запах сырой, плесневелой кухни и влажного камня. Для него это был запах любви и угрызений совести.

Они обнялись и сразу же, не зажигая света, на ощупь пробрались в комнату, где их ждала постель. Губернатор, как обычно, не стал отдаваться любви безоглядно и целиком, это казалось ему несолидным; ему хотелось время от времени приостанавливаться, чтобы почувствовать, как подобает осторожному государственному деятелю, что он полностью владеет ситуацией. Но Марика обнимала его сильно-сильно, как ребенок обнимает мать, которую потерял и снова нашел в толпе. К концу дня, полного тревожных новостей, она слишком измучилась от одиночества, чтобы бояться выглядеть несдержанной. И они долго, очень долго не могли остановиться.

Потом, когда сели за ужин, Сами-паша сказал:

– В верхних кварталах, в Оре и Флизовсе, очень многие закрывают дома и уезжают. Ангелосы, которые являются каждый год по весне, приказали было эконому готовить дом к их прибытию, но потом телеграммой распорядились, чтобы он пока не торопился. Теперь просят достать билет для племянника. Торговец мрамором Сабахаттин тоже хочет сбежать, ищет билет.

Марика рассказала, что случилось с невесткой Каркавицаса, богатого владельца каменоломен, родом из Салоник, которая жила через две улицы от нее выше по склону. Та, по своему обыкновению, перед Пасхой приехала в заранее подготовленный для нее особняк, больше похожий на дворец, и вместе с экономом и сестрой отправилась за покупками: на любимый Старый рынок, к торговцам пряностями, в знаменитую зеленую лавку актара Арифа, в пекарню Зофири. Зашла она и в лавку, где торговали куриным мясом, и там увидела хозяина, который валялся в углу без сознания, а на шее у него был бубон! Невестка Каркавицаса тут же вернулась к себе, закрыла дом и поутру отбыла в Салоники.

– Нет, не отбыла, – покачал головой Сами-паша. – Они не смогли купить билет ни на пароход «Ллойда», ни на корабль «Маритим», пришедший вне расписания, и обратились ко мне за помощью. А ведь эти семьи куда более дружны с консулами, чем я.

Они немного помолчали. В облике Марики присутствовала какая-то благородная простота. Возраст ее подходил к сорока, она была высокого роста, светлокочая, как мать Сами-паши, но с темными, густыми волосами. Нос тонкий и изящный, своеобразной формы. Сами-паша порой смотрел только на этот прекрасный нос.

Ставя перед губернатором тарелку, Марика сказала, что курица – ее собственная, сливы – из своего сада, а муку доставили из гарнизона десять дней назад.

– В гарнизонной пекарне пекут чудо какие вкусные чуреки, – продолжала она. – Чума с едой ведь тоже передается, паша?

– Не знаю, – ответил губернатор и, помолчав, добавил: – Курицу-то можно было и не резать! – так, словно имел в виду, что в этот день и без того было слишком много крови. А потом, с удивившей его самой прямоотой, высказал то, что только сейчас пришло ему на ум: – Через несколько дней у нас начнется карантин. Иначе англичане и французы обязательно потребуют, чтобы все пассажиры и грузы, находящиеся на кораблях, которые заходят в нашу гавань, выдерживали пятидневную изоляцию, как было в Измире. После этого выбраться с острова будет куда сложнее и дороже. Кроме того, вслед за объявлением карантина пароходные компании сократят количество рейсов. Не я один об этом подумал, потому и билетов в кассах не осталось, их едва ли не приступом взяли. Но я приберег для тебя, твоего брата и племянника билеты на пароход «Мессажери маритим», который завтра в полдень уйдет в Салоники.

На самом деле он не придерживал никаких билетов, но знал, что добыть их в случае необходимости сможет.

– Что вы хотите этим сказать, паша?



– Мадам Марика, если вы не сможете собраться до завтрашнего дня, то, думаю, последний корабль, которому удастся избежать карантина, уйдет послезавтра. Если хочешь, я тотчас найду билет на пароход «Пантелеймона».

– А как же вы, паша? Вы когда уедете?

– Что ты такое говоришь! Я должен оставаться здесь, на своем посту, до самого конца этой напасти.

Наступила тишина. Губернатору хотелось разглядеть выражение лица Марики, но было слишком темно.

– Мое место – рядом с вами.

– Это не шутки! Бонковского-пашу убили, а человек он был великий!

– Кто, по-вашему, его убил?

– Конечно, это могло быть и непредумышленное убийство. Прискорбное стечение обстоятельств. Одно несомненно: есть те, кто желает, чтобы зараза распространилась как можно шире, а мусульмане и христиане между тем ополчились друг на друга, и можно будет половить рыбку в мутной воде. После гибели Бонковского-паши они стали угрожать доктору Илиасу. Бедняга не чувствовал себя защищенным в гостевом доме.

– Когда вы рядом со мной, паша, мне не страшно.

– А лучше бы ты боялась! – произнес губернатор и положил руку на колено любимой. – Консулы, торговцы, ходжи станут протестовать против каждого запрета. Эпидемия будет разрастаться – в этом я уверен. И, сражаясь с чумой, мы будем вынуждены одновременно остерегаться убийц!

– Не падайте духом, паша. Я стану делать все, как вы скажете, буду осторожна с едой. Запру дверь, никого на порог не пушу, и со мной ничего не случится.

– Кому-нибудь надо будет приносить тебе хлеб, воду, немного слив или черешни. Положим, их ты непустишь, но есть еще твой брат и племянник. Или пожалеешь соседского ребенка, откроешь ему дверь. А мне разве не откроешь? Я ведь тоже могу принести в дом чуму.

– Паша, если вы заразитесь, то пусть и я заболею. Я лучше умру, чем не пушу вас к себе в черный день.

– Может начаться настоящее светопреставление, – безжалостно продолжал Сами-паша. – А в Судный день, как сказано в Коране, мать не узнает сына, дочь – отца, жена – мужа.

– Еще немного – и я расценю вашу настойчивость как оскорбление, паша.

– Я знал, что ты так скажешь.

– Тогда зачем же вы настаиваете, чтобы я уехала, разбивая мне сердце?

В этих словах Сами-паша услышал не столько гнев, сколько желание затеять обычную любовную игру, состоящую из кокетства и маленьких притворных ссор, и успокоился. Если бы Марика приняла ислам, он мог бы, как это делали некоторые мутасаррыфы, взять ее в дом второй женой, даже не извещая об этом первую, оставшуюся в Стамбуле. Но Сами-паша занимал высокий пост в бюрократической структуре Османской империи. Еще важнее было то, что в последние годы переход христиан в мусульманство вызывал протесты консулов и послов, которые каждый раз твердили о насилии и принуждении, раздувая такие случаи и придавая им политическую окраску. Это раздражало Стамбул, а раздражать Стамбул губернатору хотелось меньше всего.

– Ах, паша, что же теперь будет? Чем мы провинились? Что нам делать?

– Нужно слушать, что говорю я, что говорит власть, и подчиняться. Не верь слухам. Государство держит ситуацию под контролем.

– Вы бы только знали, что говорят! – подхватила Марика.

– Расскажи-ка.

– Болтают, будто эту так называемую чуму привез Бонковский-паша, а сейчас, когда его убили, она осталась без хозяина и бродит по городу, как потерявшийся ребенок. Будут еще смерти.

– Еще что?

– Кое-кто, увы, утверждает, что никакой чумы нет. Даже среди греков такие есть.

– Ну, теперь-то, думаю, подобной чепухи уже не несут. Еще?

– Толкуют, что чуму привезли на пароходе «Азизийе». Будто бы крысы оттуда перебрались на лодку, а потом на берег.

– Еще?

– А племянница султана, говорят, очень красивая. Это правда?

– Не знаю, – буркнул Сами-паша с таким видом, будто ему предложили раскрыть государственную тайну. – И вообще, самая красивая – ты.

## Глава 20

Следующим утром перед началом заседания губернатор показал членам Карантинного комитета карту, висящую на стене в небольшой комнате рядом с его кабинетом. Отныне в соответствии с принятым накануне решением и правилами эпидемиологической науки на этой карте должны были обозначаться зараженные дома, где были зафиксированы случаи смерти от чумы. Решения о том, какие улицы и кварталы обносить санитарным кордоном, надлежало принимать, сообразуясь с этой картой.

Тут аптекарь Никифорос с преувеличенной вежливостью поинтересовался, когда же губернатор вернет ему кусок ткани с эмблемой его аптеки.

– Я присутствую на заседаниях и голосую так, как вы желаете, – прибавил он.

– Какой же вы, оказывается, настойчивый человек, Никифорос-эфенди! – проворчал Сами-паша, открывая шкафчик. – Вот, пожалуйста! – С этими словами он продемонстрировал кусок ткани членам комитета. – Полюбуйтесь!

Дамат Нури, колагасы, Мазхар-эфенди, священники и все прочие оглядели красновато-розовую ткань, на которой была искусно изображена мингерская роза. Губернатор внимательно следил за выражением их лиц.

– Всем очень понравилась ваша реклама, Никифорос-эфенди!

– Идея принадлежала Бонковскому-паше, – ответил аптекарь.

– В таком случае вы обязательно заберете свою ткань, тем более что в архивную опись ее внесли, никуда не денется. Но сейчас я отдать ее не могу, как бы мне ни хотелось. Вот когда чума кончится и мы будем торжественно праздновать этот день, я у всех на глазах вручу ее вам. Пусть все присутствующие будут свидетелями.

– Вам виднее, ваше превосходительство, – насупился Никифорос.

– Ткань, конечно, ваша... Но мингерская роза принадлежит всему народу.

Историки впоследствии спорили о том, кого имел в виду губернатор Сами-паша, говоря о «всем народе», – жителей острова или же население всей Османской империи.

Вернув ткань в шкафчик, губернатор прошел на свое место, которое обычно занимал во время заседаний Карантинного комитета, и стал быстро зачитывать и ставить на голосование пункты, которые уже успел обсудить с даматом Нури и доктором Илиасом: о том, что часть крепости (в частности, один из ее больших дворов) выделяется под зону изоляции; о том, на каких участках за пределами города будут устраивать новые кладбища; о мерах по охране расселенных домов и так далее и тому подобное. Множество решений, иным из которых предстояло определить историю острова или полностью изменить облик кварталов Арказа, было принято с небывалой поспешностью. После их обнародования наибольшее недоумение у горожан вызовут два запрета: «толпиться» и «собираться группами более двух человек».

– А как же пятничный намаз и речи любимых народом проповедников, которые собирают толпы слушателей? Тоже запрещаются? – поинтересовался русский консул Михайлов.

– Такие полномочия у нас есть, однако не будем торопиться с решением, – ответил губернатор. – К тому же всегда можно прийти в мечеть в одиночку, совершить омовение и намаз, ни к кому не прикасаясь, – какой врач под каким предлогом запретит подобное?

– Тамошние старые, грязные ковры – рассадник всяческой заразы, – послышался чей-то не то насмешливый, не то жалобный голос.

– Если понадобится, мы, православные, отменим воскресные службы, – высказался глава православной общины Константинос-эфенди. – Паства с этим смирится.

После начала эпидемии церкви опустели, а вот в мечетях стало, как никогда, многолюдно. На погребальный намаз тоже собиралось необычайно много народу.

– Если зараза гнездится вокруг Каменной пристани и в бараках беженцев с Крита, то с какой стати закрывают мою одежную лавку в Эйоклиме? – спросил французский консул месье Андон.

– А потому, что оттуда до гарнизона рукой подать, – усмехнулся кто-то, но останавливаться на этой теме не стали.

Во время заседания консулы продолжали получать через своих секретарей известия о положении дел в городе. Много, о чем спорили тем днем в Карантинном комитете, разлетелось по всему Арказу в искаженном виде и множестве вариантов: кто-то что-то недопонял, что-то домыслил или просто приплел; кто-то приправил пересказ старыми обидами.

Больше всего говорили о том, что народу от чумы умирает куда больше, чем становится известно, что покойников – в особенности из числа бедняков, мусульман или беженцев с Крита – скрывают из страха перед карантинной службой, которая закрывает дом, арестует товар в лавке. На эти толки губернатор отвечал следующим образом:

– Мусульмане с величайшим почтением относятся к покойникам и – вы же сами об этом говорили – к похоронам. А потому быть такого не может, чтобы мингерцы – как нам тут рассказывают – под покровом ночи, словно воры, хоронят умерших, не прочитав над ними молитв, не совершив намаза и не обмыв тела.

– Ваше превосходительство, если вы распорядитесь подать бронированное ландо, мы вас быстренько свозим за военную школу, к старой Каменной пристани! – не сдавался французский консул.

– Да, мне известно, – кивнул губернатор, – что вчера вечером вы с греческим вице-консулом Леонидисом туда ездили. Но там живут не мингерцы, а переселенцы.

– А критянина, который по ночам расхаживает с полной корзиной мертвых крыс и распространяет чуму, вы там не видели? – любопытствовал английский консул месье Джордж, известный тем, что никогда не упускает случая пошутить. (Он как раз был природный англичанин и настоящий консул.)

– Столько людей верит в эти истории, что и я, глядишь, поверю.

– Мы знали, что чуму сеет дьявол, но что он с Крита, не ведали!

– В былые времена, – заговорил доктор Нури, – когда во Флоренции или, скажем, в Марселе начиналась чума и местные жители понимали, что их правители не могут с ней справиться, что им не хватает для этого сил, лучшие люди города, и молодые, и старые, создавали добровольческие отряды и обходили дом за домом. Самоотверженные люди, герои, которые пекутся не только о собственной жизни и готовы пожертвовать собой ради общего спасения, есть и на этом острове.

– Такие, как доктор Александрос?

– Может, у нас и есть такие, кто решился бы на жертву ради Мингера. Но теперь, когда все друг на друга ополчились, добровольцев не найдется.

– В наши дни не так-то просто убедить мусульманина пожертвовать собой ради христианина, а христианина – ради мусульманина. Подумайте, по чьей вине мы до такого дошли.

– В мусульманских кварталах должны действовать добровольцы-мусульмане, в христианских – греческая молодежь, – не сдавался английский консул.

– Есть еще способ: перенять тот образ действий, который англичане с успехом практикуют в Индии.

– Мы только сейчас от вас узнали, что англичане в Индии, оказывается, успешно борются с чумой.

– Там, где никто не хочет быть добровольцем и не понимает, зачем это нужно...

– Военные их насильно добровольцами сделают!

– Нет, господа! – вмешался дамад Нури, с улыбкой глядя на русского консула Михайлова. – В этом случае по домам будут ходить не добровольцы, а солдаты.

Наступила тишина.

– Нашим арабам поручать такое нельзя, – сказал начальник Надзорного управления.

После Восстания на паломничьей барже Абдул-Хамид сместил с должности начальника гарнизона, а составлявшие гарнизон четыре роты разослал по разным уголкам империи. Взамен на остров прибыли из Дамаска, из Пятой армии, две роты, укомплектованные арабами, не знавшими турецкого языка. Командиру этих солдат был дан приказ не вмешиваться в политические и карантинные дела, а только ловить в горах бандитов из греческих шаек.

– Давайте не будем смотреть на дело в таком мрачном свете, – предложил губернатор. – Пока добровольцы осматривают дома и особняки, солдатам нет нужды входить с ними внутрь. Они будут просто дежурить с оружием на улице, а если начнется неурядица – вмешаются. Надо лишь выдать им порох и патроны.

– Как бы эти солдаты, говорящие только по-арабски, снова по ошибке не начали стрелять в народ! – не удержался французский консул.

– Для того чтобы наилучшим образом организовать отряды добровольцев, своего рода добровольческую армию, из жителей вилайета Мингер, его величество султан направил к нам из Стамбула колагасы Камиля, – объявил губернатор. – Этот отважный молодой офицер сегодня присутствует на нашем заседании!

Колагасы, сидевший на одном из стульев, расставленных вдоль стен для секретарей и военных, вскочил на ноги, покраснев от смущения, и поприветствовал членов Карантинного комитета. (В голове колагасы промелькнула мысль о том, что звание у него низковато для его возраста.) На место он садился уже командиром особого подразделения, которое надлежало сформировать для поддержки введенных в вилайете карантинных мер. Было решено немедленно приступить к набору солдат в подразделение.

– Из Стамбула уже ассигнованы средства для выплаты жалованья добровольцам! – солгал губернатор.

– Ваше превосходительство, никогда эти средства не придут! – смело заявил английский консул месье Джордж, выразив тем самым мысли всех участников заседания. Ибо никто не говорил об этом вслух, но все понимали, что Стамбул и, увы, его величество султан думают прежде всего о себе.

Чтобы приободрить членов Карантинного комитета, губернатор счел нужным вставить еще несколько слов:

– Человеческий долг всех жителей острова – не допустить, чтобы те, кто собирается завтра сесть на пароход и покинуть наш вилайет, привезли заразу в Стамбул, разнесли ее по всей Османской империи и даже Европе.

Еще не договорив, Сами-паша почувствовал безмолвное недовольство сидящих за столом. На самом деле он и сам – безотчетно, в глубине души, – разделял его. Карантинные запреты, предписанные Стамбулом, были призваны в первую очередь не спасти мингерцев, а уберечь от эпидемии все государство.

Затаенный гнев на Стамбул порой находил мишень поближе – губернатора. Однако, как ни настаивали консулы и врачи, на втором заседании тоже не удалось принять решение о строгом санитарном кордоне вокруг мусульманских кварталов и самых зачумленных улиц, где жили беженцы с Крита. Члены комитета догадывались, что причиной тому было нежелание губернатора гневить шейха Хамдуллаха (тем более что брат этого последнего Рамиз уже сидел за решеткой). Шейх мог призвать своих последователей саботировать карантин.

Еще одно решение, предложенное Стамбулом, заключалось в том, чтобы сжигать зачумленные дома, дезинфекция которых обойдется слишком дорого. Хозяевам сжигаемых домов и вещей полагалось справедливое денежное возмещение, которое должна была назначать комиссия из семи человек, представителей общин и чиновников мингерского Казначейства, чьи решения невозможно было бы оспорить.

– Главное, чтобы в казне нашлись деньги на эти выплаты! – буркнул немецкий консул.

– Неужто власти, которым не хватает храбрости поставить санитарный кордон, осмелятся жечь дома мусульман? – подхватил французский консул.

– Помощник Бонковского-паши, да будет земля ему пухом, доктор Илиас нам вчера сказал, что его величеству очень хорошо известно: семилетней давности эпидемию холеры удалось остановить только благодаря сожжению наиболее зараженных зданий.

– Вчера вы заявили нам, – сказал доктор Никос, взглянув на доктора Илиаса, – будто бы его величество своими устами изволил говорить Бонковскому-паше, что настаивает на предании огню зараженных домов.

– Нет, такого я не говорил, – возразил доктор Илиас.

– Говорили, а теперь отказываетесь от своих слов. Что, боитесь?

– Это вопрос не смелости, но меры, – пришел на помощь коллеге доктор Нури. – В деревнях вокруг Бомбея сегодня сжигают мусорные кучи, лачуги и хибары, чтобы остановить распространение заразы. Однако в десяти километрах к западу, в центре Бомбея, не трогают даже самые зачумленные многоэтажные дома – только окружают всю улицу или квартал санитарным кордоном. Если это удастся сделать, шествие чумы замедляется. – Доктор Нури немного помолчал, желая увидеть, какое впечатление произвели его слова на членов комитета, и продолжил: – Любая мера должна быть уместной. Одежду покойных и другие зараженные вещи продолжают сжигать в Аравии, в Хиджазе, теперь начали жечь в Китае и Индии. Когда во время холеры предают огню грязные трущобы, удаляют из портов и с центральных улиц безработных, бродяг и нищих, это порой рассматривают как возможность изменить лицо города: построить новые, современные кварталы и разбить полезные для здоровья парки.

– Мы такого не хотим! – промолвил губернатор.

– Но нынешняя эпидемия может и не кончиться сама собой с наступлением лета, как бывало с прежними небольшими вспышками холеры, – вернул доктор Никос.

– Эфенди, отчего, по-вашему, у англичан с местными доходит до такого ожесточения? В самом деле английских офицеров и врачей убивают на улицах?

– К сожалению, дело приняло такой оборот из-за привычки британских колониальных офицеров во всем полагаться на силу и не идти на компромиссы. Англичане посылали кавалерию против невежественных крестьян, ничего не знающих ни о чуме, ни о микробах, чтобы искать среди них зачумленных, и не проявляли никакого уважения к их женам. Они разделяли семьи, отправляли подозрительных в изоляторы, больных – в клиники, даже не объясняя, почему, зачем и куда их везут. А в народе говорили, что в больницах людей травят и режут на кусочки и чума для этого лишь предлог.

– Разумеется, это все не отменяет того факта, что местное население действительно невежественно, имеет самое примитивное представление о болезнях и саботирует все карантинные меры из одной лишь злобы на англичан, – признал доктор Никос. – «Мечети – вот наши больницы» – так они говорят.

– А вы что думаете по этому поводу? – спросил русский консул Михайлов. – Не стоит ли врачам предоставить этих невежественных людей их судьбе и не лечить, раз те отвергают науку?

– Озлобленные индусы стали убивать всех попадавшихся им под руку белых людей, считая их врачами. Тогда запреты ослабили. Волнения немного утихли, но чума стала распространяться быстрее. Некоторое время англичане придерживались такого подхода: поскольку местное население бунтует против карантинных мер, мы ничего не будем делать, пока индусы сами к нам не придут и не попросят о помощи. В Калькутте это привело к очень быстрому распространению чумы.

– Позвольте мне сказать, – заговорил глава греческой православной общины, настоятель собора Святой Троицы Константинос-эфенди, все два дня по большей части молчавший.

Присутствующие с интересом и уважением повернулись к священнику, и тот произнес заранее заготовленную маленькую речь:

– Мингер не Индия, господа! Уподобление это ошибочно. И православные, и мусульмане нашего острова – люди просвещенные и цивилизованные, и потому в эти страшные дни народ Мингера будет дисциплинированно и верноподданно соблюдать запреты, которые предписал нам султан и за соблюдением которых будет неусыпно следить господин губернатор!

– Браво!

– Вот если вы из страха перед бунтом озлобленных фанатиков не введете карантинные меры, тогда-то и начнется настоящее светопреставление, – продолжал священник. – Греки бегут с острова, мы боимся чумы. А кое-кто даже говорит, что все эти слухи про эпидемию именно для того и распустили, чтобы мингерские греки превратились в меньшинство; тогда они не смогут потребовать независимости.

– Господа, наш остров не османский протекторат и не чья бы то ни было колония, – заявил Сами-паша. – Мингер, больше половины населения которого составляют мусульмане, является неотъемлемой частью Османской империи, и все мы, и христиане и мусульмане, бесконечно преданы его величеству.

Но на эти слова не обратили внимания, и некоторое время спор о том, насколько Мингер похож на Индию, продолжался. Затем доктор Нури рассказал, как три года назад во время паники, вызванной чумой, из почти миллионного Бомбея бежало более трети населения.

– Если вы не оградите кордоном текке в Герме и Кадирлере, эти рассадники заразы, то греческая община может и вовсе полностью покинуть остров, – предостерег настоятель собора Святой Троицы. – Исход греков с Мингера, увы, уже начался.

## Глава 21

Заседание Карантинного комитета еще только подходило к концу, а в паровозных агентствах на Стамбульском проспекте и в окрестностях порта уже знали, что к пассажирам всех кораблей, которые покинут Мингер после воскресной полуночи, будет применяться пятидневный карантин. До этого срока было официально запланировано отбытие всего двух кораблей. Однако желающих уехать с острова в ближайшие три с половиной дня должно было набраться предостаточно. Поэтому многие паровозные компании поспешили отправить телеграммы с просьбой прислать еще несколько кораблей или же взяли в аренду судно-другое.

На набережной образовалась внушительная толпа. Одни кинулись за билетами или же сразу закрыли свой дом и приготовились к отбытию; другие желали сначала своими глазами увидеть, что происходит на берегу, а потом уж принимать решение; были и такие – их тоже набралось немало, – кто уже твердо решил не уезжать, а пришел просто из любопытства. Семейства, которые заперли свои дома и явились на набережную с чемоданами и коробками, словно надумав пораньше уехать на лето, были по большей части греческими. Среди них, например, оказались Алдони, разбогатевшие в золотую эпоху мингерского мрамора; Христо, недавно сколотившие капитал на торговле оливковым маслом; владелец магазина «Дафни» Томадис-эфенди, привозивший на остров из Салоник самые лучшие вышитые покрывала, нижние юбки и канву. (Свой магазин он закрыл, а товары, за сохранность которых после дезинфекции опасался, за одну ночь перевез в загородный дом.)

Затесалось сюда и несколько отпрысков богатых мусульманских семейств, например потомок Слепого Мехмеда-паши, таможенный чиновник Фехим-эфенди, и Феритзаде Джеляль, который, вообще-то, жил в Стамбуле, но приехал на Мингер проследить за ремонтом своего особняка. Однако основную часть мусульманского населения острова эта первоначальная суматоха никак не затронула. И мы не можем согласиться с историками-ориенталистами, которые полагали, будто мусульмане не боятся эпидемий в силу якобы присущего им «фатализма». Мусульмане Мингера просто были беднее христиан, хуже образованны и оторваны от мира.

Когда члены Карантинного комитета расходились с заседания, начался дождь с грозой, под которым все они промокли. Раскаты грома, сотрясавшие крепостные башни, напоминали зловещие проклятия. Зеленая молния, что ударила в море за Арабским маяком, показалась смотревшим сквозь тюремные бойницы узникам проблеском далекого воспоминания. А потом хлынул ливень, который впоследствии кое-кто назовет «потопом» и усмотрит в нем явление символическое.

Потоки дождевой воды неслись по водосточным трубам, вдоль стен и посреди улиц, сливаясь с нечистотами и унося их в море, а тем временем в редакции двух газет, одна из которых выходила на турецком языке, а другая – на греческом, доставили указ о карантинных мерах. В одной и той же типографии были отпечатаны объявления на двух языках с огромными словами ЧУМА и КАРАНТИН посередине; затем эти объявления расклеили на стенах домов по всему городу. Другие листки (снабженные даже картинкой) содержали заманчивое предложение: за каждую мертвую крысу будут платить по шесть серебряных курушей.

Начальнику карантинной службы Никосу и губернатору было известно от осведомителей, что очень многие лавочники вывезли свои товары, желая уберечь их от дезинфекции и уничтожения. Дамат Нури отправил в две лавки старьевщиков, что на Старом рынке, у Седельных ворот, отряд из самых умелых, рослых и решительных дезинфекторов. В этих лавках, складом которым служили свалки, выросшие на пожарищах неподалеку, продавались самые разные пожитки умерших от чумы: часы, иконы, курительные трубки, платья, брюки, простыни, зараженные чумными микробами матрасы и шерстяные ткани. Попадал в лавки товар и от



мародеров, которые пробирались в лишившиеся хозяев дома и грабили их, порой вынося все подчистую, не брезгуя зараженной одеждой, циновками, одеялами и шерстяными вещами и снова запуская их в круговорот смерти. Продавалось это все очень дешево. Губернатор уже давно считал лавки тряпичников, оборотистых греков с Крита, рассадником болезней, грязи и нищеты и подумывал их закрыть, да боялся, что выйдет скандал.

Работники карантинной службы в масках и перчатках споро сгребли вещи и одежду, выставленные на продажу двумя старьевщиками, а также товар из других лавок неподалеку, погрузили все на телегу и отвезли вдоль берега речки на холм Дикили. Там по распоряжению городских властей рыли два больших колодца, чтобы сжигать и засыпать известью грязное, зараженное тряпье.

Такая тактика, заставлявшая вспомнить моровые поветрия стародавних времен, была вполне оправдана. Сжигать принадлежавшие покойным вещи, которые люди сами из страха отдавали карантинной службе, было куда проще и дешевле, чем долго обрабатывать их лизолом и карболовой кислотой, которых и так не хватало, а потом возвращать владельцам.

Сотрудники карантинной службы не обращали внимания на слезы сребролюбивых лавочников, но кое-кому все же пошли навстречу, о чем мы знаем из поданных властям жалоб. Порой люди из Комитета по возмещению убытков (чиновники Казначейства) выписывали обязательство о щедрой компенсации за изъятие товара и обработку помещений известью, и тогда никаких споров не возникало. В других местах, например в обувных и кожевенных лавках вокруг Старого моста, торговцы пытались сопротивляться, но ничего не могли поделать, только кричали и бранились. «Карантин используют против христиан! Да и чуму ведь мусульмане-хаджи завезли на остров!» – такое можно было услышать очень часто.

Дезинфекторы, в своих больших масках и непромокаемых плащах, с бидонами за плечами и шлангами в руках, выглядели жутковато. Эти двенадцать человек, которые долго будут являться детям Арказа в кошмарных снах, на самом деле были пожарными. Еще много лет назад, когда впервые возникла необходимость разбрызгивать дезинфицирующие средства, все первым делом вспомнили о мингерской пожарной бригаде, с ее насосами и шлангами, и после этого любую работу, связанную с распылением дезинфицирующих растворов, стали поручать пожарным. Напомним, что после открытия бактерий, в просторечии микробов, стало весьма модным при каждом случае, даже если в том и не было надобности, опрыскивать вещи чем-нибудь обеззараживающим и в продаже появились изящные пульверизаторы, они же «пшикалки». Когда поползли слухи о чуме, Кирьякос-эфенди, владелец роскошного магазина «Bazaar du Île»<sup>90</sup>, заказал в Салониках партии пульверизаторов для домашнего хозяйства двух разных моделей.

С началом эпидемии у дверей многих государственных учреждений, по примеру отелей «Сплэндид палас» и «Левант», появились слуги, распыскивающие в воздух раствор карболовой кислоты, лизола или еще чего-нибудь бактерицидного. Эти первые, незамысловатые меры (сегодня мы знаем, что никакой сколько-нибудь существенной пользы они не приносят), с одной стороны, напоминали населению о необходимости быть осторожными и соблюдать чистоту, а с другой – создавали у людей иллюзию, будто эпидемия не так уж страшна, если от нее можно уберечься с помощью химикатов, которыми прыскают из пульверизаторов, как духами. «Не бойтесь, ничего с нами не случится!» – говорили друг другу мингерцы.

В Арказе эпидемия диареи начиналась каждое лето, особенно сильно ударяя по кварталам Герме и Чите и по трущобам рядом с портом, и народ уже привык видеть, как по улицам медленно идет пожилой пожарный, поливая нечистоты, комариные лужи и выгребные ямы темно-зеленой жидкостью. Дети не боялись этого добродушного борца с поносом и бродили вслед за ним с улицы на улицу. Местные жители и торговцы открывали перед ним двери, кото-

<sup>90</sup> «Универсальный магазин острова» (фр.).

рые он просил открыть, показывали уголки и ямы, которые он просил показать, и все добросовестно содействовали дезинфекции.

Но теперь от пожарных-дезинфекторов старались держаться подальше. Что было причиной внушаемого ими страха: черные ли маски, закрывавшие все лицо, или блеск их непромокаемых плащей на закатном солнце, или то, что они всюду ходили группами не менее пяти человек? Мальчишки не перешучивались с фигурами в масках, а в ужасе бежали от них, словно от злобных великанов, разносящих по городу чуму, брызгающих заразой на краны общественных источников и дверные ручки. У зеленщиков, мясников, продавцов еды и напитков, владельцев закусочных и в мыслях не было им содействовать – думали они лишь о том, как бы уберечь свои лавки и спасти товары.

Но удавалось это не всем. Один зеленщик на рынке воображал, будто ему поможет, если он станет клясться, осеняя себя крестным знамением, что огурцы и салат латук в его лавке выращены на собственном огороде. (Позже он признаётся под пыткой, что связан с греческими националистами.) Увидев, как двое пожарных в черных плащах заливают его прилавок раствором карболовой кислоты, зеленщик чуть не задохнулся от ярости. Кости-эфенди, добродушный владелец лучшей в Арказе, обожаемой детьми шербетной лавки, тоже думал, что достаточно продемонстрировать свою добросовестность и все будет хорошо. Когда в его знаменитое заведение вошли врачи и люди в черных масках, Кости-эфенди у них на глазах разлил по стаканам розовый, апельсиновый, померанцевый и вишневый шербет и выпил их один за другим, желая показать, что заразы в его напитках нет. Но карантинные служащие и пожарные, не теряя времени, вылили весь шербет из графинов на полках и на совесть обработали всю лавку карболовой кислотой. Потом пришла другая команда, осыпала лавку известью, заколотила и запечатала дверь – и на торговлю шербетом был наложен запрет до конца эпидемии. «Да подавитесь вы! – в сердцах сказал Кости-эфенди. – Но на что нам теперь жить, как на хлеб-то зарабатывать?»

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.